

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

У.

ВѢКЪ АЛЕКСАНДРА Благословеннаго.

1.

Княжна Александра Ивановна Шаликова.

Она первая и, кажется, единственная изъ Россіянокъ привѣщствовала на языкѣ Аполлона юнаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, прибывшаго въ Москву для Высочайшаго Коронованія въ 1801 году. Тогда Княжна Шаликова сочинила и посвятила ГОСУДАРЮ стихи, напечатанные въ Московской Университетской Типографіи, а ИМПЕРАТОРЪ удостоилъ ихъ Высо-

чайшаго благоволенія и Всемилосливѣйше наградила сочинительницу брилланшовымъ перспнемъ. Прочія стихопворенія Княжны Александры Ивановны помѣщены въ *Пріятномъ и Полезномъ препровожденіи времени*, въ *Иппокрептѣ* и въ другихъ нѣкопорыхъ повременныхъ изданіяхъ. Началомъ ея лишперашурнаго поприща былъ 1797 годъ; въ сіе время появились ея первые стихи: *На отбѣздѣ въ деревню М. Н. Х — ой*, напечатанные въ XV части *Пріятнаго и Полезнаго препровожденія времени*; *Надгробіе Д. А. Ш * * ** (шого же изданія часть XVIII); *На смерть Ф. П. В — ой* (тамъ же, часть XX); *Пѣсни* (Иппокр. часть Пя), и проч. Приведемъ слѣдующій опривокъ изъ вышесказанныхъ ея стихопвореній:

Слѣсенный скорбью духъ помится
И сердце сягомишь мое! . . .
Судьба играя, веселишься,
Печально вида бытіе!

*

Никто, ахъ! мнѣ не сострадаешь,
Сердечной грусти не дѣлишь;
Одна природа унываешь;
Она одна со мной груститъ (*).

*

Среди весны, златой, прелестной,
Слагая красочу свою,
Видъ горестной приемишь, слезной —
Чтобъ раздѣлишь шоску мою.

*

Она одна — какъ другъ несчастныхъ —
Берешь участіе во мнѣ:
Въ моихъ часахъ, увы! печальныхъ,
Даетъ осенній видъ веснѣ.

(*) Сіи стихи, говоришь сочинительница, были писаны въ весенній день, но неясливый. М.

Елисавета Александровна Лихарева.

Принадлежишь къ небольшому числу нашихъ липшерапорокъ - переводчиць. Въ 1801 году она перевела съ Французскаго и напечатала въ Московской Университетской Типографіи довольно поучительный и столь же занимательный романъ: *Исправленный вертопрахъ, или великодушная любовница.*

Марія Фрейтагъ.

Жительница Пешербурга. Зная въ совершенствѣ Нѣмецкій языкъ, какъ говоряшь, она весьма любила Нѣмецкую драматическую липшерапуру, и спараясь знакомишь съ нею нашъ опечесливенный шеапръ, перевела нѣсколько піесъ изъ Гетте, Коцебу и проч.; но изъ напечатанныхъ ею переводовъ намъ только извѣсны: *Нашъ пострѣль вездѣ пострѣль*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, изъ сочиненій Гинсера (напечатана въ Типограф. Академ. Наукъ 1802), и комедія же: *Охотники, или Изображеніе сельскихъ нравовъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, взятая изъ сочиненій знаменишаго *Иффланда* и также напечатанная въ упомянутой Типографіи и въ 1802 же году). Нашъ извѣстный липшерапоръ, Д. И. Вельяшевъ-Волынцевъ, принявшій на себя трудъ перевести сочиненія *Иффланда* (*), весьма хвалиль близость къ подлиннику *Охотниковъ* (перев. Г-жею Фрейшагъ) и весьма сожалѣль, что она

(*) И перевелъ только одну *первую* часть, напечатанную 1816 г. въ М. Университ. Типограф. Преждевременная кончина лишила насъ сего шрудолюбиваго липшерапора.

не продолжала знакомить насъ съ Ифландомъ. „Она моя соперница“ — говорилъ онъ однажды извѣстному же липператору, Ф. Ф. Иванову — „но пустьъ вдвое и въпрде такія переводчицы, какъ Фрейшагъ, знакомятъ насъ съ Ифландами; и развѣ тогда только Рускіе актеры поглядятъ на нашу драматическую сцену съ другой точки зрѣнія (*).“

4.

Барвара Александровна Княжнина.

Урожденная *Караулова*, супруга извѣстнаго липператора, Генераль - Лейшенанша, Александра Яковлевича Княжнина (сынъ Поэта Якова Борисовича). Будучи еще дѣвицею, она въ 1802 году перевела съ Французскаго и напечатала въ С. - Петербургѣ (въ Типографіи Губернскаго Правленія) повѣсть: *Строццѣева Пещера*. — Изъ стихопвореній Г-жи Княжниной намъ извѣсны помѣщенныя въ разныхъ журналахъ. Все они имѣють особенное достоинство глубокой чувствительности. Напримѣръ, вопъ одни изъ ея стиховъ, напечатанные въ VIй часши *Иппокрены* 1800 года: *Разговоръ матери съ маленькимъ сыномъ своимъ*.

Что съ слезами пробудился,
Ангель милой? улыбнись!
Никого ты не лишился:
Такъ уймись, мой другъ, уймись.

*

(*) Вѣроятно уже не съ водевильной, между тѣмъ какъ водевили съ нѣкотораго времени даже и самыми строгими судьями нашей сцены до того уважаются, что безпрестанно переводясь и сочиняясь или самими, оп-

Что такъ рано грусть съ тобою, —
 При разсвѣтѣ дней твоихъ?
 Ты изъ глазъ своихъ слезою
 Множишь люпость мукъ моихъ.

*

Или съ молокомъ вливаешь
 Ты поску мою въ себя?
 Скорбь почто такъ рано знаешь?
 Что противно для тебя?

*

Мнѣ судьбы опредѣлили
 Быть несчастной и спрадашь,
 Сердцемъ спрастнымъ надѣлили,
 Чшобы мукъ мнѣ больше знать.

*

Я росла, какъ ты, въ свободѣ,
 И не знала, какъ груспить.
 Видно, что во всей природѣ
 Должно плакать и любить!

*

Твоего отца любила;
 Взглядъ его былъ мой законъ;
 Въ сердцѣ нѣжность всю хранила;
 Въ немъ почтенъ былъ мною онъ.

*

За любовь мою презрѣнье
 Нынѣ вижу ошъ него;
 Онъ не знаетъ, что мученье
 Мнѣ готовишь изъ того.

Знашь не лзя тебѣ печали;
 Ты не можешь разсуждашь:
 Чувства чувствамъ грусть сказали,
 И — ты началъ посковашь.

даюшся на ушѣшеніе публики безъ всякаго разбора,
 и — подь чужими именами. М.

Во Французскомъ подлинникѣ, которому сдѣлано приведенное нами подражаніе, еще болѣе и сильнѣе упреки гореспной мапери; но они уже слишкомъ *сильны*, и попому наша переводчица - авторь, вѣрояпно съ намѣреніемъ, оставила все то, что ни по какому праву не должно было принадлежать перу женщины.

5.

Марія Осиповна Москвина.

Писала стихи вмѣстѣ съ сеспрюю своею, Елисаветою Осиповною (въ послѣдствіи супругою извѣснаго Доктора, Дѣйств. Сп. Сов. Е. О. Мухина), и наконецъ въ 1802 году, по убѣжденію нѣкоторыхъ тогдашнихъ лишператоровъ, именно В. С. Подшивалова и въ особенноти Б. К. Бланка (который былъ и издашелемъ стихопвореній Г-жѣ Москвиныхъ), напечашала первую часть общихъ своихъ шрудовъ съ сеспрюю въ М. Университетской Типографіи, подъ названіемъ: *Аонія, или Собраніе стихотвореній Г-жѣ Москвиныхъ*. Въ семъ Собраніи и самъ издашель помѣшилъ нѣкоторыя изъ своихъ стихопвореній; но мы посмошримъ на собшвенныя произведешія нашихъ Стихопвориць. Вотъ изображеніе *бабочки*, написанное *Марією Осиповною*:

Пестра бабочка летаетъ,
 Вьется въ воздухъ легко,
 И собой меня прельщаетъ,
 Что летаетъ высоко;
 Лишь захочетъ — полетѣла
 По желанью своему;
 На какой цвѣтокъ ни сѣла,
 Придаетъ красу ему.
 Цвѣтикъ съ радости вздыхаетъ,
 Веселѣе кажетъ видъ. . . .

Но гдѣ жь бабочка? — Летаешь!
 Щасливый цвѣтокъ забышь.
 Перелѣла на кусточикъ:
 Кустъ опъ радости молчалъ;
 Не трепещеяся, листочикъ;
 Только въ шерокъ щепчалъ.
 Вдругъ вспорхнула — полетѣла;
 Съ вѣтромъ дѣлаешь круги. . . .
 И съ нимъ вишься не хошѣла;
 Видишь радужны дуги:
 Къ нимъ летѣла — но далеко —
 Съ горя сѣла на дубу,
 Показалось тамъ высоко,
 Перелѣла въ мураву;
 Вдругъ увидѣвъ мотылѣчка,
 Закружилася опять:
 Лѣзя ли милого дружокъ:
 Не пустишься догонять?
 Онъ какъ будто осердяся,
 Вдаль лепитъ; она за нимъ;
 Съ утра до ночи рѣзвися,
 Кончашъ дни одинъ съ другимъ, и проч.

(Аоніа. Стран. 20.)

Рисунокъ перелетовъ бабочки очень не дуренъ; но заключеніе всего стихотворенія не весьма ладно и пощому оспавимъ его; а посмотришь шеперь на одну изъ *Эпитафій*, сочиненную *одною* изъ Г-жъ Москвинныхъ; она опносившя къ *юной Надеждѣ*, жившей на свѣтѣ только *пять* часовъ, — къ надеждѣ, кощпорою, какъ выражаешя *Стихотворица*:

Ломчѣ хрустала и шонѣ воды
 Все наше щасіе основано бываешъ;
 Лишь хочешъ ты вступишь на щасливый слѣды,
 Она ломаетя и шощасъ исчезаешъ.

Надежда родилася полночи въ два часа;
 Лишь крестна маминька вришла и приаскала,
 Она готовилася взнестись на небеса,
 А утра въ седьмъ часовъ — она ужъ оплешдала!

Щаспливая мысль! А вошь и другая, споль же хорошая: эшо *Эмблема*. Спихошворица говорипшъ:

„Невинность *бѣлою* лилеей всѣ зовушъ;
„Во многихъ же садахъ и *желтыя* цвѣтушъ.“

(*Аонія. Стран. 77.*)

Шушка; но шушка скромная! — Впрочемъ спихи Г-жъ Москвиныхъ не вездѣ чиспы, не всегда ясны: шо и другое должно извинишъ шѣмъ (если-бъ однакожь мы не имѣли уже Княжны *Урусовой*), что они писаны (какъ и неоднократно сказано нами) слишкомъ за тридцать лѣтъ и — дѣвицами, учившимися шолько по *бунварю природы*: и шакъ чешъ и слава имъ!

(*Продолженіе впредь.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С л ь п ы й.

Je t'aime, et je ne puis te voir.

Я слышу шорохъ! ты идешъ!

Зефиръ одежду развѣваешъ;

Повсюду радость ты несешъ. . . .

И роза стебель наклоняешъ,

Завидуя красъ швоей;

И шие спашъ журчашъ ручей.

Я чувствую швое дыханье;

Мое все въ немъ сущешшованье. . . .

Ты здѣсь! и вошь рука швоя;

Но, ахъ! тебя не вижу я.

*

Не шой, не шой я жертва ночи,

Когда любуются луной;

Когда лазурь плѣняешъ очи;

Когда и огонекъ порой

Зарницей быстрою сверкаешь
 И прошлый день напоминаешь.
 Мнѣ жребій — въ вѣчной ночи живъ,
 Твой слышать голосъ и любишь!
 Ко мнѣ ты обратила слово —
 И сердце слышья съ нимъ гошова.
 Такъ! въ словѣ томъ душа швоя!
Но, ахъ! тебя не вижу я!

*

Запѣла ты! — швой голосъ нѣжный
 Мнѣ въ душу оладость жизни льешь;
 И опзвъ крошкій, безмятежный
 По роцѣ вдоль его несешь.
 Смолкъ соловей! въ швоемъ онъ пѣнѣ,
 Мой другъ! по слышишь вдохновенье,
 Кошорымъ слухъ къ себѣ влечешь
 И въ сердце восхищенье льешь.
 Я ожилъ! . . . все позабываю. . . .
 Нѣшь! нѣшь! опять, мой другъ, спрадаю. . . .
 Тогда-бъ прошла шоска моя,
Когда-бъ тебя увидѣлъ я.

Метатель.

В ъ А л ь б о м ъ
К. Г. и Н. В. Л * * *

Болезню тяжкой удрученный,
 Живу для дружбы лишь одной:
 Я васъ узналъ — и полюбилъ душой!
 Подъ бременемъ и лѣтъ, и горестей согбенный,
 Еще блаженствую я въ участи моей:
 Имѣю я друзей!

В. Пшкн.

П о с л а н і е к ѣ Н у.

Какая дума, милый мой,
 Твоей душой волнуешь пылкой?
 Сроднившись съ грустью и шоской,
 Ты не даришь меня улыбкой!

Когда судьбы суровый взоръ
 Слѣдишь швой путь, щасливый прежде;
 Иль злобы дерзкій приговоръ.
 Велишь покорспповать невѣждъ:
 Терпи съ возвышенной душой
 Судебъ напрасныя угрозы.
 Стрѣлы нещастья роковой
 Не отвращашь ни грусть, ни слѣзы.
 Когда-жь молвы лешучій шумъ
 Твой голосъ правый заглушаетъ,
 Воспорги чувствъ и прелестъ думъ.
 Тоской и грустью оправляетъ:
 Позѣрь, какъ быстрая рѣка,
 Молва волнуется по свѣту,
 Потомъ зашихнешь и слегка
 Она спруей улетится въ Лешу.
 Но если дружба предъ тобой:
 Въ коварствѣ злобномъ обнажилась,
 Или сердечной пустошой
 Любовь *былая* замѣнилась:
 О милый другъ! кто вѣрится имъ,
 Тотъ быть обманушимъ желаетъ
 И рѣдко сердце улаждаетъ
 Воспоргомъ радости живымъ!
 Забудь игру мечты лукавой,
 Какъ забываемъ сонъ и бредъ;
 Гордись душой невинной, правой,
 Минервъ шесшвуя во слѣдъ!
 Не все въ природѣ мракъ унымый;
 Бываетъ солнце и зэфиръ:
 Не все грустишь тебѣ, мой милый!
 Въ душѣ швоей наспанешъ миръ;
 И вновь изъ чаши наслажденій
 Мы будемъ свѣщлмый нектаръ пить. —
 Отъ злой судьбы нашъ добрый геній
 Не перестанетъ насъ хранишь!

А. Никитинъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо В. И. Козлова къ М. И.
Макарову.

С.-Петербургъ, 18го Сентебря, 1823.

Послѣ долгаго и едва ли извинительнаго съ моей стороны молчанія, снова принимаюсь за перо, любезнѣйшій Михайло Николаевичъ, чптобы поблагодарить за пріятныя ваши письма и присылки. Литографія картинки насъ задержала; я былъ въ долговременномъ, но безплодномъ ожиданіи и не хотѣлъ отпралять къ вамъ *пустаго* письма, т. е. безъ вложенія картинки и текста. Наконецъ пріятель нашъ *Бегровъ* младшій совершилъ сей подвигъ и въ № 36-мъ или 37-мъ *Новостей Литтературы* возблнщаепъ вашъ *Городецъ* во всемъ сіяніи обновленной древности. Вотъ одна причина моего молчанія. Хотнше ли, чптобы я признался и въ другой? Это была *лѣтняя разсѣянность*. Я все поспѣщаль и прославляль

Дачь *Бахратовыхъ* луга,
Видъ Головискія деревни
И Черной рѣчки берега.

Безъ шупокъ, эта рѣчка споишь *зеркальныхъ морей* и *Василій Туманскій*, прославившій ее романшическими стихами, очень хорошо сдѣлаль. Я находиль шамъ и забвеніе горестей, и опдохновешіе опъ трудовъ и заботъ, находиль даже и піишическое вдохновеніе. *Вечерняя прогулка*, кошорую вы, можетъ бытъ, чипали въ *Новост. Литт.*, одолжена бышіемъ своимъ обншательямъ или, справедливѣе сказаць, обншательницамъ

береговъ *Черной рѣчки*. — Здѣсь были - жили Граціи, *истинныя*, не *мнимыя*; Граціи красосою, умомъ, талантами, сердцами и характеромъ. Онъ и теперь еще шамъ живущъ и вчера провелъ съ ними почти цѣлый день. Ихъ же числомъ *три*: un rapport de plus avec les Grâces! — Хопите ли знашь ихъ земное имя? Эпо — Княжны *Салтыковы*.

Благодаря Черной рѣчкѣ, *сплинъ* не шакъ уже часто меня посѣщаетъ; но и теперь приходяшь иногда минушы ужасныя, *ипохондрико-романтическія*. Завидую Графу Дмитрію Ивановичу, копорый во всякое время можешъ писать стихи. Если бы я имѣлъ его даръ, шо сколько бы написалъ элегій!

Совершенное спокойствіе — не говорю уже о щасіи — не существуетъ подъ луною! Гдѣ найдемъ розу безъ шиповъ, гдѣ найдемъ свѣтъ безъ тѣни?

„Въ семейномъ щасіи,“ скажете вы. Но всѣмъ ли дано сіе щасіе? Сколько людей, копорые о немъ и думашъ не смѣютъ! И я, грѣшный, въ эпомъ числѣ!

Кспати о семейномъ щасіи: поспрудитесь напомнишь обо мнѣ любезнѣйшей супругѣ вашей и почтеннымъ ея родителеямъ, если они съ вами. — Что дѣлаешъ *Т. . . въ*? Не лзя ли, безъ шушокъ, препроводишь его въ Петербургъ; а я бы взялся найши ему невѣсту. Пора, цриво пора думашъ и ему о семейномъ щасіи.

Сегодня вспрѣпилъ я Графа Дмитрія Ивановича, гуляющаго по Невскому проспекту. Онъ сказалъ мнѣ *вопервыхъ*, что получилъ опъ васъ письмо, и *вовторыхъ*, что въ пятницу, 21 го с. м. (въ день именинъ его), будущъ у него

въ домъ сонмище, игрища и пляска (вамъ извѣсны сіи условныя реченія наши). Ласкаюсь удовольствовіемъ побывашь на эпихъ праздникахъ.

Проспшите мою нескладицу и вѣрьше искренней и всегдашней дружбѣ вашего

В. Козлова.

С М Ъ С Ъ.

1.

Воздушное путешествіе г-на Робертсона.

Наконецъ г-нъ Робертсонъ, къ полному удовольствію Московской публики, совершилъ воздушное путешествіе въ прошедшую среду, 11 Юня, на Героховомъ полѣ въ саду при домъ, бывшемъ Графа Разумовскаго. Погода была непрекраснѣйшая. Шаръ наполнился газомъ въ 3 часа по полудни, и около 7 часовъ, въ присутствіи Его Сіяшества, Г-на Московскаго Военнаго Генераль-Губернашора, многихъ почетныхъ Особъ, при великомъ спеченіи зрителей обоего пола и при громкихъ звукахъ полковой музыки, Робертсонъ поднялся величественно на своемъ шарѣ и въ 20 минутъ былъ уже на весьма значительной высотѣ, такъ что шаръ казался на послѣдокъ дѣпскимъ мячикомъ. Сначала воздушный путешественникъ нечаянно уронилъ шляпу, а потомъ спустилъ знамя, копорыя и упали въ самомъ саду. Чтобы узнать направленіе шара, былъ прежде спущенъ маленькій шаръ. Робертсонъ по сему направленію пролетѣлъ почти всю Москву поперегъ и началъ опускаться за Прѣсенскою заспавою въ деревнѣ Шелепихѣ при Москвѣрѣкѣ. Уже онъ закидывалъ якорь, но видя неудобство мѣстнаго положенія, сбросилъ лествъ, или

балласть, прибралъ якорь, поднялся и перелешѣвъ черезъ Москву - рѣку, спалъ опускашься на Филяхъ; но и пупъ не имѣлъ удачи: ибо шаръ успрямлялся прямо на церковь. Поднявшись опять, воздухоплаватель благополучно опустился въ кустарникахъ, между Филями и Кунцовымъ, гдѣ его и встрѣпили во первыхъ два казакъ, посланные вслѣдъ за нимъ Г-мъ Полицеймейстеромъ Миллеромъ, попомъ нанимающій въ Кунцовѣ лучшее жилище, Московскій негоціантъ, г-нъ Брандербургъ, и г-да Дубле и Яръ. Г-нъ Голохвастовъ, также прискакавшій шуда въ коляскѣ, взялъ путешественника съ собою и привезъ домой въ Москву вмѣстѣ съ шаромъ.

Отецъ г-на Робертсона, знаменитый физикъ и механикъ, въ 1804 и 1805 годахъ былъ, какъ извѣстно, въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Младшій сынъ его, Дмитрій Робертсонъ, нашъ воздушный путешественникъ, родился въ Москвѣ 1806 года. Его воспреемникомъ былъ Оберъ-Егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ. Доспойно замѣчанія, что при первомъ въ Москвѣ воздушномъ путешествіи своемъ Дмитрій Робертсонъ опустился въ помѣстьяхъ крестнаго отца своего.

Г-нъ Робертсонъ намѣренъ совершить еще одно и послѣднее воздушное путешествіе въ нашей столицѣ.

2.

Тверской бульваръ.

Чтобы вызвать Московскій прекрасный полъ на гулянье, — для эшаго недовольно самой прекрасной погоды, кошорою впрочемъ мы такъ не богаты: надобны другія побудительныя причины — и главная есть та, чтобы знашь,

будутъ ли на гуляньи; ибо нашъ прекрасный полъ, какъ извѣстно, не иначе показывается на гуляньяхъ, какъ въ нарядахъ, почти бальныхъ: обстоятельство, весьма затруднительное и по-тому совершенно враждебное лѣшнему хорошему вечеру. . . . Знакомыя намъ дамы, возвратившіяся изъ *столицы модъ*, рассказываютъ очень искренно, что Парижане съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ, когда онѣ въ Тиволи и Фраскаши являлись въ такихъ нарядахъ, въ какихъ обыкновенно являющся на своихъ гуляньяхъ и какіе въ *Парижѣ* употребляютъ только для *вечеровъ*.

И такъ у насъ — для соединенія хорошей публики на гуляньи — надобно подать *сигналь*, копорый бы далъ знать, что *заботы туалета* не будутъ щепетными — и съ нѣкотораго времени сей магнетическій сигналь поданъ на Тверскомъ бульварѣ полковою музыкою, копорая гремитъ на немъ по впорникамъ и пяпницамъ и копорою привлекается именно *хорошая публика*.

Тверской бульваръ есть конечно лучшее изъ Московскихъ гульбищъ и по тому, что въ самомъ центрѣ города, и по тому, что содержишся въ отличномъ порядкѣ, — благоухаетъ цвѣтами, прохлаждается фоншанами: *всегдашніе* жипели душнаго жилища такую пріятность могутъ почестъ за благодѣяніе — и Москва никогда не забудетъ того, кто посреди безчисленныхъ и разнородныхъ занятій къ ея благосостоянію удѣлялъ дѣятельность свою и на ея украшеніе, соединенное со многими существенными выгодами, и кто побѣждавши враговъ на полѣ чести, изгладилъ слѣды разрушеній, оставленные ими въ стѣнахъ столицы.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Шляпки надѣваются почти совсѣмъ назадъ; онѣ совершенно открываютъ оба пучка волосъ и гладкую буклю (coque), ихъ раздѣляющую. Въ спектакляхъ шляпки изъ пальдери бывають надѣшны шакъ, что изъ-подъ оныхъ видно множество узенькихъ косокъ, образующихъ на лбу повязку (bandeau) и посрединѣ перехваченныхъ камеею, или дорогимъ камнемъ.

— На послѣднемъ праздникѣ въ Тиволи всѣ дамы были въ одинакихъ шляпкахъ изъ Ипальянской соломы съ букетомъ изъ пяши спрусовыхъ перьевъ, приколаныхъ на шульѣ съ правой стороны. Сии шляпки, надѣшныя очень назадъ, были убраны большими баншами изъ газовыхъ ленпъ. На одной молодой дамѣ было бѣлое кисейное платье (NB. за незнаніемъ встрѣтившихся шерминовъ, часто непоспимыхъ въ языкѣ моды, выписываемъ весь текстъ), garnie de deux pitits jours découpés et sans tête; l'un était placé à la hauteur des genoux, l'autre à un travers de main de distance. Le corsage, tout-à-fait croisé des épaules au côté opposé de la ceinture, était *contrarié*; la croisure étant de droite à gauche sur la poitrine, et de gauche à droite sur le dos. Шляпка изъ пальдери, убранная газовыми пунцовыми ленпами (satinés) съ мѣлкими полосками (à mille raies, couleur sur couleur, et de digitales rouges réunies en trois boules).

Опличныя щеголихи имѣли на себѣ ожерелье изъ газовой ленпы (satiné), завязанное на самой шеѣ посрединѣ.

Изъясненіе картинки при семьѣ No.

Шляпка изъ пальдери. Канезу шюлевое. Платье кисейное.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашаніи, предшавлены были въ Ценсурный Комишетъ три экземпляра. Москва, Іюня 24го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

Изящный умъ и благоразуміе.

Мыслишь здраво и основательно — вопъ, по моему мнѣнію, въ чемъ состоить благоразуміе. Сіе качество не споль обыкновенно, какъ многіе о помъ думаютъ; оно гораздо предпочпительнѣе и драгоцѣннѣе изящнаго ума. Правда, что сей послѣдній имѣетъ болѣе блеска; онъ способнѣе возбудить воспоргъ; ибо очаровываетъ насъ или своею пылкостью, или симъ пламеннымъ воображеніемъ, кошорое быспро постигая всѣ вещи, изъясняетъ ихъ свободно, и представляетъ намъ безпрещанно новыя предметы, живыя, одушевленные каршины, разительныя изображенія; по въ немъ видны плодовитость, по сія разборчивая упонченность, кошорая спройно свя-

зываетъ и располагаетъ идеи, находить вѣрное и удачное сходство между вещами, по видимому наименѣе сходными, шушится съ игривостію и милою просопою, раждаетъ осприя изреченія, подаетъ другимъ средство изошрять ихъ прозорливость, скрываетъ въ красивыхъ изгибахъ собственную замысловатость свою, но до такой однакожь степени, чтобы пріятно было ее угадывать.

Когда же сей цвѣтъ человѣческаго разума сопряженъ въ комъ нибудь съ благоразуміемъ, тогда нѣтъ въ природѣ ничего превосходнѣе; но, къ несчастію, сіи два качества не всегда бывають соединены вмѣстѣ, и умъ безъ благоразумія весьма ненадеженъ; онъ даже часно болѣе вредитъ, нежели приноситъ намъ пользы; его можно уподобить ложному свѣту, который, вмѣсто того чтобы озарять путь, заставляетъ насъ блуждать и спотыкаться почти на всякомъ шагу. Нѣкто сказалъ объ умѣ, что *онъ въ рукахъ страстей есть опаснѣйшее орудіе*. И въ самомъ дѣлѣ, сколько людей, которые, къ ихъ собственной бѣдѣ и къ несчастію ближнихъ, имѣли слишкомъ много ума. Арнольдъ, Авшоръ Германика, можетъ спасться, умнѣ всѣхъ своихъ современниковъ, но онъ умъ свой не всегда употребляетъ съ пользою; за то сколько у него и враговъ. — Говорятъ, что одинъ Парижанинъ, желая блеснуть умомъ на счетъ нѣкотораго провинціала, спросилъ у него въ многолюдномъ обществѣ: что значатъ оболы, параболы и фариболы? Провинціаль нимало не смѣшавшись, отвѣчалъ ему: параболы есть то, чего ты не понимаешь; фариболы то, что ты говоришь; а оболы то, чего ты спойшь. — Изъ сего произошелъ по-

единокъ. И такъ будемъ изощрять умъ свой, но опнюдь не на счешь ближняго.

Не лзя сказашь шого же о благоразуміи; оно непрекословно естъ самонужнѣйшій даръ природы и наиболѣ заслуживающій уваженіе. Изъ благоразумія не можешь произойти злоупотребленіе; но безъ него все во зло употребить можно. Большая часть нашихъ погрѣшностей всегда почіи происпекаетъ не опъ недостатка въ умѣ, но опъ недостатка въ благоразуміи; и если мы вспрѣчаемъ шакъ мало мудрецовъ и споль много сумазбродовъ, эшо единспвенно опъ шого, что здравый разумокъ не естъ общеѣ всѣхъ свойство.

Человѣкъ, одаренный благоразуміемъ, поступаетъ во всякомъ случаѣ съ осторожноспію: въ важныхъ дѣлахъ, въ затруднительныхъ обстоятельспвахъ, онъ вникаетъ со шщаніемъ, выбираетъ съ разсужденіемъ, и лишь шолько шогда на что нибудь рѣшается, когда имѣетъ къ шому основательныя причины. Онъ лучше оспановишся, гдѣ начнетъ померкашь для него свѣшъ, нежели захочетъ ийти ощупью, и блуждая, ошупишся въ пропашь.

Благоразуміе споль же правосудно, сколь и разсудительно; оно ни о комъ худо не мыслишь, и обо всемъ спарается судишь съ хорошей стороны, не пошому чшобъ одобряло зло, но опъ шого что не вдругъ оному вѣришь. Оно придаетъ благопріятный смыслъ шому, что можешь бышь выгодно исполковано, и оправдываетъ все, что заслуживаетъ оправданіе; оно предпочитаетъ лучше ошибашься, имѣя хорошее, нежели спшкомъ дурное о другихъ мнѣніе.

И шакъ судя по всему вышесказанному, я заключаю, что для истиннаго щаспія благо-разуміе гораздо нужнѣе изящнаго ума. Но щасп-ливъ, спокрашно щаспливъ пошъ, кто имѣеть шо и другое!

Съ Франц. Н. Курманалева.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОРТРЕТУ

О. Н. Т. . . . ной.

Не говорите: „Кисть и краски хороши.“
Онъ ничто предъ шѣмъ, что видите въ портретѣ;
Что вмѣстѣ рѣдко такъ встрѣчается на свѣтѣ:
И прелести лица, и прелести души.

Р о м а н с ы.

1.

Немного въ жизни свѣтлыхъ дней
Въ удѣлъ мнѣ отдано судьбою;
Но живы въ памяти моей
Тѣ дни, когда я былъ съ шобою!

*

Когда любилъ, когда страдалъ,
Твоей любви не довѣряя,
И какъ я сердце услаждалъ,
Твою невинность узнавая.

*

Но, ахъ! швоимъ я бышь не могъ,
 Ты отдала другому руку —
 И мнѣ судиль жестокой рокъ
 Несши навѣкъ съ шобой разлуку.

*

Теперь не я горжусь шобой,
 Любовью спраспной ослѣпленный;
 Въ швоихъ объашіяхъ другой
 Хранишь залогъ ея священный.

*

Люби его — пущь въ жизни я
 Не знаю больше утѣшенья!
 О милой другъ! забудь меня!
 Намъ на землѣ нѣшь съединенья!

С. С. . . . кій.

2.

Все вокругъ меня въ природѣ веселишся,
 Всѣ кажущся довольными собой;
 Моя лишь грудь уныніемъ шомится;
 Одинъ лишь я забышь людьми, судьбой!

*

Иной вздохнемъ въ часъ скучнаго досуга
 И радости бѣгушь къ нему толпой;
 У каждаго есть другъ или подруга:
 Одинъ лишь я забышь людьми, судьбой!

*

Иной родясь, не знаешь злополучій,
 И зришь всегда сводъ неба голубой;
 Одинъ лишь я вездѣ встрѣчаю тучи,
 Одинъ лишь я забышь людьми, судьбой!

*

И жизнь моя, какъ бурный вихрь, несется,
 Слѣдима ужасною шоской,
 И въ сердцѣ гласъ печальный опдается:
 Одинъ лишь ты забышь людьми, судьбой!

Д. Ленскій.

М е с т ь .

Какой - то спранникъ спранъ Авзонскихъ,
 Приѣхавшій въ столицу къ намъ,
 Бываль всегда по вечерамъ
 Во всѣхъ собраніяхъ Московскихъ;
 И въ Благородномъ, наконецъ,
 Я вижу, спранникъ мой въ столовой
 (Въ пошъ вечеръ былъ концертъ, и новой
 Пѣнлялъ шаланшомъ насъ пѣвецъ),
 Мой Ишальянецъ со вниманьемъ
 Глядитъ на кушающихъ дамъ.
 „Ихъ прелестей очарованьемъ
 Объяшый, забываешь самъ
 О пищѣ онъ!“ такъ я мечтаю,
 И взоромъ быстрымъ облетаю
 Красавицъ нашихъ за столомъ:
 Туть быди . . . всѣ. Но, вижу, спранникъ
 Глядитъ съ нахмуреннымъ челомъ —
 Не такъ, какъ Грацій вѣчный данникъ,
 А мизогиномъ! . . . И къ нему
 Я подхожу съ вопросомъ скромнымъ. . . .
 Но какъ же былъ не радъ ему! . . .
 Мнѣ ошвѣчаешь вѣроломнымъ
 Авзонецъ, рѣзкимъ языкомъ
 На мой вопросъ: Вы въ удивленіи?—
 И вѣрно — нѣтъ сомнѣнья въ томъ —
 Отъ нашихъ дамъ? . . . „Я въ изумленіи,

Когда угодно вамъ, опъ нихъ —
 То естъ опъ аппешипа ихъ! . . .
 Часовъ одиннадцать, не болю;
 Обѣды жъ ваши въ пять часовъ. . . .“
 Но аппешипть не въ нашей волѣ —
 Я прервалъ нишь досадныхъ словъ,
 И слушасть не хотѣлъ ихъ снова,
 А рѣчь была уже гопова
 Пришельца въ дерзостныхъ устахъ
 Противу дамъ! Неблагодарный!
 Я поклялся опмститъ въ стихахъ,
 О Пароенопы сынъ коварный!
 За твоей сухой и черствый умъ,
 Въ предѣлахъ сжатый слишкомъ шѣсныхъ!
 Уже-ль, взирая на прелестныхъ,
 Ты не имѣлъ ни чувствъ, ни думъ,
 Какъ только Нѣтъ! не повторяю,
 И Музѣ мести свою вѣряю. . . .

Къ Издателю Полнознаго Эрмія.

Я вижу изъ твоихъ листковъ,
 Что ты, какъ и они, бездушень;
 Что ты передъ умомъ ослушень,
 А передъ дурью не шаковъ.

A L'É S P E R A N C E ,

vers dédiés

à *Mademoiselle Julie R.*

Lorsque le Créateur, dans sa toute - puissance,
 Nous condamnait à vivre, à souffrir ici bas,
 En cet instant fatal tu reçus la naissance
 Pour guider le mortel aux portes du trépas.
 Pourtant, cent fois trompés, cent fois incorrigibles,
 Nous existons par toi, nous t'invoquons toujours ! .
 Est - ce donc ta foiblesse, ou tes lois inflexibles
 Qui répandent le deuil sur nos rapides jours ? . . .
 Enfant né du désir, rêve, songe, espérance,
 Chimère, illusion, vain jouet des humains,
 Nous rejetons vingt fois en un jour ta croyance :
 Ainsi le jeune enfant de ses débiles mains
 Et repousse et reprend les jeux de son enfance.
 Qu'importe ! abuse - nous ; te croire est le bonheur ;
 Notre félicité naquit de notre erreur,
 Notre crédulité seul fait ta puissance,
 Elle sèche nos pleurs, soutient notre existence. . . .
 A tes lois tout mortel rend hommage ici bas.
 La malade étendu sur son lit mortuaire,
 L'enfant de la patrie au milieu des combats. . . .
 Moi, j'espérais aussi ! . . . Pourtant, je dois me taire ;
 Il me faut oublier celle qui m'était chère ! . . .
 Va, règne sur nos coeurs, compagne des mortels !
 Le malheur et l'amour desservent tes autels ;
 Sans toi, qu'est l'existence ? un pénible esclavage,
 Un flos jouet des vents qui meurt sur le rivage.

Achille Lestrelin (*).

(*) Поэшь живеть въ Москвѣ; слѣдовательно принадлежащъ къ ея Парнаассу. *Изд.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письма В. И. Козлова къ Князю П. И. Шаликову.

(Продолженіе.)

С. - ПЕТЕРБУРГЪ , 2ГО МАРТА , 1824.

Вопшь вамъ и еще письмо , вопшь вамъ и еще стихи , любезнѣйшій Князь Пепръ Ивановичъ ! Вы видите , что я умѣю держать свое слово. Стихи мои не завидные ; но надобно знашь ихъ испорію. Юноша - *Галаховъ* , сынъ знаменитаго филантропа и мистика , — бывши со мною на балъ у Вас. Серг. *Шереметева* , вдругъ изъясвилъ желаніе , чтобы я написалъ ему стихи. „Cela ne vous coute rien , Mr. K.“ , говорилъ онъ , и я — принужденъ былъ дать слово. Но исполненіе меня нѣсколько запрудняло : легко написать стихи молодой дѣвушкѣ , даже и мало знакомой ; но — молодому человѣку , котораго встрѣчаешь на балахъ и на Невскомъ проспектѣ , право , сказать нечего. Я долго собирался ; наконецъ написалъ и — вамъ предославляю судить , какъ разрѣшилъ я сію задачу. Впрочемъ всѣ сіи изъясненія прилагаю для васъ *однихъ* , дабы опредѣлишь нѣкошорымъ образомъ *точку зрѣнія* для сей стихошворной бездѣлки.

Слѣдуетъ важная просьба — о напечатаніи въ Московскихъ газетсахъ прилагаемой спашьи *на трехъ языкахъ*. — Я ушрждаю васъ сею просьбою по препорученію молодой и любезной дѣвицы , мучимой неизвѣстностію о судьбѣ любимаго брата.

Скажу шеперь нѣсколько словъ о себѣ. Я провожу время кое-какъ, и хорошо и худо. Кпо судишь по наружности, шопъ находишь меня очень щаспливымъ. Временныя заботы и случайныя непріятности вознаграждаются дружбаю любезныхъ людей и удовольствіями общесшва; но у меня ешь еще и другіе кресты, о копорыхъ я не говорю, но копорые шягошяшь меня едва ли не превыше силъ моихъ. Горешшная увѣренность, что между мною и щасшіемъ находишь преграда *неразрушима*, никогда не приводила меня въ большее уныніе, какъ шеперь, послѣ шполь многихъ и печальныхъ опышовъ! Вы спросите: въ чемъ я пошавляю щасшіе? Ошвѣчаю: въ шхой, *семейной* жизни — и сей-шо родъ щасшія, единшвенный, копорому принадлежишь сіе имя — никогда не будешъ моимъ удѣломъ! Мучишельная увѣренность! Parlons d'autre chose! Я довольно часто вижу Княгиню Ав. *О. Циціанову* и семейшво ея, копорое *все* состоишь изъ любезныхъ людей. Ces demoiselles sont les meilleures parsonnes du monde et remplies de talens. Опъ времени до времени онѣ сообщаютъ мнѣ извѣшія о Княгинѣ *Аваловой*, копорой, при случаѣ, прошу засвидѣтельшвовашъ мое почшеніе. Вчера, 1го Марша, поздравлялъ я Княгиню *Аед. Оед.*; но не объдалъ у нея, бывъ уже приглашенъ къ другой именинницѣ и другой любезной женщишѣ — Ав. *Д. Лачиновой*, невѣшкѣ Пр. *Н. Ланской*. — Одна изъ Грацій моихъ, Княжень *Салтыковыхъ*, въ Январѣ с. г. всшупила въ супружешсшво съ Княземъ *Долгорукимъ*, молодымъ человекомъ рѣдкихъ достоиншсшвъ и умѣющимъ цѣнишь ее въ полной мѣрѣ. Такимъ образомъ, прелешнное прію наше разшпроилось: что мнѣ

однакожь не прешашспвуешъ видѣшь ежедневно молодую Княгиню : по у ней , по у *Княгини - матери* (la Princesse - mère , — я иначе не зову Княгиню *Салтыкову*) ; по у старшей сеспры ея Княгини *Голицыной*. — Въ эсихъ прехъ домахъ провожу я большую часпъ моего времени : une fois venu , je n'ai pas le coeur d'en sortir. Графиня *Толстая* (мапъ Авд. Д. *Лачиновой* , о кошорой упоминаль я выше) и нѣсколькo домовъ пого же родспва образуюпъ другой кругъ , посѣщаемый мною довольно часпо. Чпощъ касаетсѧ до другихъ общеспвъ , по я заглядываю въ нихъ опъ времени до времени въ качеспвѣ *наблюдателя*. Нѣкопорые мнѣ пеняюпъ , другіе уже переспали пеняпъ : безпреспанные развѣзды , изъ дома въ домъ , мнѣ уже наскучили. Le *faubourg* m'en veut un peu : il fut un tems que j'y faisais l'aimable. Maintenant je trouve, que le jeu ne vaut pas la chandelle. — Кап. Наум. *Пучкову* вижу я очень , очень рѣдко.

Вопъ вамъ довольно нескладное и испещренное Французскими фразами или , какъ говоришь *Бестуж.* , *галлицизмами* , письмо ! Argos ! Чпшаеше ли вы мои спашья о *Полярной звѣздѣ* и какъ вы ихъ находите ? Не правда ли , чпо шущъ еспъ нѣкопорыя истпны.

Tout à vous et pour la vie

Козловъ.

P. S. Ваша спашья о вечерѣ *А. И. Кологривова* принесла мнѣ много удовольспвія. Если вы увидите *Московского Орфея* и *Московского Ромберга* , по напомните имъ обо мнѣ. Я надѣюсь , чпо они еще не позабыли своего усерднаго почишателя.

С М Ъ С Ъ.

*Лѣтній Театръ въ Дворцовомъ саду
Нескучномъ.*

Никогда *има* лучше не соопвѣпспвовало *вещи*, какъ нынѣ соопвѣпспвуешь *Нескучное* шому, что происходитъ въ немъ: дикая пустыня древняго, почвы никѣмъ непосѣщаемога сада, гордо возвышающагося надъ Москвой - рѣкою, вдругъ — какъ будшо по мановенію волшебнаго жезла — уступила владычество наиживѣйшему *веселію*; и шамъ, гдѣ царшвовало глубокое безмолвіе — шамъ нынѣ слышипся любезный голосъ Парнасскихъ богинь; шамъ очаровашельность искусствъ соединилась съ красотама природы: мы говоримъ о лѣпнемъ Театрѣ, по Высочайшему повелѣнію выпсроенномъ, менѣ чѣмъ въ двѣ недѣли, посреди Нескучнаго сада, котораго высокія деревья съ одной сщороны служатъ неподражаемыми декораціама обширной сцены, имѣющей въ длину болѣе 10 саженой, а въ ширину болѣе 9 аршинъ прошивъ огромной сцены Пешровскаго Театра; съ другой же сосшавляютъ вмѣстѣ съ амѣшеатромъ плѣнительную картину. Небо, часшо живописное при закатѣ солнца, образуешь величественный плафонъ сего Театра, напоминающаго о подобныхъ театрахъ Аѣинъ и Рима — и безсмертное имя чудеснаго *Колізея* повшоряется устама почти каждаго зрителя, до крайности восхищеннаго при первомъ взглядѣ на сіе новое у насъ сценическое явленіе. — Говоряшъ, что подобные же театры Парижа — въ Тиволи, въ Jardin des Turcs, въ Jardin des Princes гораздо *скуднѣе* нашего въ

Нескучномъ, помѣщающаго въ креслахъ, ложахъ и галлереяхъ болѣе 1500 зрителей. Дамы сидящъ въ крышыхъ, покойныхъ ложахъ, слѣдовательно не подвергаются дождю, опъ кофорого есть много убѣжищъ и для мужчинъ. Спектакль, прерванный дождемъ, снова продолжается, какъ скоро онъ перестанетъ. — Въ анпракшахъ садъ спановишся *Вокзаломъ*; сіе двоякое удовольствіе привлекаетъ безчисленную публику.

Театръ открытъ 15го Іюня водевилемъ: *Два учителя*, диверсисманомъ: *Семикъ*, и заключился большимъ фейерверкомъ. Впорымъ спектаклемъ, 18го Іюня, была національная Опера наша: *Мѣльникъ*, прекрасно разыгранная, съ Рускимъ диверсисманомъ, и съ фейерверкомъ же. Въ третій разъ, 22го Іюня, даны: Комедія *Новый Стернь*, Опера *Жидовская корчма* и диверсисманъ *Колонисты*.

Изъ репершуара ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Театра выбираются для сего Театра такія піесы, копорыя не пребуютъ иныхъ декораций, кромъ созданныхъ рукою природы, не всегда оживотворяемой и кистію *Гонзаговъ*. Въ особенноси *Рускія пляски* и *Рускія пѣсни* чрезвычайно милы на эпой *сельской* сценѣ. Есть и балеты, копорыя могутъ *украсться* ею; и паланпы нашихъ Терпсихоръ, нашихъ Зефировъ покажутъ на ней еще блистательнѣйшими. Полковая музыка, нерѣдко смѣняющая оркестръ сего Театра, придаетъ новую прелесть прелеснямъ сцены.

Мы видѣли *дамъ* и въ креслахъ. Должно еще замѣшить, что въ семъ Театрѣ вездѣ слышно очень хорошо.

Спектакль всегда оканчивается фейерверкомъ на самой сценѣ, или по крайней мѣрѣ букетомъ ракетъ и бураковъ.

За долгъ поставляемъ присоединить къ слабому нашему описанію прекраснѣйшаго изъ публичныхъ зрѣлищъ, что почтенный Директоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Театра, **Ф. Ф. Кокошкинъ**, увѣнчался необыкновеннымъ успѣхомъ во всѣхъ часяхъ нашего Колизея; успѣхомъ, по короткости времени пребовавшимъ трудовъ и дѣятельности чрезвычайныхъ. — Всеобщее удовольствіе Московской публики служило для неушомимаго блюстителя ея увеселеній безъ сомнѣнія лучшею наградою.

ИЗВѢСТІЯ.

Комета. Альманахъ на 1830 годъ, изданный И. Селивановымъ. М. Въ Типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1803. Съ видомъ Триумфальныхъ воротъ за Тверскою заставой и съ двумя картинками.

Недавно въ обществѣ свѣтскихъ мушкетеровъ какъ-то зашла рѣчь о кометахъ. „Я не ученый,“ сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ „но замѣчаю, что съ появленіемъ гдѣ-либо кометы всегда произойдутъ нѣкоторыя перемѣны въ атмосферѣ.“ Не мудрено — сказалъ другой — ибо огромное постороннее тѣло должно произвести давленіе въ воздухѣ . . . — „Тѣло, или призракъ; эпаго, думаю, никто еще съ достовѣрностію не знаетъ,“ продолжалъ первый, и рѣчь о кометахъ на томъ и кончилась. Но я вспомнилъ, что у меня дома лежала на столѣ коме-

па — по естѣ Альманахъ подѣ симъ названіемъ, и я невольно погрузился въ мысли: „для чего бы, думалъ я, давали названія небесныхъ свѣспиль пакимъ сочиненіямъ, въ копорыхъ рѣшительно нѣспъ ничего общаго съ небесными свѣспилами?“ думалъ, думалъ и заключилъ не болѣе, какъ спѣмъ, что вѣдъ надобно же дашь какое - нибудь имя Альманаху — и названіе *Кометою* предспавилось мнѣ самымъ приличнымъ для *Альманаха* — не въ смыслѣ *призрака* (ибо что онъ *тѣло*, эшо не подвержено нималѣйшему сомнѣнію), а въ смыслѣ *явленія*.

Въ качествѣ липперапурныхъ аспрономовъ мы должны замѣспиль, что альманачная *Комета* опличается въ особенностій головою и хвостомъ, по естѣ первую прозаическою спашьею и послѣднимъ спихопворнымъ сочиненіемъ, между спѣмъ какъ мы почти вовсе не замѣспили *пятенъ*, не пребующихъ Гершелева телескопа, и подчасъ ясно видимыхъ въ другихъ небесныхъ свѣспилахъ альманачныхъ. Наконецъ говоря земнымъ языкомъ, скажемъ, что чипашели новаго Альманаха (а онъ вѣрно будетъ имѣспъ ихъ) сами оцѣняспъ и спихи, и прозу, составляющіе вмѣспѣ 237 спран. въ семь Альманахъ, очень хорошо напечатанномъ, и копораго издашель очень молодой человекъ; слѣдовашельно подашеть пріятныя надежды о дальнѣйшихъ липперапурныхъ успѣхахъ.

Ainsi - soit - il !

Парижскія моды.

На балѣ, данномъ у Принца Кастельчикала, многія дамы были въ бѣлыхъ газовыхъ плашьяхъ, вышитыхъ серебромъ, и въ креповыхъ, вышитыхъ бѣлымъ шелкомъ. Впрочемъ всѣ костюмы походили на описанные нами прѣжде.

— Мода на фальбалу или воланы входитъ снова. Въ театрѣ Водевилей прекрасная актриса Дюссеръ - Дошъ являлась въ двухъ различныхъ костюмахъ, и на обоихъ платьяхъ была фальбала: на бѣломъ въ два ряда, а на розовомъ изъ газа - поплина въ одинъ рядъ. Вырѣзка верхней части фальбалы, въ при пальца шириною, представляла виноградныя листья.

— Гвоздики всѣхъ цвѣшовъ, перемѣшанныя съ ясминами, накалываются на самые нарядные чепчики.

— Многія шляпки изъ пальдери имѣють тулью каски, обшитую узенькою атласною выпушкою (liserés). Спереди накалываются букеты цвѣшовъ въ противоположныя стороны и раздѣляются бантами (poeuds) газовыхъ лентъ.

— Амазонскія платья шьются изъ Англійскаго пикенѣжнаго цвѣта. Пуховая шляпка, дикинькая или черная, надѣваемая при семь костюмѣ, должна быть съ подобранными полями.

— Щеголихи носятъ за горѣдомъ шелковые чулки, вышитыя прекраснымъ дикинькимъ, или пепельнаго цвѣта шелкомъ.

— Дамы, гуляющія поутру пѣшкомъ, носятъ черныя вуали на соломенной шляпкѣ.

— Вышитыя кисейныя пелерины составляютъ косынку, надѣваемую крестъ - накрестъ на груди и на спинѣ. Онѣ вовсе не имѣють оборки вокругъ шеи и обшиваются только узенькимъ кружевомъ.

— Все еще въ большомъ употребленіи четверугольная (carrées) пелерины, съ двойною весьма широкою оборкою.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Шляпка изъ Итальянской соломы. Платье изъ кисеи - кашемиръ. Канезу тюлевое.

О Ш И Б К А.

Въ предыдущемъ Но, на стран. 11, во 2 мѣ стихѣ должно читать: Глвинскія.

Печатать дозволяется, съ шѣмъ чтобы, по оппечашаваніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюля 1го дня, 1830 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергей Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Второе дополненіе къ изданнымъ матеріаламъ для исторіи Рускихъ женщинъ - авторовъ.

Катерина Александровна Княжнина. (Дамскій Журналь, Часть XXIX, годъ VIII, стран. 2.) Рассказываютъ, что родитель ея, Александръ Петровичъ Сумароковъ, любивши, чтобъ дочери его занимались Лишперашурою, и болѣе стихами (къ чему однакожь Прасковья Александровна — въ послѣдствіи Графиня Головина — никакъ не находила себя способною), въ то же время почивалъ неприличнымъ, чтобъ стихи были писаны (и особенно гдѣ вмѣшивалась любовь), отъ лица женщины. „Къ дѣвицамъ это нейдетъ!“ говаривалъ Поэтъ: „благовоспитанная стихопворица-дѣвица должна только думать о масперствѣ въ стихахъ, а не объ изъясненіяхъ *полюбовныхъ*“, и проч. Вотъ почему нѣкоторыя изъ на-

писанныхъ Капериною Александровною и гдѣ-то напечатанныхъ пѣсень Сумароковъ, разсердясь, переиначилъ и пошчасъ перепечатавъ вновь опъ своего имени въ *Трудолюбивой Пчелѣ*, сдѣлавъ припомъ выноску, что *сѣи пѣсни найдены имъ, между прочими напечатанными его пѣснями, съ приложенными къ нимъ нотами, подъ чуднымъ титуломъ*, и проч. (*Трудол. Пчела*, стран. 578). Спарикъ — какъ увѣряешь преданіе — догадывался, что издашелемъ сихъ пѣсень былъ юный Княжнинъ, а сочинителемъ музыки нѣкто *Раунахъ*, прежде испинный его пріятель (спрудившійся иногда и для собспвенныхъ его *Псалмевъ*), а послѣ уже подружившійся съ Княжнинымъ. Такимъ образомъ причина была доспапочною, почему Каперина Александровна, слѣдуя приказаніямъ родителея, большею часпю слагала свои стихотворенія опъ лица муцины; нѣкопорыя же писала единспвенно *по заказу* опца. Таковы, напримѣръ: *Эпистола къ неправеднымъ судьямъ, Противъ злодѣевъ*, одна *Ода* и проч. (*Трудол. Пчела*, стран. 282 и по 286). Изъ сихъ сочиненій Г-жи *Княжниной* мы здѣсь представимъ стихи *Противъ злодѣевъ* (подразумѣвается *Липшерапоровъ*):

На морскихъ берегахъ я сижу;
 Не въ пространное море гляжу,
 А на небо глаза возвожу,
 Стонъ пуская въ селеніе дальное.
 Жалобы сердце возноситъ печально:
 Злыя насъ мучатъ *нахально!*
 Правосудное Небо, воззри,
 Милосердіе намъ сотвори
 И всѣ дѣйства мои разбери.
 Во всей жизни минути и каждую

Утѣсняюсь гонимый и спражду ;
 Многократно я алчу и жажду !
 Иль на свѣсь я рожденъ для того ,
 Чтобъ гонимъ былъ , незнавъ для чего ;
 Чтобъ не трогалъ мой слонъ никого ?
 Въ день и въ ночь мной шоска обладаешь ;
 Томно сердце всечасно рыдаетъ .
 Иль не будешь напастямъ конца ?
 Вопію ко престолу Творца :
 Умягчи , Боже , злыя сердца !

Въ наше время такіе стихи (пускай бы и вылившіеся изъ - подъ пера красавицы) едва ли умягчатъ злыя сердца нашихъ *полемиковъ*, а развѣ только подали бы новый случай *побалаясничать* ; за то вспаръ они очень , очень понравились Александру Петровичу , и онъ , по напечатаніи ихъ , дозволилъ даже своей дочкѣ - Музѣ напечатать слѣдующее стихотвореніе отъ *ея* собственнаго имени :

Э л е г і я .

О ты , которая всегда меня любила ,
 А нынѣ навсегда совсѣмъ уже забыла !
 Ты мнѣ еще мила , мила въ моихъ глазахъ ,
 А я ужъ безъ тебя въ стѣнаньи и слезахъ
 Хожу безъ памяти , не знаю , что спокойство ;
 Все плачу и грущу : моей то жизни свойство .
 Какъ я съ тобою былъ , пріятень былъ тошъ часъ ;
 Но то скончалося и скрылося отъ насъ .
 Однако я люблю , люблю тебя сердечно ,
 И буду я любить тебя всѣмъ сердцемъ вѣчно ,
 Хоть и разстался я , любезная , съ тобой ;
 Хотя не вижу я тебя передъ собой !
 Увы ! за что , за что толико я несчастень !
 За что , любезная , тобою такъ я страстень !

Всего ты, рокъ, лишилъ! Ты отнял все, злой рокъ!
 Въвѣкъ буду я спонашь, когда ты такъ жестокъ,
 И послѣ моего съ любезной разлученья
 Не буду провождать минушы безъ мученья.

(Трудомъ Пгела, стран. 192.)

Опъ появленія сихъ стиховъ прошло уже *семдесятъ* лѣтъ. Сумароковъ радовался ими, а Я. Б. Княжнинъ занимаясь Капериною Александровною (говорю по рассказамъ), позабывая *напризъ* собрата, будущаго пестря, чиналъ стихопворенія *будущей* своей супруги такимъ образомъ:

„И послѣ моего съ *любезнымъ* разлученья
 „Не буду провождать минушы безъ мученья.“

Тогда дѣло шло о томъ, что Сумарокову не нравилось еще знакомство съ Яковомъ Борисовичемъ, и опговариваясь *реблчествомъ Катеньки*, нашъ Трагикъ никакъ не хотѣлъ принимать Княжнина на счесть ея жениховъ.

Наталья Ивановна Титова. (Дамскій Журналь, Часъ XXIX, годъ VIII, стран. 97.) Извѣстно, что Николай Сергеевичъ, супругъ Натальи Ивановны (*), будучи однимъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ любителей нашего театра, былъ въ большихъ связяхъ со всѣми опечесшвенными театральными писателями своего времени и въ особенноти съ именистымъ нашимъ арписпомъ, Ѳ. Г. Волковымъ, и уже при немъ, или вскорѣ по его смерти, былъ Директоромъ Московскаго Публичнаго Театра и самъ сочинялъ для онаго комедіи, изъ коихъ извѣстнѣйшая: *Обманутый Опекунъ*. Наталья Ива-

(*) Повторяемъ, что мы еще, къ сожалѣнію, большихъ подробностей о Натальѣ Ивановнѣ не имѣемъ. М.

новна (можешъ бышь) желая болѣе и болѣе нравиться своему супругу, и уже, такъ сказать, *приученная* имъ къ лишпературнымъ занятіямъ, въ свободные часы опъ домашнихъ хлопотъ, если не писала ничего для театра, то употребляла острое свое перо на изображеніе *современныхъ* нравовъ (ошечественныхъ), и нѣкошорыя изъ сихъ саширическихъ замѣчаній сообщала въ С.-Петербургъ хорошему своему знакомцу, Г. И. *Казицкому*, издашелю *Всякой всячины*, Журнала, славившагося тогда *духомъ благородной* саширы. Николай Сергеевичъ и самъ во многомъ способствовалъ своей супругѣ, радовался ея свободнымъ ошпроуміемъ; но, какъ увѣряютъ, *чтобъ не попутаться*, крѣпко шайлъ о сихъ саширическихъ ея успѣхахъ опъ всѣхъ современныхъ Лишпературовъ и любительей погдашняго чшенія; однакожь Екашерина знала (чрезъ Казицкаго) о сочиненіяхъ Типовой; но чего-жь бы не узнала Екашерина?

Вопъ одно изъ писемъ Напальи Ивановны, касающаеся погдашнихъ театровъ:

„Лишь шолько я увидѣла въ вашемъ послѣднемъ листѣ,“ (такъ она писала къ Издашелю *Всякой всячины*) „что вы будете приниматьъ сообщаемыя вамъ мнѣнія, сочиненія и переводы; по шопъ же часъ вознамѣрилась пользоваться шакую вашею благосклонношю, за шѣмъ что одна изъ моихъ пріятельницъ, съ кошорою я недавно была въ Комедіи, неопшступно меня просила написать къ вамъ письмо о предшавленной погда слезной драмѣ. Не всякая, сударь, изъ насъ можешъ разсуждать о Лейбницѣ и Невшонѣ; но какъ женщина, шакже какъ и мушчина, ешъ одаренное разумомъ швореніе, шо хорошее писаніе опъ худаго опличить

умѣешь. И такъ, мнѣ кажется, что *Всякую всячину*, въ коей, нелестно скажу, видѣнь острый разумъ, хорошія мысли и пріятный слогъ, вы несправедливо сравнили съ прескучною и непонятною Телемахидою, въ копорой г. Фенелонъ также обезображенъ, какъ и г. Калле въ переведенной его комедіи: *De puis et De ronnais*. Она названа поруски: *Тестъ и Зять* (*), и ее-то тогда играли. Однако не почтите, сударь, моего письма за ругательство, или злословіе: мнѣ переводчикъ неизвѣстенъ (**), да мнѣ и не нужно вѣдать о его имени, за тѣмъ что я не изъ числа тѣхъ людей, копорые, для имени переводчика, или сочинителя, хвалятъ, или хулятъ книгу. Крипика нашему полу нимало не прилична, и я вамъ вовторю, что только по просьбѣ моей пріятельницы опишу здѣсь, какъ она за немогла ошъ представленной комедіи. Пріятельница моя съ природы чрезмѣрно чувствительна и слишкомъ нѣжна. Лишь открыли завѣсу, она

(*) Переводчикъ сей комедіи, Владиміръ Лукинъ, извѣстный тогда театральный сочинитель и переводчикъ, напечатавшій свои *согненія* и переводы въ 1765 году. Ник. Серг. Титовъ, по авторскому самолюбію, за что-то не жаловалъ Лукина и вошъ достаточная причина, чтобы и *Патальъ Ивановъ* вооружиться противъ него же и — съ успѣхомъ: ибо г. Лукинъ, послѣ замѣчаній своей рецензеншки, никакъ не осмѣлился помѣстить *Тестъ и Зять* въ полное собраніе своихъ трудовъ. Впрочемъ и сей переводчикъ достоинъ почтительной памяти: его *Пустомелъ* (ш. е. *Babillard* Боасси) досцавилъ важное облегченіе при новомъ онаго переводѣ г-ну Ильину, а попомъ и *Говоруку* Хмѣльницкаго. Руское расположеніе сей пьесы почти совершенно заимствовано изъ *Лукина*. М.

(**) Вѣрнѣ ли, чтобы *Лукинъ* не былъ извѣстенъ *Титову*? Но подобныя оприщанія, и въ подобныхъ случаяхъ, воядятся еще и въ наше время. М.

задумалась, и по окончаніи нѣсколькихъ явленій спрашивала у меня: „По какимъ театральнымъ правиламъ актеры часто кричатъ *а! а!* и что сіе значить (*)? Также для чего *Исидоръ* (дѣйствующее лице), называя за-глаза любовницу свою *Софью Менандровною*, самой ей всегда говоришь: *Софья! а! Софья! я тебя прямо обожаю* (**). Комедія передѣлана на наши нравы, и дѣйствіе происходитъ въ Петербургъ; однако здѣсь *любовники* (влюбленные) такъ не говорятъ.“ Я не могла ей на сіе отвѣчать. Потомъ она жаловалась, что безпрестанные *а! а!* разломали ей голову. Наконецъ увидѣвъ, что *Софья Менандровна*, представляющая *двадцати-пяти-лѣтнюю* дѣвицу, пошла заплакавъ о томъ, что хопя вѣрно обѣщали выдать ее замужъ, но за чѣмъ не выдають въ шестъ самый день: она сполько сему смѣялась, что подступило къ ней колошье, и послѣ комедіи я ее привезла домой больною. Теперь ей полегче, и она смѣется плачущему Менандру Васильевичу, который назначивъ свадьбу завтра, говоритъ, что въ исполненіи сего обѣщанія не ручается, и что оно, по видимому, сдѣлано шолько для окончанія комедіи. Впрочемъ можно думать, что какъ *Исидоръ прямо обожаетъ Софью Менандровну*, такъ *Менандръ Васильевичъ прямо* до своей смерти ихъ не обвѣнчаетъ; почему же онъ названъ *прямо шестъ*, а *Исидоръ прямо зяць*?

(*) Тогдашніе актеры, не понявши автора, или переводчика, обыкновенно всю вину свою складывали на нихъ, говоря себѣ въ оправданіе: *такъ написано! . . . М.*

(**) И въ наше время наши *Мальшевы* и почтенные ихъ корректоры не всегда бываютъ исправитѣ *Софьи Менандровны* — одни пишутъ, другіе замѣчаютъ; но *зююу а! а!* — да и только! *М.*

„Мало ли, что она еще говоришь, но много будетъ, когда все пишешь. И такъ, предсавя вамъ причину болѣзни моей пріятельницы, остаюсь, и проч.“

Въ другомъ письмѣ Г-жа *Титова* (скрывая себя подъ чужимъ именемъ (*)) смѣется надъ припворными плакальщицами объ умершихъ и совѣшуетъ имъ учиться у *Татьяны Михайловны* (Троепольской), которую она видала на спектакль обмирающею *степенно* и *падающею* только *свѣтѣмъ*, чпобъ уже *до самаго конца зрѣлища пролежать безъ хлопотъ спойно* и проч. (**).

Въ прешьемъ письмѣ наша сочинительница-саширикъ описываетъ своихъ родспвенниковъ, неопрядныхъ невѣждъ и проч. Но мы уже говорили о Г-жѣ Типовой довольно.

Вняжна Катерина Сергеевна Урусова, (Дамскій Журн. Частъ XXIX, годъ VIII, стран. 98.) Стихотвореніе *Ручей*, помѣщенное Сочинительницею въ 1й книжкѣ *Аонидъ*, обрашило на себя необыкновенное вниманіе многихъ любителей поэзіи. Ручей былъ читаемъ всѣми и вездѣ; многіе списывали его, какъ изящность тогдашняго времени, и вошь причина, почему одинъ изъ весьма извѣстныхъ Поэтовъ написалъ къ Сочинительницѣ Ручья цѣлое посланіе (оно напечатано

(*) Сочинительница индѣ называла себя просто *Любительницею Всякой всячины*, а въ другомъ мѣстѣ: *Вершкисхватовою*, *Сердцекрадовою* и проч. *М.*

(**) Важное обстоятельство для наблюдателей игры нашихъ старинныхъ актеровъ и сужденія тогдашнихъ знакоковъ театра. Но *Троепольская* была предметомъ зависти. И такъ вѣришь ли Г-жѣ Титовой, которымъ (ей и супругу ея) тогда удалось только переманить изъ Петербурга на Московскую сцену одного *Зальшкина*! *М.*

въ 3й часпи Иппокрены). Въ семь посланіи Ручей Княжны Урусовой названъ *Ручьемъ волшебнымъ*. Авторъ сознается въ своихъ слабостяхъ человѣческихъ и думаетъ, что только подлѣ сказаннаго цѣлишельнаго источника, Иппокрены, *онъ переродясь*, будетъ *новымъ человѣкомъ*. — Стихотворица не польстила себя Воспочною похвалою и между прочимъ опивѣчала на *панегирикъ* :

Себя кто судить строга,
Свой чувствуешь порокъ,
Тому легка дорога
Сыскать волшебный покъ; —
И часть его блаженна.

Въ наше время и не *дѣвица - поэтъ* не такъ опивѣчаетъ на похвалы; напрошивъ пребудеть: *хвали меня, да и только!* Или —

Вдругъ восколеблются стаканы:
Шампанскимъ хлынула бушылъ,
Пустила съ искрами фонтаны;
И модно - стихотворна гиль,
Подгоряченная и правдой,
Заговорить однимъ виномъ, и прог.

И вошь ужь погда, какъ градомъ, посыплются винныя эпиграммы, и проч. и проч. Тогда всякой *дѣловой* липшературный замѣчатель, чшобъ не имѣлъ дѣла во славу поржеспва *Вакханальнаго*, умолкнеть по - неволь.

Нягиня Катерина Алексѣевна Меншикова.
(Дамск. Журн. Часть XXIX, годъ VIII, стран. 147.) Весьма замѣчательно то, что она переведенную ею *Ироическую* драму: *Олендъ и Софронія*, посвятила Митрополипу Гавріилу, бывшему погда Архіепископомъ Новгородскимъ и

С.-Петербургскимъ. — Въ наше время эшаго не водилъся, и театральное сочиненіе (даже не пакое, какъ сей эпизодъ изъ Тассова Іерусалима), духовенству не посвящается; но въ наши дѣдовскіе дни духовные и на театръ, какъ на училище нравовъ, имѣли свое особенное вліяніе и даже въ сихъ публичныхъ зрѣлищахъ всегда пользовались ложею, единственно принадлежавшею чинамъ духовнымъ (*). Впрочемъ Переводчица, въ посвященіи своемъ Архипаспырю, объясняется извинительнымъ образомъ. — Сіе посвященіе составляетъ литературную рѣдкость и мы помѣщаемъ его слово въ слово;

Святѣйшаго Правительствующаго Синода переѣйшему Члену, Высокопреосвященнѣйшему Гаеріилу, Архіепископу Новгородскому и Санктпетербургскому и Святотроицкаго Александра - Невскаго монастыря Архимандриту,

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милоспивый Государь мой и Архипаспырь!

Невмѣстнымъ показаться можете, что мой театральнаго дѣйствія переводъ посвящаю Вашему Высокопреосвященству: но какъ намѣреніе сего сочиненія не иное что, какъ опѣнная ревность къ Христіанской Вѣрѣ во время побѣды Магометанъ обласпи Іерусалимской, до пришествія Годафриша Буллионскаго и крестовой войны; почему и разсудила, что оной переводъ ни кому приличнѣе отнеслись не можете, какъ Вашему Высокопреосвѣщенству, ревнителю закона, проповѣднику истиннаго православнаго Вѣры, и поселителю въ сердца человѣческія корня

(*) Преданіе. М.

благодати. Достоинства, полученные опть благо-
спи Всевышняго, Вы украшаете примѣромъ
благочестія и добродравія. Поставилъ Онъ Васъ
Первослужителемъ Своего Престола, и учинилъ
Васъ первымъ столпомъ Свяшой Своей Церкви.
Перо мое не въ силахъ описатьъ того, что Вы
заслуживаете; и такъ, какъ уже Ваша добродѣ-
тель всѣмъ извѣстна, что никакое краснописа-
ніе ко увеличиванію ея ничего прибавить не
можешъ; по я и ограничиваю письмо мое за-
свидѣтельствованіемъ того искренняго почте-
нія и совершенной преданности, которую въ
сердцѣ моемъ къ достойнѣйшей Особѣ Вашей хра-
ню, и съ сими чувствованіями навсегда за честь
почту себѣ именоваться,

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милосливый Государь мой и Архипастырь!

Вашего Высокопреосвященства

покорная ко услугамъ

Княгиня Катерица Меншикова.

Повторимъ еще, что сіе посвященіе состав-
ляетъ *литтературную рѣдкость* и добавимъ
(какъ намъ сказывали), что Св. Архипастырь съ
чувствомъ особенной признательности къ поч-
тенной Переводчицѣ принявъ ея труды, оп-
далъ имъ совершенную справедливость.

Дѣйствующія лица въ драмѣ слѣдующія: *Ала-
динъ*, Царь Іерусалимскій; *Клоринда*, владѣтель-
ница Персіи; *Олендъ*, молодой воинъ; *Софронія*,
молодая Христіанка; *Исмень*, Первосвященникъ;
Нисифоръ, отецъ Оленда; *Сирена*, молодая Хри-
стіанка, другъ Софроніи; *Арсетъ*, старыи
евнухъ, воспитывавшій Клоринду; свита Алади-
нова, свита Клориндина, свита Исменова. Дѣй-
ствіе въ Іерусалимѣ. Намъ извѣстный Писатель,

Князь А. А. Шаховской, кажется, еще весьма недавно воспользовался для одной изъ своихъ *Интермедій*, или *Трилогій* (представленной на Московскомъ театръ) сценами и расположеніями изъ перевода *Княгини Меншиковой*. Его піеса также извѣстна подъ именемъ *Олинда и Софроніи*.

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Руская пѣсня.

Не свивай, пѣвунья пшашечка,
 Ты гнѣзда себѣ пріютнаго
 У окошка красной дѣвицы.
 Ахъ! не пой ей, какъ бывало ты
 Предъ восходомъ солнца краснаго
 Напѣвала пѣсни сладкія.
 Не ходи порой вечернею,
 Разудалый добрый молодець,
 Пошаенной тропкой къ шерему.
 Не маши плапочкомъ шелковымъ,
 Черной шляпою пуховою:
 Не увидишь красной дѣвицы!
 Злые люди тайну свѣдали;
 Грозный батюшка, родимая
 Людямъ злымъ легко повѣрили.
 Увели въ страну далекую
 Горемышную красавицу
 Изъ дѣвическаго шерема.
 Расплели ей косу русую,
 Ленгу вынули широкую,
 Противъ воли за-мужь ѡшдали.

С. Сельскій.

Отвѣтъ хозяйкѣ , приглашавшей автора къ себѣ для хорошихъ видовъ изъ ея дома.

Какія красоты природы, нль искусства
 Ни окружали-бѣ храмъ , — какъ ни плѣняли-бѣ насъ ;
 Но къ божеству его влекутъ иныя чувства ,
 Которыя душѣ милѣе во сто разъ !

С М Ъ С Ъ .

Спектакль въ Лѣтнемъ Театрѣ 25 го Юня.

Высокопороджественный и всерадостный день 25 го Юня — день , великій для Россіи на всѣ времена рожденіемъ **МОНАРХА НИКОЛАЯ** , обожаемаго **СВОИМИ** вѣрноподданными и чшимаго чуждыми народами — сей неизгладимый на скрижаляхъ щаспія и славы нашего Опечества день ознаменовался въ Лѣтнемъ Театрѣ Нескучнаго сада спектаклемъ, достойнымъ своего предмета. Даны опера-водевиль: *Король и пастухъ* , отлично сыгранная нашими лучшими Аршисшами , и большой военноразнохарактерный паншомимный диверсисманъ: *Возращеніе храбрыхъ Донцовъ изъ похода , или Цыгане на Дону* , диверсисманъ , въ которомъ гремѣли хоры пѣвчихъ , Рускихъ пѣсельниковъ и разѣзжали конные Донскіе казаки. Г-да Лавровъ , Булаховъ и г-жа Пепрова потрясали сердца военнымъ пѣніемъ съ хорами: *Герои , грозны чада*

славы, и проч.; *На брань призвалъ насъ Царь Державный*, и проч.; наконецъ *Побѣда! побѣда!*— Г-жа Филлисъ пѣла Рускую, а г-нъ Баншышевъ Цыганскую пѣсню. Попомъ слѣдовали пляски. Г-жа Попанчикова и г-нъ Лобановъ опличались новою Цыганскою подь хоръ Рускихъ пѣсельниковъ, съ присоединеніемъ Цыганскаго кордебалеша; г-жи Глушковская, Лобанова, Заборовская, Целибеева и г-нъ Пѣшковъ Рускою. На послѣдокъ г-жа Попанчикова и г-нъ Лобановъ плясали показаци: все эшо подь опкрытымъ небомъ, среди густыхъ зеленѣющихъ деревьевъ имѣло очаровательность, ни съ чѣмъ несравненную, и приводило въ живѣйшій восторгъ зрителей, которые не смотря на угрожавшую дождь погоду, наполнили весь Театръ.

По окончаніи спектакля сцена озарилась великолѣпнымъ фейерверкомъ, въ продолженіе котораго играла полковая музыка и который заключился прекраснымъ щипомъ, горѣвшимъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ съ Августѣйшимъ Именемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Театръ и ближнія аллеи были прекрасно иллюминированы и представляли собою новое восхищительное зрѣлище. Прояснившееся небо и свѣплая луна продлили удовольствіе гуляющимъ, которыхъ было чрезвычайное множество.

ИЗВѢСТІЯ.

*Французская книжная лавка и Библіотека
для чтенія А. Семена.*

Недавно посѣпивши сію лавку и сію Библіотеку, споль богашья своими липшерапурными сокровищами, мы нашли шамъ новыи Капалогъ, показывающій 5350 опличныхъ сочиненій во всѣхъ родахъ. Науки, Липшерапура, Исторія, Записки, Орапоры, Поэты, Писатели драматическіе, Сказки, Басни, Романы, Пущешствія — ничто не упуцено къ удовлешворенію субскрибеншовъ. Кромъ новыхъ книгъ, они найдупъ въ сей прекрасной коллекціи сочиненія весьма важныя, равно какъ и шѣ, копорыя за большимъ числомъ шомовъ и за дорогою цѣною до сихъ поръ исключались изъ Библіотекъ для чтенія и копорыхъ по эшой причинѣ все еще нѣшъ въ другихъ подобныхъ Библіотекахъ. Между старинными изданіями ешъ шакія, копорыя рѣдки даже и во Франціи.

Въ семь ученомъ заведеніи, находящемся на Кузнецкомъ моспу въ домъ Каразина, принимаюшъ на себя всѣ книжныя препорученія, равно какъ и опправленія книгъ во. внушренность Имперіи. Новыя сочиненія получаюшъ въ оношъ попшчасъ по своемъ появленіи. Дополненія къ большому Капалогу, продающемуся по 3 рубл., получаюшъ субскрибеншамъ безденежно. Вскорѣ выдешъ еще одно дополненіе, копорое будешъ заключаешъ въ себѣ новыя сочиненія 1829 и 1830 годовъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Китайская головная уборка во всеобщемъ употребленіи у молодыхъ дѣвицъ. Единственнымъ украшеніемъ вечерняго наряда служить нитка крупныхъ жемчужовъ и золотая цѣпь, которая упадаетъ на лобъ и приподнимается на макушкѣ подь бублями волосъ (*coques de cheveux*).

— Поля шляпокъ подняты такъ, что все лице открыто; но тулья часно мѣняются: шеперь онѣ очень низки и наклонены къ одной сторонѣ; у иныхъ шляпокъ онѣ совсѣмъ круглыя; другія дѣлаются изъ четырехъ остроко-нечныхъ кусковъ, которые будучи соединены, представля-ютъ полушаръ. Назадъ одинъ изъ косячковъ въ два пальца идетъ къ затылку и покрываетъ его въ видѣ каски: ее поддерживаесть лашунь. Нѣсколько свисковъ (*gouleaux*) по-ложено крестообразно тамъ, гдѣ соединяются косячки; всѣ матеріи, изъ которыхъ дѣлаются шляпки, употребляющ-ся для этой новой формы, называемой *à la chevalière*.

— Наконецъ третья форма тулья называется прямою: она употребляется для соломенныхъ и гроденаплевыхъ шляпокъ. Сія тулья, требуемая вышиною гребня, уби-рается большими баншами (*pouids*) лентъ и искусственными цвѣтами, по большей части полевыми, перемѣшанными съ колосьями ржи.

— Газовыя ленты со множествомъ полосокъ предпо-читаются всѣмъ другимъ: онѣ часто обшиваются бахрамою.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь N o .

Шляпка креповая съ крученымъ перомъ (*spirale*). Платье изъ глянцовитаго гроденапья, выложенное лента-ми и блондами.

О П Е Ч А Т К И .

Въ 26 No, *стр.* 198, *строка* 7, должно *читать*: нѣкогда, *вм.* нѣкош. — Въ 28 No, *стр.* 17, *вздохнешь*, *вм.* вздохнемъ.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, предсшавлены были въ Ценсур-ный Комитетъ три экземпляра. Москва, Юля 7го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Капитанъ Сергій Глинка.

1830.

Парижскія Моды.

№ 29.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

6.

Анна Александровна Турчанинова.

Первыя стихотворенія Анны Александровны явились въ 1798 году и — какъ и многихъ другихъ нашихъ стихотворицъ — нашли для себя приютъ въ листкахъ *Сахацкаго*; великаго мастера поощрятъ всѣхъ къ занятіямъ отечественною словесностію. Изъ напечатанныхъ въ *Пріятномъ и полезномъ* препровожденіи времени стихотвореній дѣвицы Турчаниновой намъ памятны: *Человѣколюбіе*, *Нѣ малюткѣ Сашѣ*,

Въ моемъ садикѣ, Утѣхи добродѣтели, Достоинство смерти, Ода: Гласъ смертнаго къ Богу, Уединеніе, Воздыханіе о помощи, Къ суетѣ, Себѣ эпитафія и проч. Въ послѣдующее время другіе Журналы украшались также ея трудами, а въ помѣ числѣ и книжки: *Чтенія въ бесѣдѣ любителей Рускаго слова*, гдѣ она участвовала своими занятіями въ покровительствѣ *Державина, Шишкова* и другихъ Папріарховъ нашей словесности. Изъ особо напечатанныхъ трудовъ сей Писательницы намъ извѣстны, первое: *Отрывки изъ ея сочиненій*, напечатанные въ С.-Петербургѣ 1803 г., и второе: переводъ съ Лапинскаго *Натуральной Иѳики, или законовъ нравственности, отъ созерцанія природы непосредственно истекающей*, напечатанный также въ С.-Петербургѣ 1803 г. Сія книга заслужила особенное вниманіе ученыхъ и въ послѣдствіи доказала истинную и пламенную любовь Сочинительницы къ созерцанію природы. Анна Александровна Турчанинова путешествовала въ различныхъ частяхъ Россіи, а въ послѣдній разъ весьма успѣшно совершила свои изысканія и наблюденія по *Карпатскимъ горамъ*, гдѣ нашла себѣ спутника, извѣстнаго путешественника Друвилля. Опыты сихъ ученыхъ путешествій обогатили Анну Александровну многими свѣдѣніями въ любимыхъ ея занятіяхъ и она, можно сказать рѣшительно, принадлежишь *собственно* къ небольшому числу нашихъ замѣчательныхъ ученыхъ женщинъ!

Ея стихотворенія правильны, имѣють много неоспоримыхъ достоинствъ; но они уже мало принадлежать господствующему вкусу. Возьмемъ въ примѣръ изъ нихъ одно. Вотъ ея *Гимнъ Богу*:

Отъ Тебя я жизнь пріяла,
 Для Тебя хочу и жишь;
 Ничего-бъ споль не желала,
 Какъ Тебѣ угодной бышь!

*

Ты Творецъ всего блаженства
 И Виновникъ бышя;
 Всѣ утѣхи совершенства
 Зришь въ Тебѣ душа моя.

*

Управляй моей судьбою,
 И душою обладай;
 Неразлучень будь со мною;
 Въ сердцѣ, въ мысляхъ обитай.

*

Мысль когда къ Тебѣ спремится,
 Въ сердцѣ образъ Твой живешь;
 Ничего духъ не страшится;
 Рай въ душѣ моей цвѣтешь.

*

Но коль скоро охладѣетъ
 Огнь любви моей къ Тебѣ;
 Въ сердцѣ все разсвирѣпѣетъ;
 Адъ кипитъ страстей въ борьбѣ.

*

Нѣтъ нигдѣ мнѣ утѣшенья
 И спокойства безъ Тебя;
 Участь для того — мученья,
 Кто земнымъ лишь льститъ себя.

*

Тщетно мнимъ обрѣсть блаженство
 Въ томъ, что бренно и мечта;
 Жизни нашей совершенство
 Лишь душевна чистота.

*

Та лишь истинную радость
 Дася въ вкушанъ намъ въ жизни сей,
 Въчюсши душевной благосы
 Пищею имѣшь своей.

*

Все, что чувства поражаетъ
И во взорахъ намъ блеститъ,
Ядъ для тѣхъ въ себѣ скрываетъ,
Коихъ блескомъ обольститъ.

*

Тамъ живетъ все утѣшенье,
Совѣсть насъ куда зоветь,
Гдѣ Отецъ всего творенья,
Гдѣ желаній всѣхъ предмешъ.

*

Миръ — открыта смертнымъ книга —
Вняшно учить насъ познать,
Какъ все *Альфа* и *Омега* (*)
Могъ изъ ничего создать.

*

Мы читаемъ въ ней чудесность
Божьихъ безконечныхъ дѣлъ.
Замолчи, о смертныхъ дерзость!
Умь! признай ты свой предѣлъ. . . .

(Пр. и п. пр. врем. Часть XVIII, стран. 299.)

7.

Марья Алексѣевна Арбузова.

Дочь Бѣлевскаго помѣщика. Живучи въ сосѣдствѣ съ семействомъ извѣстнаго Липшерагора, В. А. *Левшина*, а припомъ получивъ и въ родилельскомъ домѣ досшашочное образование, она посвятила пруды свои опечесшвенной словесности и занималась переводами съ Французскаго языка. Въ 1802 и 1803 годахъ доконченъ ею и напечатанъ въ Московской Университетской Типографіи весьма исправный переводъ изъ сочиненій г-жи Деларошъ романа: *Дѣти Аббатства*, въ 6ти часяхъ, перепечашаннаго послѣ

(*) Апокалипсисъ, Глава I, стран. 8 я,

другимъ изданіемъ въ 1824 году Орловскимъ типографщикомъ Сыпинымъ, въ 12 часяхъ, подъ названіемъ: *Дѣти Донретскаго Аббатства*. — При окончаніи печатаніемъ сего романа Дѣвица Арбузова успѣла издашь и другой переводъ: *Таинственный Замокъ*, Англійская повѣсть, въ двухъ часяхъ, напечатанная поже 1803 и въ той же Университетской Типографіи. Предпочтительнѣе, какъ говорятъ, совѣтами своими участвовала въ сихъ переводахъ г-жа *Калашникова*, Бѣлевская же жипельница, занимавшаяся также липшерашурою, и одна изъ дочерей Г-на Левшина, *Надежда Васильевна*, написавшая нѣсколько весьма хорошихъ стихотвореній, изъ коихъ нѣкоторыя помѣщены были въ *Другѣ Просвѣщенія* и въ другихъ нѣкоторыхъ Журналахъ. Для примѣра вошь одно изъ стихотвореній *Н. В. Левшиной* :

П ъ с н я.

(По случаю разговора, что можно писать стихи и не влюбясь.)

Я предъ солнечнымъ закатомъ
На брѣгу ручья сажу;
На блестящу, будню златомъ,
Зѣрю красную гдѣжу.

Вижу струйки серебристы
Убѣгающа ручья;
Тухнуть зарева огнисты;
Скрылось все — осталась я.

Такъ, одна во всей природѣ,
Окруженна пишиной;
Мысль спокойная въ свободѣ
Лишь осталася со мною.

Мнѣ сказали, что не можно
Не влюбясь бышь другомъ Музь;
Но я чувствую не ложно,
Что любви не знаю узь.

Я свободно воспѣваю,
 Хоть мой голосъ слабъ и новъ;
 Можно пѣть, я ушверждаю,
 Не нося любви оковъ,

Прочитавъ эту пѣсенку, всякой скажеть по же, что *можно пѣть и не нося любви оковъ*. Спорщики въ прошивномъ сей мысли были Поэты. Графъ Г. С. *Салтыковъ* и П. И. *Голенищевъ - Кутузовъ*; но и они должны были согласиться, что наша *Бѣлевская* стихотворица была права, и что закладъ ею выигранъ.

8.

Авдотья Харитонова.

Въ 1803 году перевела съ Французскаго изъ сочиненій Беркеня и напечатала въ Москвѣ въ типографіи *П. П. Бекетова* небольшую нравоучительную повѣсть подъ названіемъ: *Шарлота, или Утѣшенный старикъ*. Замѣчательно, что сія книжка была напечатана (изъ первыхъ у насъ въ Россіи) въ тридцать шестую долю листа, но припомъ весьма красиво и чепкими липшерами. Шпорхъ и Аделунгъ, въ своемъ *Систематическомъ обозрѣніи литтературы въ Россіи* съ 1801 по 1806й годъ (напечатанъ въ С. - Петербургѣ по Высочайшему повелѣнію 1810 года), упомянули о г-жѣ *Харитоновой* на стран. 309 подъ № 337мъ.

9.

Надежда Ивановна Шульгина.

Урожденная Кусовникова, супруга бывшаго Московскаго Оберъ - Полицеймейстера Александра Сергеевича Шульгина. Она, вмѣстѣ съ се-

спрою своею *Вѣрою Ивановною*, въ 1804 году перевела съ Нѣмецкаго и напечатала въ Москвѣ въ типографіи Рѣшешникова философическую книжку: *Наставленіе добродѣтельной матери къ ея дочери съ присовокупленіемъ благодаренія отъ чувствительной дочери къ своей матери въ день ея рожденія*. Г-жа Шульгина, кажешся, сама переводомъ своимъ предначерпала себѣ *наставленіе быть доброю матерью*: она была примѣрною изъ матерей. Вошь что сказалъ объ ней въ эпиграфѣи, сочиненной на ея кончину, Издашель Дамскаго Журнала:

„Здѣсь мать нѣжнѣйшая спомъ вѣчнымъ опочила.

Всю жизнь свою она лишь дѣшямъ посвятила.“

И ничего не лзя было сказать справедливе: шаковы были характеръ и жизнь *Надежды Ивановны Шульгиной*.

(Продолженіе впрѣдъ.)

Для того люблю ее.

Начну съ того, что я зналъ ее сущимъ ребенкомъ; и когда ея сверспницы бѣгали, рѣзвились, играли и смѣялись: она ничего эшаго не дѣлала.

Взоръ ея не показывалъ дѣшской безпечноспи и веселоспи; онъ былъ зеркаломъ кропоспи и чувствительности: Ангелы должны имѣшь подобный взоръ.

Тихій, пріятный голосъ ея проникалъ въ душу шакъ, какъ вечерній холодокъ проникаешъ въ листьѣя деревьевъ: онъ освѣжалъ сердце, подобно какъ роса упрення освѣжаешъ увядшій злакъ.

Когда она говорила мнѣ: „здравствуйше!“ мнѣ, ребенку какъ и она; по я былъ щаспливъ на цѣлый день пошому что я уже любилъ ее.

Любилъ ее! это было для меня такъ натурально! Она, подобно мнѣ, жадничала душевныхъ движеній, даже гореспныхъ.

Безмолвіе ночи, пѣснь пшички, звукъ музыкальнаго инструмента, а особливо органа, имѣли для нея прелесть неизъяснимую.

Она слушала также, какъ и я; попомъ слезы выспупали на блестящіе глаза ея, шекли сладоспно, переспавали и возобновлялись . . . точно какъ и мои.

Наспунилъ день, въ кошорый минуло ей нашнадцашъ лѣшъ.

На этомъ возрастѣ желаюшъ празднесшвъ, баловъ, желаюшъ нравшсья . . . , она желала единсшвенно шого, что и прежде.

Только — не знаю, опъ чего — она спала казашсья разсъянною, задумчивою . . . и шихосшь нрава ея увеличилась.

Она являешсь иногда въ общесшвахъ; и я также.

Посреди молодыхъ дѣвушекъ, прекрасныхъ опъ веселоспи и здоровья, вижу ее блѣдною и прекрасною опъ скорби! . . . И будучи скорбною, она улыбаешсь при удовольсшвіяхъ подругъ своихъ.

Ахъ! какъ я люблю ее въ шакомъ сосшодніи! Это удивляешсь васъ? . . .

Спало бышь вы не опдали бы всѣхъ розъ на свѣшъ за одинъ василѣкъ, поблѣднѣвшій опъ полдневнаго зноя?

Спало бышь, блеску налящаго солнца вы не предпочли бы лучей его, укрощенныхъ вечеромъ?

Спало бышь, вы лучше хопите видѣшь двадцашъ дюспрь въ раззолоченныхъ госпшныхъ, нежели у себя въ комнашъ свѣшъ лампы, кошорый ослабѣваешсь, мерцаешсь и угасаешсь?

Въ шакомъ случаѣ вы не можете понять, для чего люблю ее.

Съ Фран.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Въ Альбомъ съ бѣлыми листками,

Подчасъ утѣшно для Поэта,
 Когда онъ первый и въ Альбомъ
 Внесешь свой стихъ но, ахъ, Лизеца!
 Когда все кончится на томъ, —
 Не пожалѣшь ли о Поэтѣ? . . .
 Вошь если бы и чувство онъ
 Внесъ первый въ грудь къ молодой Лизецѣ;
 И бывъ Альбома Аполлонъ,
 Спалъ Аполлономъ бы и сердца:
 Тогда бы, юный вновь Поэтъ,
 Тогда бы съ пылкостью младенца. . . .
 Ты улыбаешься — въ отвѣтъ!
 Но знай же наконецъ, Лизеца:
 Никшо и ни въ какія лѣта
 Такъ не *пылаешь*, какъ Поэтъ;
 Такъ *искренно*, какъ онъ, не любишь;
 Такъ *равнодушно* дней своихъ
 Для васъ, красавицы, не губишь,
 И часто — изъ стиховъ однихъ! . . .

Ж а л о б а .

За чѣмъ по скромности, Поэтамъ столь враждебной,
 Они должны скрывать красавицъ имена,
 Когда красавицамъ поютъ свой гимнъ хвалебной?
 И, можешь быть, во всѣ грядущи времена
 Пройдетъ звукъ лиры вдохновенной!
 И что-жь? за *тогками* выходить часто вой,
 Да ной!!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Къ Издателю Дамскаго Журнала.

Издаваемый вами Дамскій Журналъ обилуетъ многими прекрасными спашьями (*). Онъ знакомитъ попомство наше съ нашими писательницами и вмѣстѣ представляетъ великолѣпныя картины настоящихъ празднествъ, по разнымъ случаямъ въ славной Москвѣ бываемыхъ. Описаніе ваше о внезапномъ посѣщеніи въ нынѣшнемъ году ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА древней столицы живостію, свѣжестію и выраженіемъ благодарныхъ чувствъ древлепреспольнаго града къ Благодѣтелю Царю, привело въ восторгъ обитателей береговъ Невы. Не имѣя чести и удовольствія быть съ вами знакомымъ, я вмѣняю себѣ въ особенную пріятность послать вамъ въ гостинець и наши Петербургскія извѣстія. Мы ожидаемъ со дня на день знаменитаго Пущешественника, Наслѣднаго Принца Шведскаго, ожидаемъ возвращенія обожаемаго нами Государя и Его Августѣйшей Супруги, и также великолѣпнаго праздника, который назначается въ Петергофъ наступающаго 1го Юля. Прежде того я намѣренъ сказать вамъ нѣчто о нашихъ зрѣлищахъ.

Въ послѣднихъ нумерахъ Д. Ж. вы говорили намъ о возобновленіи на Императорскомъ Московскомъ Театрѣ оперы: *Иванъ Царевичъ*, сочиненіе бессмертнаго пера; а я васъ извѣщу о двухъ крашномъ представленіи драмы: *Людмила*, по-

(*) Благодарю за честь, можете быть, незаслуженную, и за гостинець, который, безъ сомнѣнія, принесетъ удовольствіе моимъ Читательницамъ. *Изд.*

черпнутой изъ славной Баллады В. А. Жуковского. Баллада прекрасна, — объ этомъ спору нѣтъ: и драма, подъ симъ именемъ здѣсь представленная 16го и 20го Юня, достойна оспашьясь въ лѣтописяхъ словесности по многимъ хорошимъ сценамъ; истинно масперскимъ. Въ оба представлѣнія Театръ былъ полонъ: успѣхъ немовѣрный! — особливо лѣтомъ; но иначе не могло и быть. Авторъ драмы искусно заимствовалъ и обработалъ національное содержаніе. Зрители безпрестанно хлопали, актеры играли очень хорошо. Первая нынѣ художница наша, Колосова - Карашыгина, такъ сказать, превзошла самое себя, читая въ прешьемъ отдѣленіи превосходно — превосходную Балладу. Сія драма въ трехъ отдѣленіяхъ. Первое, подъ названіемъ: *Отечественная война 1812 года*, исполнено явленій прекрасныхъ и сильныхъ; оно богато характерами. Преспарѣлый отецъ Леонида, опсавной Генераль, сослуживецъ Суворова, почишаетъ Московскаго Профессора Силонова причиною, что онъ, изъ видовъ корысполубія, подспрекаетъ любовь сына его къ Людмилѣ, Профессорской дочери, и находясь въ помѣсть Графа подъ Смоленскомъ, прешпствуетъ молодому чловѣку принявъ участіе въ войнѣ опечешвенной. Сынъ съ почищельною кропощію испрашиваетъ дозволенія опправиться въ пошъ же день съ вышпующимъ чрезъ часъ земскимъ ополченіемъ. Вопъ два характера, хорошо обрисованные, которые достойны украшать бореніемъ спрасшей своихъ сцену просвѣщенныхъ народовъ. Присовокупише къ тому характеръ опсавнаго, служившаго въ Московскомъ Университетѣ Профессора, показавшійся мнѣ новымъ, оригинальнымъ. Профессоръ, прежде нежели спарой Графъ встрѣ-

шилъ его обидными словами и презрительнымъ уничиженіемъ учительскаго званія, уже объявилъ торжественно спарому Графу, что помолвилъ дочь свою Людмилу за молодого человека, Учителя Смоленской Гимназіи, выведеннаго на сцену. Хладнокровный, благородный характеръ Профессора, противоположный вспыльчивому характеру спараго Графа, достойнъ всякой похвалы и ругается за предбудущіе успѣхи сей драмы на театрѣ. Изложеніе также мастерское; ибо Леонидъ, сынъ спараго Графа, исполняя долгъ, какъ вѣрный сынъ отечества, отправляясь въ походъ же день вмѣстѣ съ ополченіемъ на войну, объявляетъ отцу о спраси своей къ Людмилѣ, и обремененный ею упреками и недозволеніемъ женишься (т. е. послѣ войны) на прекрасной Людмилѣ (слѣдую развязкѣ, начершанной въ Балладѣ), говоритъ: *я съ нею соединюсь хотя бы по смерти; она будетъ моею.* Воцѣ три характера, которые приносящъ честь Авшору драмы. Они прекрасны; сцены заманчивы. Сынъ идетъ на войну; отецъ провожая ополченіе, и видя сына въ рядѣхъ онаго, благословляетъ словами, достойными Рускаго народа и Генерала, бывшаго сподвижникомъ Суворова на Альпійскихъ горахъ.

Симъ заключается первое отдѣленіе драмы, и оно, повторю, мнѣ принесло большое удовольствіе. Брянской игралъ вахмиспра, который служилъ подъ начальствомъ Графа, и не хочетъ разлучиться съ нимъ и въ отспавкѣ. Сей вахмиспръ не незначущее лице въ драмѣ: онъ предваряетъ отца, для чего молодой Леонидъ въ совершенныхъ лѣтахъ, по окончаніи наукъ, не слѣдуетъ примѣру храбраго родителя, и не отправляется въ армію, хотя отечество сзываетъ всѣхъ своихъ защитниковъ, намѣкая, не

любовь ли шому причиною? Вахмиспръ не просто наперсникъ (confident); онъ открываетъ и разрушаетъ ковь иноспранной Графини заманишь въ свои сѣпи Рускаго офицера и погубишь опрядъ Россійскихъ воиновъ на защиту главной кварширы, Леониду порученной. Брянской, искусный и опытный актеръ, игралъ очень и очень хорошо.

В. А. Карашыгинъ, славный арписшъ нашего времени, съ большимъ раченіемъ вникнувъ въ роль свою, исполнилъ ее прекрасно.

Отдавъ справедливую похвалу первому отдѣленію, скажу вамъ нѣчто и о второмъ, кошорымъ вообще я недоволенъ, и не по одному полько сравненію съ первымъ. Забывъ уже о единствахъ, столько законодапелемъ Французскаго Парнасса защищаемыхъ, скажу, что начало 2го отдѣленія нѣсколько подпадаетъ подъ упрекъ Боало, кошорый говоритъ:

Среди нелѣпицы является герой.

Сначала мальчикомъ, а подконецъ сѣдой.

Но опклоняя сію насмѣшку Французскаго сапирика, можно сказашь, что во второмъ отдѣленіи спрасшь Леонида и Людмилы нѣсколько охлаждается. Скажу еще, что мнѣ Леонидъ въ этомъ отдѣленіи показался менѣ интереснымъ, нежели въ первомъ. Положимъ, что наружно, но онъ едва ли не позабылъ о Людмилѣ и клятвахъ своихъ, преклоняся нѣкошорымъ образомъ на приманки новой Армиды. Слава вахмиспру Василью, кошорый открылъ ему глаза! Леонидъ, очевидно убѣжденный въ коварствѣ своей мнимой любовницы, преданный ею почти въ руки Французскаго Маршала, сражается, побѣждаетъ и умираетъ. Эффектъ прекрасный; но

ходу пьесы не помогаешь. Снова ссылаясь на Боало, можно повспорить:

Се qu'on ne doit point voir, qu'un récit nous l'expose.

Всякому извѣстно, что зришель желаетъ знать, чѣмъ кончился (какъ и сказано въ Балладѣ) любовь жениха и невѣсты? А заочная послѣ двухъ-лѣтней разлуки смерть героя Леонида, хотя и повшоряющаго завѣщанную кляпву, не разрѣшаетъ сего узла.

Третье отдѣленіе прекрасно, кромѣ нѣкопрыхъ сценъ, нужныхъ для связи цѣлаго шворенія и развязки опносительно къ свойствамъ Генерала, Профессора, вахмистра и другихъ. Сіе отдѣленіе не иное что, какъ цѣликомъ чипанная Баллада, кошорая въ своемъ родѣ, оживляя невѣроподобный случай чувствомъ воспорженной души, есть, въ родѣ пѣщического шворенія, сокровище. Я уже сказалъ, что Колосова-Карапыгина играла въ совершенствѣ; а что касается до Авшора Баллады, то похвала за сіе превосходное швореніе, мнѣ кажется, ничего уже не прибавитъ къ его славѣ.

Ефимъ Гороноговъ.

Юня 19 дня 1830.

С М Ъ С Ъ.

Спектакль въ Лытнемъ Театрѣ 1го Юля.

Прекраснѣйшій день 1го Юля привлекъ въ *Нескучное*, казалось, всю нашу Столицу. Длинная Калужская улица наполнилась различными экипажами, а широкіе прошурары ея пѣшеходцами обоого пола. Все приняло видъ наиблеспельнѣйшаго шоржества, кошорое выражало внушрєннія чувства наши къ Августѣйшей Виновницѣ празднества, ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕ-

РАТРИЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВНЪ, ознаменованнаго всерадостнѣйшій день Рожденія обожаемой ЦАРИЦЫ.

Въ Рускомъ Колизеѣ не доспавало мѣспъ для безчисленной публики, спекшейся въ садъ. Тамъ дана была прекрасная анекдотическая опера-водевиль: *Козакъ-стихотворецъ*, которая заключилась Рускими и Казацкими плясками. За нею слѣдоваль панпомимный балетъ: *Пажь Герцога Вандамскаго*. Г-жа Гюлленъ, Воронина-Иванова, г-нъ и г-жа Ришаръ казались, подъ открытымъ небомъ, лешающими по воздуху. Двадцать другихъ панцовщицъ и панцовщиковъ, Пажескіе слуги, офицеры, солдашы, крестьяне и крестьянки наполнили сцену, окруженную зелеными холмами, на копорыхъ являлись цѣлыя группы, мелькавшія промежду живыхъ деревьевъ, и копорыя подконецъ огласились военною музыкою: спектакль, прекраснѣйшій въ свѣтѣ!

Напослѣдокъ, посреди сцены, горѣлъ истинно великолѣпный фейерверкъ, восхищавшій зритель своими пиротехническими красочами. Но ничто не можешь быть лучше храма, явившагося на сценѣ же потчасъ послѣ фейерверка: храма славы, съ двумя по споронамъ жершвенниками, съ лавровыми деревьями и съ драгоценными Именами Державной Чепы, пылавшими посреди храма въ солнечныхъ лучахъ, подобно какъ пылають сердца наши къ Помазанникамъ, украшающимъ Престоль СВОИМИ высокими качествами и безсмертными дѣянїями! — Кавалерійская музыка Ингерманландскаго гусарскаго полку, игравшая во все продолженіе фейерверка, величественно запрубила: *Боже, храни Царя!* какъ скоро показался храмъ, копорый вмѣспъ съ жершвенниками и лавровыми деревьями измѣнялся въ прелестнѣйшихъ разноцвѣтныхъ огняхъ.

Аллеи сада были иллюминированы. Гулявшие не могли, казалось, довольно насладиться ни прекраснымъ вечеромъ, ни плѣнительнымъ мѣспомъ. Знаменитая госья наша, г-жа Зоншагъ, любовалась имъ и споя на чрезвычайномъ возвышеніи предъ изгибающеюся Москвой-рѣкою, за кошорою разспилается прелестная долина съ Двѣичьимъ монастыремъ, увѣчанная Воробьевыми горами и красующаяся картиною Споллицы, говорила, что немного видѣла подобныхъ мѣспъ. Сія, видѣвшая почти цѣлую Европу, удивленную ея талантомъ, Пѣвица - Акприса опзывалась съ непришворнымъ восхищеніемъ о нашемъ Колизеѣ и о нашемъ балешъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Баль Испанскаго Посланника оставилъ сполько воспоминаній о щегольскихъ шуалетахъ, что они и до сихъ поръ еще служатъ содержаніемъ разговоровъ. Руская Княгиня (Princesse Russe), болѣе всѣхъ блиставшая алмазами, долго будетъ упоминаема по своему великолѣпному наряду. На головѣ у ней была алмазная повязка и жемчужная діадема, осыпанная брилліантами; волосы убраны погречески. Брилліанты ожерелья, серегъ, пояса, аграфовъ и проч. были ослѣпительны.

— Туалешъ Посланицы былъ болѣе щегольской, нежели богашый. Головная уборка ея опличалась изящнѣйшимъ вкусомъ.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Шляпка изъ пальдери. Реденгошъ изъ вышитаго жако на. Бошинки изъ гривы. Дѣтское плашье изъ вышитаго башиста. Корсажъ и панталоны въ складкахъ. Шляпка - кашпошъ изъ суроваго башиста.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Ю Т С Я ,

съ шѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, предспавлены были въ Ценсурный Комишешъ три экземпляра. Москва, Іюля 12го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

1830.

Парижскія Моды. №30.

Дамскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

Проза.

Благость (*).

Какое свойство, какое качество превосходнѣе сей божественной добродѣтели; она естъ ключь сердце, источникъ радостей; ею человекъ уподобляется Божеству и становится ошрадою ближнихъ. . И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного изъ свойствъ даже самаго Всевышняго Существа привлекаельнѣе благости. — Могуцество Его насъ изумляетъ, правосудіе устрашаетъ; мы шереяемся въ Его неизмѣримости, дивимся прочимъ Его совершенствамъ; но благость Его плѣняетъ и восхищаетъ; она содѣлываетъ Его Богомъ сердце нашихъ.

То же самое можно сказать и о человекѣ, спремящемся подражанъ сему божественному

(*). Вотъ предметъ, достойный прекраснаго пера юной переводчицы. *Изд.*

образцу. Благость подобна солнцу; благошворные лучи ея проникають во глубину самыхъ ледяныхъ, оцѣпенѣлыхъ душъ, согрѣвають ихъ, оживошворяють, и тогда любовь заснуаетъ мѣсто хладнаго равнодушія, а иногда и самой ненависти.

Однакожь остережемся, чтобъ не сославить себѣ ложнаго понятія о благости; не будемъ смѣшивать ее съ шѣмъ пагубнымъ снисхожденіемъ, которое льститъ разврату. Если въ Творцѣ міровъ она сопряжена со свяшостию и чистотою, заславляющими насъ почишатъ Его; но не по ли же самое должно бытъ и въ человѣкѣ: благость его, при всей снисходительности, не можешь ни одобрять наши пороки, ни сморщась равнодушно на наши заблужденія.

Въ чемъ именно состоить, спросите вы, истинная благость? Въ томъ, что она въ добродѣтельныхъ людяхъ содѣлываетъ добродѣтель любезною и вождельною даже для людей, самыхъ порочныхъ. Хотите ли знать отличительныя ея свойства? — Она великодушна, кропка, щедра, миролюбива, снисходительна, соспрадательна къ несчастнымъ и милосерда къ преступникамъ, сколько по позволяютъ частныя права и общественная польза. Она терпѣлива къ людскимъ просупкамъ, и если возстаешь прошиву нихъ, то сіе не опъ гнѣва, не изъ мщенія, но изъ любви и соспраданія.

Жестокость прошивна свойствамъ ея; она не желала бы причинять ни слезъ, ни огорченій, но разливать благодѣнія и поселять во всѣхъ сладость брашской любви.

Сія добродѣтель содѣлываетъ человѣка, шакъ сказашъ, кумиромъ ближнихъ. При появленіи его никшо не ощущаешь шого опасенія, которое

внушаютъ злонамѣренные люди; ибо всякому заранѣе извѣстно, что ни зависть, ни злоба не возмущаютъ души его, что онъ не сплетаетъ никакихъ коварныхъ сѣтей, что клевета и насиліе для него чужды. Напротивъ, всѣ знаютъ, что онъ готовъ во всякое время оказывать благопворенія, и что благодѣтельное сердце его бодрствуетъ даже и тогда, когда шло наслаждается успокоеніемъ. За то его присутствіе, одно только имя его раждаютъ къ нему любовь и довѣренность — величайшая почестъ, каковой только смертному можно удостоиться и заслужить опъ подобныхъ себѣ!

Честолюбцы стараются привлечь къ себѣ сердца, воспламеня въ нихъ восторгъ блескомъ своего величія; все приносятъ въ жертву своему щеславію; но ихъ наслажденіе бываетъ почти всегда оправлено съ одной стороны воплемъ и ненавистью, съ другой завистью и гоненіемъ, тогда какъ благость раждаетъ одно общее во всѣхъ чувствѣ — любовь, а сіе чувствѣ есть еиміамъ, воскуряемый на безкровномъ жертвенникѣ. Какая мнѣ польза опъ изящныхъ талантовъ, возвышающихъ человека надъ прочими смертными? Буду ль я опъ сего щасливѣе? Но благость, которая терпѣливо сноситъ мои недоспашки, предостерегаетъ меня, утѣшаетъ, назидаетъ въ нищетѣ и горести, выводитъ изъ заблужденія, въ опасностяхъ и бѣдствіяхъ подаетъ руку помощи: вопъ что прогаешь мою душу, проникаешь въ глубину моего сердца, уполяешь горестные мои вздохи, и заставляешь проливать слезы любви и благодарности.

Съ Франц. Н. Курманалева.

Нѣчто о Басняхъ Графа Хвостова.

Прекрасное и основательное сужденіе о 4 и 5 шوماхъ Графа Д. И. Хвостова, напечатанное сего года подъ спашью: *Литтература*, въ 63 Но Академическихъ Газетъ, принесло мнѣ и, какъ надѣюсь, всѣмъ любителямъ Словесности большое удовольствіе. Въ сей спашь заключаетсѣ Автору безприсраспная, поинко обдуманная и хорошо сказанная похвала. Сочинитель спашьи показываесть любителямъ Словесности новое богатство ея и, можесть бысть, съ умысломъ обнаруживаесть (не уже ли для одобренія?) семидесятилѣтній паланъ, болѣе 40 лѣтъ извѣстный въ Россіи.

Я не знаю точной причины, побудившей Сочинителя написать вышеозначенную спашью; но полагаю, не шали, что многіе писатели и судьи наши болѣшею частію молчали о произведеніяхъ Графа Хвостова; иные даже позволяли себѣ упопрелять, по новому любимому словцу, *мистификацію*; и гдѣ пребовалось простое изложеніе о содержаніи, красотахъ или недостаткахъ Автора, шуть примѣшивали не кшаци плоскія насмѣшки; и никогда не удостоивали нашего шарца - Поэша *безпристрастнымъ* и *точнымъ разборомъ*, безъ копораго никакой Авторъ, худой или хорошей, не можесть бысть оцѣненъ по достоинству. Г-нъ Сочинитель помѣщенной спашьи въ Газетахъ первый эшо сдѣлалъ. Пріятно было бы знать его имя и прозваніе; но какъ доселѣ оно скрывается подѣ липерами М... Д..., то заключить можно, что буквы, внизу спашьи посшавленные, значають просто: *мысли*

добрыя. Повторю, что онъ намъ показалъ дорогу безгрѣшно занимаясь и безпристрастно полковавъ о многихъ въ разныхъ родахъ опличныхъ стихотвореніяхъ Графа Хвостова.

Можешь бышь, наши Липшерапоры пожелають сдѣлать разборъ нѣкоторыхъ изъ его басень. Я начинаю съ той, которая мнѣ подъ руки попала, и которая находилась въ реэспрѣ упомянутой сшашьи, а именно; *Старикъ и три Юноша.*

Лагарпъ справедливо превознося похвалами сію Лафоншеневу басню, не находилъ ее у древнихъ баснописцевъ и не знаетъ, отколы авпоръ почерпнулъ сіе глубокомысленное философическое содержаніе. Мысль подлинно прекрасная и высокая! Вопросъ въ томъ: лишаешся ли преклонная старость права и способностей шворить что-нибудь для себя пріятное, а для другихъ, даже и по смерти шворца, полезное? Сія мысль представляеть и другую, не менѣ важную, о безызвѣстности — кому? — шарикъ ли, зрѣлаго ли возраста челошкы, или юношѣ предназначено пережить другъ друга? — И при этомъ (говоря о подлинникѣ) смотришь, какъ сіи высокія и заманчивыя понятія хорошо высказаны. Не лишнее будетъ здѣсь сравнить обоихъ, одно содержаніе обрабащывающихъ авпоровъ. Рускій въ первомъ стихѣ уже ошшаешъ ошъ своего подлинника:

Un octogénaire plantoit.

Passé encor de bâtir, mais planter à cet âge!

Онъ говоритъ (см. Т. IV, Кн. I, стран. 56):

Садъ началъ разводилъ, — кому шо въ мысль придетъ? —

Старикъ осьмидесяти лѣтъ.

Хотя полуспишиё: *Кому то въ мысль придетъ*, нѣкоторымъ образомъ пояеяетъ дозволеніе каждому спарику спроить, пошому что спроеніе можетъ поспѣть въ годъ, а сегодня поаженная роща, садъ или даже деревцо не прежде разраспуся, какъ десяпками лѣтъ; однакожь должно признашья, что Рускій сочинитель, какъ *переводчикъ*, погрѣшилъ прошивъ своего подлинника, но какъ Авшоръ, обрабашывая извѣстное одержжаніе, въ оправданіе свое скажетъ, что спремьясь къ цѣли, то есть къ цохищенію высокихъ испинъ, заключающихся въ связи описываемаго *проищестея* съ нравоученіемъ онаго, и что чувспвуетъ мысль о поспройкѣ, выразилъ ее, какъ умѣлъ, выше приведеннымъ полуспишиемъ: *Кому то въ мысль придетъ?* Пойдемъ далѣе: *три юноша сказали*. И шупъ у переводчика выпускъ прошивъ авшора:

Disoient trois jouvenceaux, enfans du voisinage :
Assurement il radotoit.

Прочтемъ доказательства цоношей, которые поруски (безъ грубыхъ словъ, что *старикъ* бредитъ), объясняютъ сильно, красно и убѣдительно, что ему не дожипъ, пока садъ его разрастется (слово: *печаль*, принимаешь должно не въ настоящемъ смыслѣ, а въ значеніи заботъ и попечительности):

„Избавься отъ печали;

Дождатся сихъ деревъ тебѣ надежды нѣтъ.

Брось, дѣдушка, зашѣи всѣ пустыя;

Пекися о душѣ, оставь другимъ

Надежду дальнюю и замыслы большіе.“

Все это поруски прекрасно сказано! *Пекися о душѣ* — вотъ оригинальность или собственность Рускаго Авшора! Мысли всѣ почерпнушы и, частію, самыя слова у Лафоншена; но простота чувствъ, выраженій и обороты, свойственные

нашему языку, ясно доказываютъ, что масшпный Поэтъ содержанію своему присвоилъ бы тѣ же самыя понятія, чувствованія и рѣчи, хотя бы никогда не чиналъ своего подлинника. Подлинникъ побудилъ его только произвести на своемъ языкѣ нѣчто подобное, или, можетъ быть, споль же совершенное.

Безсмертный Лафонтенъ говоритъ :

Quel fruit de ce labeur pouvez - vous recueillir ?

Autant qu'un patriarche, il vous faudrait vieillir.

A quoi bon charger votre vie

Des soins d'un avenir qui n'est pas fait pour vous ?

Ne songez désormais qu'à vos erreurs passées;

Quittez le long espoir et les vastes pensées.

Послѣдній Французскій стихъ прекрасенъ, равно какъ и поруски у переводчика при соблюденіи и той же мысли, и тѣхъ же выраженій.

Посмотримъ теперь рѣчь старика на Рускомъ языкѣ. Старикъ у Француза послѣ разсужденія юношей говоритъ :

Tout cela ne convient qu'à nous. —

Il ne convient pas à vous - même,

Repartit le vieillard.

Рускій баснописецъ эти стихи выпустилъ. Онъ, спѣша къ главному предмету, начинаетъ отдѣльно рѣчь старика :

На это старичокъ совѣтникамъ своимъ

Разумно отвѣчаетъ :

Все тихо здѣсь расцвѣтъ, и скоро исчезаетъ.

Полезно провести оставшій (*) въ жизни день

Кто можетъ запретить? — И нѣтъ на это права.

Попомству моему щруды мои — забава.

Я внушаю вамъ гошоваю тѣнь.

Хопите завтра жить — какъ можно поручиться,

Что завтра но опять къ намъ завтра возвратитсл.

Ни вамъ, ни мнѣ оно,

Повѣрьте, въ крѣпость не дано.

(*) Надлежало бы оставшійся. Изд.

Ошь вѣсхъ закрыпть походъ на берегъ Ахерона ;
 Ни срока назначать , ни дня не лъзя учестъ ;
 Случится , можешъ бытъ , чшо на ладью Харона
 Мнѣ спарику удастся послѣ сѣсть ;
 Вышь можешъ , чшо мой взоръ померкшій и унылой
 Съ зарею встрѣшится надъ вашею могилой .

Вопшь рѣчь спарика на Французскомъ языкѣ :

Tout établissement

Vient tard et dure peu. La main des Parques blêmes
 De vos jours et de miens se joue également.
 Nos termes sont pareils par leur courte durée :
 Qui de nous des clartés de la route azurée
 Doit jouir le dernier ? Est il aucun moment
 Qui vous puisse assurer d'un second seulement ?
 Mes arrières - neveux me devront cet ombrage.

Eh bien ! défendez - vous au sage

De se donner des soins pour le plaisir d'autrui ?
 Cela même est un fruit que je goûte aujourd'hui ;
 J'en puis jouir demain , et quelques jours encore ;
 Je puis enfin compter l'aurore
 Plus d'une fois sur vos tombeaux.

Показавъ выписками изъ обоихъ авшоровъ
 главныя часши достойнославимой Французской
 басни , заключу , чшо при сравненіи въ оной
 Французскаго и Рускаго писапелей , безприспра-
 сшіе скажешъ , чшо обѣ басни прекрасны . Я пер-
 вый , осмѣлясь сравнивать Пѣвца - Кубры съ без-
 смершнымъ Лафоншенемъ , долженъ показать под-
 робности , на коихъ основанъ мой разборъ , и вы-
 писашъ стихи , заимствованные у подлинника ,
 Вопшь они :

Quittez le long espoir et les vastes pensées,
 еще :

Tout établissement

Vient tard et dure peu.

Должно признашся , чшо сіи стихи пре-
 красны , и прекрасно переведены .

Подтверждая сказанное въ 63 Но Академическихъ Газетъ сего года, можно удостовѣрить, что въ вышеписанныхъ спихахъ должно судить Рускаго Баснописца какъ переводчика, и что также есть Рускіе спихи, кои показываютъ, что въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ нашъ Авшоръ-переводчикъ слѣдовалъ оборотамъ своего языка, а именно: *брось, дѣдушка, или: время никому здѣсь въ крѣпость не дано*, что, собственно говоря, Рускимъ Авшоромъ заимствовано у Французскаго; а впрочемъ первый только слѣдовалъ избраннымъ Лафоншеневымъ лицамъ и нравоученію: это у обоихъ сочинителей общее. Рускій не всегда соблюдаетъ назначенную связь Французскимъ авшоромъ въ рѣчахъ юношей и старика; припомъ же, какъ мнѣ кажется, разговоръ старика, убѣждающій своихъ совѣтниковъ, у Рускаго писателя гораздо приличнѣе, скромнѣе, и — безъ дальнихъ доказательствъ — ясно предсавляетъ возможность спользному старцу пережить юношу. Старикъ говоритъ весьма умеренно и приписываетъ случаю — надежду пережить своихъ юныхъ сосѣдей, присовокупляя *неувѣрительно*, что будетъ считаться зарю на ихъ гробахъ, но упошребляя слова: *случится, удастся послѣ състь*; что слабый и пошускый взоръ его *встрѣтится*, какъ бы нечаянно, съ зарею на ихъ гробахъ. Французское же слово (*je puis*): я могу, едва ли не доказываетъ, что старикъ точно надеется считать зарю на гробахъ юношей.

Опъ всѣхъ закрыть походъ на берегъ Ахерона.

Ни сроку *назначать*, ни дня *не мѣла* учеть.

Служится, можетъ быть, что на ладью Харона

Мнѣ, старику, *удастся послѣ състь*.

Замѣшьте условныя выраженія: *назначать, не лъзя, случится, удастся*. Обращеніе юношей къ спарику въ седьмомъ стихѣ: *пекися о душѣ*, представляеть выраженіе, не только свойственное Рускому языку, но рисующее высокую истину, какъ будто изъясняя, что спарикъ опжилъ свой вѣкъ, что онъ ни къ чему болѣе не способенъ, кромѣ приготовленія себя къ будущей жизни, и что онъ не можетъ уже ни чувствовать, ни говорить, ни дѣлать что-либо полезное.

Второй стихъ, или мысль оригинальная на Рускомъ языкѣ мнѣ кажется та, которая соединяеть споль близкою чертою скоро преходящее время жизни нашей.

Какіе прекрасные стихи :

. какъ можно поручиться,
Что завтра по опять къ намъ завтра возвратится.

Нъ разряду оригинальныхъ мыслей, по чувству, съ каковымъ онѣ выражены, причислить должно; *я енучатамъ готовлю тѣнь*. Вышеписанные два прекрасные стиха о завпрашнемъ днѣ поруски выражаютъ сильно то, что Французскій авторъ, если смѣю сказать, говорить щеголевато :

La main des Parques blêmes
De vos jours et de miens se joue également.
Nos termes sont pareils par leur courte durée;
Qui de nous des clartés de la voute azurée
Doit jouer le dernier ?

Противники (*) славы Лафоншенивой вѣрно спросятъ : басенный ли это слогъ ?

Вопъ все то, что я хотѣлъ сказать о басняхъ Графа Д. И. Хвостова, которыхъ мнѣ при-

(*) Развѣ есть они? И царедворецъ Буало вѣрно не былъ въ душѣ своей противникомъ Лафоншена. *Изд.*

несли совершенное удовольствіе, и надѣюсь, что безпристрастные любители словесности, по совѣшу Сочинителя спашь въ 63 Но Академическихъ Газетъ сего года послѣдуютъ моему примѣру и примутъ на себя трудъ разобрать нѣкопорыя изъ его басенъ, въ числѣ которыхъ не мало найдется образцовыхъ.

И. Ивановъ.

Юня 10 дня 1830.

С. - Петербургъ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Л ю б л ю.

Люблю твой слышать голосъ нѣжной,
О Маша! лѣпомъ на зарѣ,
Когда его съ лады прибрежной
Разносишь эхо по горѣ.

*

Люблю я локоны, столь милы,
Твоихъ каштановыхъ волосъ,
Когда Зефиры легкокрылы
Развѣютъ плещеницы косъ.

*

Люблю я свѣжее дыханье,
Улыбку ароматныхъ устъ,
Когда, въ награду за спрданье,
Ихъ розовый цѣлую кусть.

*

Прелестные завидя взоры,
Вдругъ муки страсти утолю;
И щастливъ, если въ разговоры
Вмѣщаешь ты: *люблю! люблю!*

Ефимъ Гороноговъ.

15го Юня 1830 года.

С. - Петербургъ.

С М Ъ С Ъ.

Спектакль въ Лѣтнемъ Театрѣ, 6 го Юля.

Кажется, Московская публика посвящаетъ Лѣтній Театръ всякій разъ съ новою благодарностию за щастливую мысль устроить въ Столицѣ подобное увеселеніе. Сія мысль принадлежитъ Г-ну Директору ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Театра, Ѳ. Ѳ. Кокоскину, у котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ подмосковной: *Бедрино*, на естественномъ холмѣ, осѣненномъ живыми деревьями, была представлена прекрасная Озерова прагедія: *Поликсена*. Пропекающая у холма вода покрывалась Греческими кораблями, а по обѣимъ сторонамъ онаго по наклоненію бѣлѣлся многочисленный станъ Греческихъ воиновъ. Дѣйствіе на зрителей было необыкновенное. — Вопь *источникъ* Лѣтняго Театра въ Нескучномъ. Жаль, что нѣтъ близъ сцены сего Театра воды и кораблей: тогда очаровательность нашего Коллизея была бы въ полной мѣрѣ.

Обращаемся къ спектаклю. *Русская* комедія въ пяти дѣйствіяхъ: *Бобыль*, соч. П. А. Плавильщикова, и чрезвычайно приличная для сего Театра, доставила зрителямъ живѣйшее удовольствіе. Смѣхъ почти не прерывался. Сія комедія и расположена, и написана съ отличнымъ искусствомъ. Сколько поучительныхъ истинъ слышали мы отъ утѣсняемаго старостою *Бобыля*! Рускій прѣспонародный языкъ, въ устахъ крестьянъ, ея главныхъ лицъ — совершенство, а сцена *любвонной ссоры* (*dépit amoureux*) могла бы украсить наилучшую *высокую комедію*. Великая Екашерина любила

сію національную комедію, и часто приказывала и графъ ее въ Эрмишажъ. Нашъ комикъ Ильинъ заимствоваль изъ нея *все* для своихъ *крестьянъ*.

Юная, прелестная актриса Федорова, воспитанница Театральной школы, играла *Анюту*. Не возможно лучше войти въ роль свою! Каждое слово, каждый взглядъ, каждое пѣлодвиженіе — радость и горестъ, надежда и опчаяніе — все доказывало *умъ* и *талантъ*. Присоедините къ этому одну изъ рѣдкихъ способностей: *плакать для забавы*. Прекрасные глаза Анюшпы были именно въ *горючихъ слезахъ* — и очень долго.

Нещаснаго жениха Анюшпы представляль г-нъ Живокини: идеаль дурачка крестьянина. Въ дракъ-опца его съ будущимъ свапомъ, спароспою, жена послѣдняго, г-жа Бажановская, была испинною деревенскою фурією. Зрители хохотали до крайности.

Съ окончаніемъ комедіи явилась на сценѣ полковая музыка, грянула Рускую пѣсню, и Анюша, пѣлншельная Анюша, щаспливая соединеніемъ съ любимцемъ души своей, *Бобылемъ*, котораго играль очень хорошо г-нъ Соколовъ, Анюша, говоримъ, распросперла бѣлыя руки свои, понеслась павою и увѣнчалась жаркими похвалами. — Молодой аршиспъ Калининъ и г-жа Степанова играли *господъ*, великодушно покровительствовавшихъ влюбленнымъ, и были сами очень любезны. Г-нъ Аванасевъ представляль *слугу*, и былъ господиномъ роли своей.

За комедією слѣдовалъ диверписманъ, въ которомъ пѣли съ хоромъ: г-жа Филлисъ и г-нъ Булаховъ *Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлись*; г-нъ Баншышевъ *Полосаль моя полосанька*. Пошомъ г-жа Филлисъ опять пѣла съ хоромъ же:

*Братцы , дружно веселую ; а г-жа Алексѣева :
Покажися мѣсяцъ ясный .*

Наконецъ г-жа Попанчикова , въ бархатномъ темномалиновомъ сарафанѣ съ широкими золотыми голунами и съ пуговицами изъ каменьева , плясала поруски шакъ *краснорѣчию* , что плясавшій съ нею *молодчикъ* , г-нъ Лобановъ , угадывалъ по взорамъ и улыбка ея ту или другую судьбу свою , копорая напоследокъ ясно означилась быспрымъ , пламеннымъ *летаніемъ* завидной пары . Далѣе слѣдовали другія Рускія пляски , шакже и Цыганскія : ничего не можеть быть привлекашельнѣе сихъ плясокъ , равно какъ и пѣсенъ Рускихъ , на ошкрышой , окруженной напуральными деревьями сценѣ ! — Въ заключеніе спектакля былъ пущенъ большой *навильйонъ* изъ ракетъ и бураковъ ; но жаль , что немного рано : опъ эшаго онъ былъ довольно блѣденъ .

Должно еще сказать о декорациі , служащей занавѣсомъ этой сцены . Сія декорация представляеть *деревню* шакъ живо , что глаза почти обманываются .

Вышедши изъ Театра , многочисленная публика разсѣялась по всему саду , рѣдкому своими разнообразными красошами . Въ аллеі , на зеленой муравѣ , видите столики ; за ними сидяшь дамы и кавалеры и пьютъ чай , съ ароматами копорого мѣшаються ароматы липъ . Вечеръ былъ наипрекраснѣйшій .

ИЗВѢСТІЯ .

1 .

Историческая піеса : *Геодосій Великій и Св. Америкосій* , помѣщенная въ 23мъ Но сего Журнала , переведена г-жею Лихачевою подѣ

руководствомъ бывшаго наставника ея въ Россійской Словесности, который — не смотря на то, что сія піеса была напечатана — намѣренъ помѣстить ее съ нѣкоторыми переменами въ своемъ изданіи, имѣющемъ скоро выдти въ свѣтъ.

2.

Подписка на получение во второй половинѣ нынѣшняго года Липшерашурной газеты: *Сѣверный Меркурій*, издаваемой М. А. Беспужевымъ, принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обихъ Споллицъ, какъ то: въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Слѣнина и Смирдина, въ книжныхъ лавкахъ И. и М. Глазуновыхъ, Непейцына, Заикина, Л. и А. Свѣшниковыхъ; въ Москвѣ: у содержателя Университетской книжной лавки Ширяева и въ Коншорѣ Московскаго Телеграфа.

Подписная цѣна полугодовому изданію, по есть за 78 NNo (отъ 79го по 156 No включительно), имѣющихъ выдти съ 1го Іюля по 1е Января 1831 года, въ Петербургѣ *пятнадцать*, съ доставкою на домъ и съ пересылкою во всѣ города Имперіи *двадцать* рублей. Желające подписаться на цѣлое годовое изданіе платять: въ Петербургѣ *тридцать*, съ доставкою на домъ и съ пересылкою *тридцать пять* рублей. Сіи послѣдніе при подпискѣ получаютъ всѣ вышедшіе съ 1го Января NNo; къ иногороднымъ же особамъ оныя высылаются съ первою почтою.

Съ 78мъ No окончится *первый* томъ Сѣвернаго Меркурія, который самъ по себѣ составитъ отдѣльную книгу; съ 79го No начнется *второй* томъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Придворный трауръ остановилъ моды , и потому на эшошь разъ можемъ сказать о весьма немногихъ.

— Прекрасный ретенгошь изъ пальмирьена свѣтло-шамау , съ чернымъ вокругъ шелковымъ шипьемъ въ Греческомъ вкусѣ (entourée d'une grecque brodée en soie noire), есть одинъ изъ лучшихъ фантазическихъ нарядовъ.

— Въ большомъ употребленіи шали изъ чернаго Китайскаго крепа , обшитыя цвѣшною каймой.

— Хотя бахрамы внизу плащя вышли совершенно изъ моды ; но оборки пелеринъ все еще обшиваются въ краяхъ различною бахромкою (effilé). Верхъ рубцовъ (ourlets) означается золотымъ голунчикомъ (passementerie).

— Шляпки - капшш , вмѣсто блондъ , обшиваются деми - вуалями изъ Англійскихъ кружевъ (point d'Angleterre).

— Завязки (brides) шляпокъ обшиваются блондовыми рюшами.

— Очень много вышитыхъ мѣшковъ (sacs) изъ гривы. Изъ нея же дѣлаются рабочія карзинки и прекрасныя кузовки (paniers) для деревни .

— Золотыя вороненыя цѣпочки съ Греческими рисунками въ чрезвычайной модѣ , равно какъ и серги изъ цвѣшной эмали.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь № .

Шляпка изъ Итальянской соломы , съ вѣткою донника (mélilot). Ретенгошь изъ вышитаго шерстянаго батиста.

П О П Р А В К А .

Въ предыдущемъ № на стран. 54 ѣ должно читать : Надежда Петровна Шульгина.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,
съ тѣмъ чтобы , по оппечашаніи , представлены были въ Ценсур-
ный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюля 21го дня, 1830 г.
Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергей Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА:

П Р О З А:

i.

Ветурія, мать Коріолана, къ Валеріи.

При первомъ извѣстїи о побѣдахъ, одержанныхъ Вольсками подъ предводительствомъ Коріолана, Римляне были поражены страхомъ; и сей народъ, съ неистовствомъ изгнавши его, съ большимъ еще буйствомъ пребоавалъ его возвращенія. Неперпѣливо желая, чтобы заключенъ былъ миръ, Римляне посылають Сенаторовъ и жрецовъ для вступленія въ переговоры съ Коріоланомъ; но непреклонный изгнанникъ отвергаетъ всѣ предложенія и упорствуетъ въ намѣреніи излишь свое мщеніе. Таково было горестное состояніе дѣлъ, какъ одна Римлянка, по имени Валерія, сестра Валерія Публикола, выходитъ изъ Капитолія, сопровождаемая множествомъ женщинъ, которыхъ она предуведомила о своемъ

намѣреніи, вступаешь въ домъ Веспуріи, матери Коріолана, и убѣдительною просьбою спраешься уговорить ее, чтобы она сочувствовала имъ въ лагерь Коріолана, коего почтеніе къ матери и нѣжная любовь къ женѣ были ей извѣстны, и потому какъ Валерія, такъ и прочія женщины не сомнѣвались въ успѣхѣ своихъ слезъ и моленій. Веспурія не надѣясь успѣть въ намѣреніи, ими предполагаемомъ, ошѣвчаетъ Валерію:

„Къ слабой помощи прибѣгаешь ты, Валерія, надѣясь на ходатайство женщины, сраженной горестію. Съ того несчастнаго дня, какъ бѣшенный народъ споль несправедливо изгналъ Коріолана, въ немъ погасло сыновнее почтеніе, охладѣла нѣжная любовь, которая до того времени питала онъ къ своей матери и супругѣ. При выходѣ изъ народнаго собранія, гдѣ сынъ мой выслушалъ свое осужденіе, съ дикимъ взоромъ подошелъ онъ къ намъ и пребывъ нѣскольکو минулъ въ мрачномъ молчаніи, сказалъ: „Все уже совершилось! Коріоланъ осужденъ! неблагодарные граждане навсегда изгоняють меня изъ отечества. Перенесите сей ударъ судьбы съ бодростію духа, достойною двухъ Римлянокъ. Вамъ поручаю моихъ дѣшей; прощайте! Безъ горести оставляю городъ, гдѣ благонамѣренныхъ и честныхъ людей не терпятъ.“ — Сказавъ это, онъ удалился. Мы пошли за нимъ; я держала за руку старшаго сына, а Волумнія заливаясь слезами, несла на рукахъ самаго младшаго. Тогда оборотясь къ намъ, Коріоланъ сказалъ: „Прекратите бесполезныя жалобы и не ходите далье. У себя нѣтъ уже сына, мать моя! а для тебя, Волумнія, лучшая изъ всѣхъ женъ, свой мужъ навсегда уже потерялъ. Да благоволятъ

боги, чтобы ты нашла другого мужа, достойного твоих добродетелей и более щастливого, нежели Корюланъ!“ — Волумнія выслушавъ сію жестокою и поразительную рѣчь, упала въ обморокъ; въ то время, какъ я подбѣжала помочь ей, Корюланъ оставилъ насъ съ жестокостію варвара, не принявъ послѣднихъ нашихъ объѣзій и не подавши намъ, ошягченнымъ поликою горестію, нималѣйшихъ признаковъ соспраданія къ нашему нещастію. Онъ вышелъ изъ Рима одинъ, безъ прислуги, безъ денегъ, не сказавши намъ даже и того, куда направлялъ стопы свои. Съ того времени, какъ мы разспались съ нимъ, не навѣдывался онъ о своемъ семействѣ, и о себѣ не увѣдомлялъ насъ. По всему видно, что пылая ненавистію къ своему опечеству, и мать, и жену свою почитаетъ онъ непримиримыми своими врагами. Какой же успѣхъ моленіями своими, сколь бы они убѣдительны ни были, надѣшесъ пріобрѣсти опъ челоука споль неумолимаго? Могутъ ли двѣ женщины смягчить то жестокое сердце, кошораго не могли умилоспивиить и самые служители въры? Что скажу я ему? чего могу законно спребовать опъ него? Не того ли, чтобы онъ проспиль неблагодарныхъ согражданъ, кошорые поспутили съ нимъ какъ съ извергомъ, очернившимъ себя величайшими злодѣяніями? чтобы сжалился надъ бѣсновавшимся народомъ, кошорый не чувспвовалъ нималѣйшей жалоспи къ его невинности? чтобы измѣнилъ Вольскамъ, кошорые не сполько дали ему убѣжище, но спредпочли его знаменистѣйшимъ соопечеспвенникамъ своимъ и вручили ему главное начальство надъ войсками? Какъ осмѣлюсь я сдѣлать спредложеніе, чтобы онъ, оставивъ споль великодушныхъ

покровишелей, снова покорился своенравной власти жесточайшихъ своихъ гонителей? Мать и жена, Римлянки, могутъ ли безъ нарушенія справедливости опъ сына и мужа пребовать щого, что могло бы обезславить его предъ лицомъ боговъ и челоувковъ? Гореспное положеніе! Намъ не позволено даже ненавидѣть злѣйшаго врага нашего опечества! Оставъ же насъ жертвами бѣдственной участи нашей, оставъ насъ спрадать подъ игомъ праведной скорби!“

2.

Ветурия къ Коріолану, своему сыну.

Ветурия рѣшившись наконецъ слѣдовать совѣщамъ Валеріи, или лучше сказать покоряясь вдохновенію, которое привело къ ней знаменитыхъ Римлянокъ, сопровождаемая супругою и двумя сыновьями Коріолана, является въ лагерь Вольсковъ. Коріоланъ узнавъ объ ихъ прибытіи, расположился принять ихъ съ уваженіемъ, на которое онѣ имѣли право, и между тѣмъ рѣшился никакъ не соглашаться на ихъ просьбу. Но швердость его поколебалась при видѣ матери и супруги. При первомъ взглядѣ на нихъ онъ бросился къ нимъ въ объятія (*). Ветурия заклинала его даровать миръ опечеству и успремить оружіе прошивъ непріятелей Рима; но Коріоланъ прошивопоставлялъ ей съ одной стороны звѣрской поступокъ Римлянъ въ опношеніи къ нему, а съ другой обязательства свои съ Вольсками. Ветурия опвѣчала, что онъ не нарушая договоровъ съ Вольсками, можетъ заключить миръ, равно выгодный для обѣихъ

(*) Титъ Ливій Кн. 2, гл. 40.

споронъ; попомъ обрашила къ нему слѣдую-
щую рѣчь:

„Можешь ли ты, сынъ мой, не согласишься на предложеніе столь справедливое, если только, по внушенію упорства и злобы, не предпочтешь жестокаго мщенія моленіямъ и слезамъ швоей матери? Знай, что опъ швоего шшвина будетъ завѣсь не только слава, но и самая жизнь моя. Если я принесу въ Римъ радостную вѣсть о скоромъ заключеніи мира, если вступлю шуда съ увѣренностію въ швоемъ примиреніи, то съ какимъ воспоргомъ встрѣпятъ меня наши сограждане! Ощальные немногіе дни, копорые по воль боговъ назначено мнѣ прожить на земль, будутъ озарены честію и славою. Мое щасіе не конишь вмѣстѣ съ сею временною жизнью. Если справедливо, что для душъ нашихъ уготованы различныя мѣста по смерти, то могу ли спрашиться мрачныхъ пропастей, предопредѣленныхъ въ казнь пороку и злобѣ? Да и самыя Елисейскія поля, радостная обитель, уготованная поклонникамъ добродѣтели, доощащны ли будутъ для вознагражденія за мой подвигъ? Спасая Римъ, сей градъ, кровительспвуемый Юпитеромъ, не могу ли надѣяться получить мѣсто въ шой превыспренней спранѣ, гдѣ обитають избранные любимцы боговъ? Но я уже слишкомъ предаюсь лестнымъ для меня мыслямъ. Что будетъ со мною, когда ты станешь упорствовать въ непримиримой ненависти, опъ копорой мы уже слишкомъ много спрадали? Наши поселенцы швоимъ оружіемъ изгнаны изъ многихъ городовъ; признававшихъ надъ собою господство Рима; швои свирѣпые войны, разсѣяшіеся по селеніямъ, испребляющіе все огнемъ и мечемъ, — уже ли не на-

сыпили своего мщенія? Какъ могъ ты имѣть столько дерзости, что пришелъ опустошать землю, въ которой увидѣлъ свѣтъ дневный и которая столько долгое время питала тебя? При первомъ взглядѣ на Римъ, какъ не пришло тебѣ на мысль, что твои боги, твой домъ, твоя мать и супруга, твои дѣти заключены въ стѣнахъ его? Уже ли ты думаешь, что я, пораженная стыдомъ опъ жестокаго своего отказа, буду спокойно ожидать, пока оружіе твое рѣшитъ нашу участь? Римлянка умѣешь умереть, когда нужда того потребуетъ. Если не успѣешь смягчить своего сердца, то при твоихъ же глазахъ остріе меча прекратитъ жизнь мою; ты вступишь въ Римъ не иначе, какъ попирая ногами бездушное тѣло той, которая дала тебѣ жизнь, и ежели столько ужасное зрѣлище не укрошитъ твоей ярости, и ты съ ожесточеніемъ гарвара возложишь оковы на свое опеченство: то знай, что ни жена твоя, ни дѣти не избѣгутъ смерти, или по крайней мѣрѣ всегдашняго рабства.“

Кориоланъ, волнуемый различными чувствованіями, пришелъ въ великое смущеніе: ненависть и желаніе опомснить слабо уже прошивоборствовали впечатлѣнію, произведенному въ сердцѣ его словами матери. Вепурія примѣтивъ его нерѣшимость и опасаясь, что бы гнѣвъ не пересилилъ любовь къ матери, продолжала:

„И ты не отвѣчаешь мнѣ, сынъ мой? Развѣ не узнаешь во мнѣ своей матери? Уже ли ты позабылъ заботы и попеченія, кои прилагала я о тебѣ во младенчествѣ твоёмъ? Да и можешь ли ты, вооружившійся противу Рима только для удовлетворенія своему мщенію за

неблагодарность согражданъ своихъ, можешь ли, не очернивъ себя шѣмъ же пресупленіемъ, которое хочешь карать, можешь ли опказать мнѣ въ единственнѣйшей милости, мною у тебя испрашиваемой? Если бы я прѣбовала, чѣмъ бы ты измѣнилъ Вольскамъ, споль великодушно себя принявшимъ, по имѣлъ бы ты справедливую причину опвергнуть такое предложеніе; но Вешурія не способна предлагать что-либо безчестное своему сыну. Слава твоя дороже для меня моей жизни. Умоляю тебя шолько опомъ, чѣмъ бы ты удалилъ свое войско опъ спѣнъ Римскихъ и заключилъ съ нами перемиріе на одинъ годъ, въ продолженіе котораго можно придумать средства къ возстановленію прочнаго мира. Заклинаю тебя, сынъ мой, всемогущимъ Юпитеромъ, владыкою Капитолія; заклинаю прахомъ опца твоего и предковъ твоихъ! Если же мои прошенія и слезы не могутъ смягчить тебя, то сжался надъ матерью, повергающеюся къ ногамъ твоимъ, умоляющею о спасеніи опечества!“

При сихъ словахъ Вешурія падаетъ къ ногамъ Коріолана и орошаетъ ихъ слезами; жена его и дѣти слѣдуютъ ея примѣру, и всѣ Римлянки, ихъ сопровождавшія, слезами и спенаніями своими умоляютъ его о пощадѣ. — Коріоланъ, прішедшій въ умиленіе при видѣ Вешуріи, лежавшей у ногъ его, внѣ себя опъ избытка чувствования, восклицаетъ: „Ахъ! что ты дѣлаешь, матушка?“ — съ нѣжностію пожимаетъ ей руку, подъемлешь ее и говоритъ: „*Римъ спасенъ, но погибъ сынъ твой!*“

Изъ Choix de discours, tirés des Orateurs.

В — ра Пднсева.

Обѣды Кардинала Ришелье въ Рюэльскомъ замкѣ.

Съ давняго времени одинъ старшій воинъ жилъ уединенно въ Нормандіи. Какія - то дѣла призвали его въ Парижъ. Однажды вечеромъ пришедши домой, онъ видить у себя на столѣ свое ручное письмецо отъ Кардинала Ришелье, который приглашалъ его на другой день въ свой Рюэльскій замокъ обѣдать. Честъ такого приглашенія удивляетъ стараго воина. Онъ спѣшитъ поутру сказать объ этомъ друзьямъ своимъ. Всѣ совѣтовали ему опрравиться въ путь, и онъ опрправился одинъ и пѣшкомъ. Вдругъ догоняетъ его одноколка. Ъхавшій въ одноколкѣ спрашиваетъ у него, куда онъ идетъ. „Въ Рюэль,“ отвѣчалъ спранникъ. — Не угодно ли съестъ со мною; я также ѣду въ Рюэль. — Предложеніе принято. Разговоръ поспѣхомъ обратился на путешествіе. „Я ѣду обѣдать къ Ришелье,“ сказалъ посадившій къ себѣ стараго воина. — И я также — отвѣчаетъ сей послѣдній. „Вы будете обѣдать у Кардинала! . . .“ — Такъ точно, милоспивый государь, и по его собственному приглашенію, чрезвычайно благоклонному; но, признаюсь, оно немного удивляетъ меня: я никогда не имѣлъ никакого сношенія съ первымъ Министромъ, и не понимаю . . . — „Какъ!“ съ живоспью спрашиваетъ хозяинъ одноколки: „вы не знакомы съ Кардиналомъ и приглашены имъ къ обѣду!“ — Что вамъ сдѣлалось? ваше лице измѣняется. . . . — „Вспомните - ка, милоспивый государь! не имѣли ли вы какой - нибудь ссоры съ Кардиналомъ?“ — Кажется, нѣтъ. — „Подумайте хорошенько: это обспоятельство го-

раздо важнѣе, нежели какъ вы по видимому можете себѣ представить.“ — Вы пугаете меня. — „Загляните-ка хорошенько въ совѣсть свою, прошу васъ. Не случилось ли вамъ, напримѣръ, когда-либо выпустить какіе нибудь куплешцы. . . .“ — Ахъ! виновать. Теперь вспоминаю, что нѣкогда, при Дворѣ, я сочинилъ на счетъ Графа Ришелье нѣсколько эпиграмматическихъ пѣсень, которыя прославились. — „Довольно. Узнайте же, милосливый государь, о роковой участи, вамъ предсоявшей. Я. . . . палачь, и никогда не бываю въ Рюэль безъ того, чтобы Кардиналь, ужасный въ мщеніи своемъ, не совершилъ какого-либо пресшупленія. Вы были бы сегодня жертвою. . . . Почитаю щасливимъ себя, что могу спасти жизнь вашу. Бѣгите. . . .“ — Но чѣмъ возблагодарю вамъ? — „Бѣгите, говорю; я ничего не пребую, кромѣ памятованія вашего.“

Воинъ поспѣшь вышелъ изъ одноколки, возвратился въ Парижъ, и нимало не медля отправился въ свое Нормандское помѣстье. По прошествіи нѣкотораго времени онъ имѣлъ сугубое удовольствіе слышать о смерти Кардинала и найши своего благодѣтеля.

Вотъ историческое извѣстіе о сихъ Рюэльскихъ объѣдахъ: при собесѣдника, Кардиналь, палачь и жертва. Хорошій столъ и веселость, господствующая во все продолженіе объѣда. После онаго хозяйнѣ приглашалъ гостей войти въ другую комнату; самъ шелъ впереди, за нимъ палачь, за палачемъ жертва, которая въ ту же минуту проваливалась въ подземелье посредствомъ одной пружины въ досчечкѣ паркета, приподнимаемой палачемъ и поспѣшь опускаемой.

Изъ Франц. Журнала.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ друзьямъ.

Подайше мнѣ фіаль забвенья :
 Я грусть хочу въ немъ попопить! . . .
 Мнѣ боги съ самага рожденья
 Судили вѣкъ въ нещастьи жить.

Они ко мнѣ несправедливы ;
 Но я узналъ душой своей ,
 Что если будемъ терпѣливы ,
 То и щаспливыми скорѣй.

Н. Ш. . . . ргъ.

Эпитафія младенцу.

Увяла милая , младенецъ нашъ , Глафіра ,
 Какъ неразвернутый цвѣшокъ !
 Но свой родительской оставя уголокъ ,
 Она пошла къ Опцу — въ обитель благъ и мира !

Ив. Сбрквъ.

Къ невѣрной.

Нѣшь , нѣшь , не увѣрай : въ твоихъ словахъ , въ божьѣ
 Я не имѣю нужды :
 Когда я сшалъ послышь тебѣ ,
 Когда любовь и вѣрность чужды
 Разсѣянной душѣ твоей :
 Такъ скройся ошь моихъ очей.

Ив. Сбрквъ.

С М Ъ С Ъ

1.

*Госпожа Зонтагъ, первая Пѣвица Двора
Его Величества, Короля Прусскаго.*

Все, что ни читали мы въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ; все, что ни слышали отъ артистовъ и дилеттантовъ; все, что ни сказали бы сами о госпожѣ Зонтагъ — все это не подаетъ, не могло бы подать ничемалѣйшей идеи о тѣхъ впечатлѣнiяхъ, которыя производить на душу, на сердце, на воображенiе талантъ Пѣвицы, несравненной, единственной, великой! Надлежитъ испытать сiя впечатлѣнiя — и безмолвствовать! Они не имѣютъ выраженiй въ языкѣ обыкновенномъ. Самый языкъ боговъ, Поэзiя, не возвысится до той сферы, въ которой владычествуетъ голосъ. . . . Германскаго соловья: такъ соотечественники госпожи Зонтагъ наименовали ее. Завидуемъ Германiи, подъ небомъ которой родился подобный соловей-фениксъ! . . . Но горе тому, кто вздумалъ бы разбирать, оцѣнить это голосъ съ музыкальнымъ циркулемъ и масштабомъ въ рукахъ! Онъ можетъ, онъ должны — плескать, плескать съ восторгомъ, съ энтузиазмомъ сему чудному феномену гармоническаго мiра — и только!

Такъ поступила Московская публика въ первомъ концертѣ, данномъ госпожею Зонтагъ на сценѣ большаго Петровскаго Театра 10го Юля. Знакомая со славою Пѣвицы публика встрѣтила ее рукоплесканiями столь жаркаго восторга, столь живаго энтузиазма, что скромная, любез-

ная Зонпагъ нѣсколько разъ оспанавливалась, благодарила, прежде нежели могла занячь мѣсто свое на сценѣ; но когда запѣла, когда эшошь небесный голось, неизъяяснимый, непоспижимый въ своихъ дѣйствіяхъ, вливался въ грудь слушателей, прогаль, волноваль, воспаменяль ее; когда сильные звуки его покрывали многочисленный оркестръ, а послѣдніе соединядись, пише и пише, съ воздухомъ и улешали въ область эфира, подобно куримому на жерпвенникѣ сладостному еймиаму: сей воспоргъ, сей энпузіазмъ не имѣли предѣловъ. Колосальныя спѣны величайшаго изъ шеапровъ, казалось, пряслись оцъ грома, въ нихъ раздававшася.

Исполненная необыкновенной привлекательности самою своею наружноспію, госпожа Зонпагъ явилась въ бѣломъ платьѣ съ брилліаншовой діадемою, соспавлявшею весь головный уборъ ея: эшо была истпнная Грація подъ покровомъ. Болѣе бо музыканшовъ соспавляло полукружіе на самой сценѣ, предспавлявшей великолѣпную колоннаду. Капельмейстеръ Имперапорскаго Театра, г-нъ Шольць, управляль симъ оркестромъ. Концертъ соспояль въ слѣдующемъ:

Часть первая. 1. Увершюра изъ оперы: *Оберонъ*, соч. Вебера. 2. Госпожа Зонпагъ пѣла арію, сочиненную для нея г-мъ Меркаданте. 3. Симфонія Моцарта. 4. Госпожа Зонпагъ пѣла арію изъ оперы: *Ченерентола*.

Часть вторая. 5. Увершюра изъ оперы: *Нѣмая въ Портции*, соч. Обера. 6. Госпожа Зонпагъ пѣла кавашину изъ оперы: *Севильскій Цирюльникъ*, соч. Россини. 7. Симфонія Бешголена. 8. Госпожа Зонпагъ пѣла вариаціи Роде.

Говорятъ, что арія изъ оперы Ченереншопла — поржештво госпожи Зонпагъ. Но намъ казалось, что она равно поржештвовала во всемъ, что ни пѣла, а особливо въ *каватинѣ* и *варіаціяхъ*; варіаціяхъ, которыхъ не могла *танъ* пѣшь и *царица пѣнія*, г-жа Капалани. Арія Меркаданте пребуеть голоса почти сверхъестественнаго. Но и она — ничего не спойшь Германскому соловью!

Нужно ли сказывать, что большой Петровской Театръ былъ полонъ?

Извѣстно, что госпожа Зонпагъ была увѣнчана — и самымъ интереснымъ образомъ — на Парижской сценѣ: эшаго мало: Парижане въ честь Пѣвицы - Актрисы выбрали золотую медаль съ надписью кругомъ: *Благодарный Парижъ Генріэттѣ Зонпагъ*.

Сіе слабое начертаніе шакого предмета, котораго и пѣни не можетъ быть подъ перомъ самымъ искуснымъ, надѣмся оживишь нѣсколко разсказомъ слѣдующаго анекдота:

Будучи въ Лондонъ, госпожа Зонпагъ узнаешъ о бѣдствіяхъ, причиненныхъ жипелямъ Силезіи разлипіемъ рѣкъ. Тронушая судьбою несчастныхъ, госпожа Зонпагъ почувшвовала великодушное желаніе осушишь горькія слезы симъ злополучнымъ жершвамъ ужаснаго случая. На эшомъ конецъ она даешъ концертъ въ Арджиль - Ровенской залѣ. Цѣна за входъ была назначена двойная прошивъ обыкновенной, п. е. по 2 гинеи. Одинъ изъ Англичанъ находишь цѣну чрезвычайно высокою, и не хочешъ плашишь такъ дорого. Ему говорятъ, что концертъ даешся въ пользу бѣдныхъ. „Что мнѣ нужды до бѣдныхъ?“ восклицаетъ Брипанецъ:

„Я хочу слышать Зоншагъ.“ Наконецъ заплашилъ. По окончаніи концерта онъ спѣшилъ къ раздатчику билетовъ и говоритъ ему съ жаромъ: „Я виноватъ, очень виноватъ, не желавши заплашить двѣ тенеи! Вошь еще чешыре. Ахъ! я не зналъ госпожи Зоншагъ; не могъ оцѣнить ея неоцѣннаго паланша. Я наслаждался прекраснѣйшимъ вечеромъ въ жизни! О какъ я виноватъ!“

Присоединимъ къ анекдоту, вовсе невымышленному, еще нѣкоторыя характеристическія черты сей очаровательной Художницы: увѣряють, что кто имѣетъ щастіе быть часно съ нею, тотъ не знаетъ, чему долженъ опдаться преимуществво: добротѣ ли ея сердца, чувствительности ли души, или божественному голосу; тотъ плѣненъ ею совершенно!

2.

Осмый спектакль въ Нескушномѣ.

8 го Іюля представляли здѣсь: *Мужъ и Любовникъ*, комедію въ одномъ дѣйствіи, переведенную съ Французскаго. Въ сей комедіи игра г-на Сабурова въ роли Полковника, Князя Горскаго, мужа - помощника любовной инпригъ жены своей съ родсвенникомъ, была прекрасна; но дѣло не о томъ: должно говоритъ о послѣдовавшемъ за комедіею изъ сочиненій Шевалье балетъ въ чешырехъ дѣйствіяхъ: *Деревенская Героиня* — это прелестъ, до Лѣшняго нашего Театра едва ли гдѣ-нибудь виданная! Всѣ сельскія каршины, составявшіяся изъ группъ и панцевъ, чрезвычайно хороши; а каршины военныхъ эволюцій, самое войско, изъ малаго числа

людей, какъ бы волшебствомъ превращенное въ пысячи и перемѣшанное съ сельскими живыми ландшафтами — очаровательно. Присоедините къ этому искусство и таланты Ришаровъ, Урбани, Лобановыхъ и другихъ, едва ли не первенствующихъ своими дарованіями въ цѣлой Европѣ, — и тогда скажемъ снова: честь и слава масперу дѣла — шворцу нашего Лѣпняго Театра!

Замѣтимъ, что Лѣпній Театръ долженъ воскресить многое позабытое, хорошее и занимательное. Напримѣръ въ Парижѣ съ большимъ удовольствіемъ видяшь на лѣпней сценѣ *Бочара*, *Діанино древо*, *Двухъ охотниковъ* и проч. Мы это все имѣемъ и можемъ еще возобновить десятки подобныхъ же водевилей, даже опечествленныхъ, весьма занимательныхъ, каковы напримѣръ: *Тига*, *Новое семейство* и проч. и проч. (*). И тогда посмотрите, если не свершится пословица: *старина что диво!*

Старый любитель театра.

(*) Въ запискахъ *Е. М. Маркова* (о которомъ не однажды упоминалось въ *Вѣстникѣ Европы* и въ другихъ нашихъ Журналахъ, какъ о жителѣ Италіи) сказано, что на воздушномъ театрѣ въ Неаполѣ, при представленіи *Козарры*, сцены, происходящія обыкновенно во внутренности покоевъ, переносятся на воздухъ, въ сады, или въ рощи, передъ жилищами находящіяся. Такъ, напримѣръ, коммическая сцена *Гиты* и *Тита* происходила въ долинѣ, подъ тѣнью дерева. Маркизь — крестьянинъ (*Колбасники*) дѣйствуетъ то въ лѣсу, то въ огородѣ. *С. Л. Т.*

П а р и ж с к і я м о д ы .

На гульбищахъ замѣчено очень много шляпокъ лиловыхъ или дико-лиловыхъ (*gris lilas*); онѣ креповыя или гроденаплевья съ газовыми лентами; или съ однимъ легкимъ цвѣшкѣмъ.

— Уборки волосъ чрезвычайно просты. Бусы (*perles*), нѣсколько розовыхъ вѣнковъ (*chapeaux en fleurs roses*), анемоны, макъ, небольшіе букеты на вершинѣ головы — вещь уборка, предпочитаемая всѣмъ другимъ.

— Все еще въ большой модѣ шляпки изъ Испальянской соломы, убранныя вѣшкми укропа (*fennuil*), папоротника (*fougère*); также очень много шляпокъ изъ пальдери, равно мѣрно убираемыхъ цвѣтами, газовыми лентами, по большей части зелеными (*pougat*).

— Мало перемѣны въ формѣ шляпокъ, коихъ поля все еще довольно подняты. Перья по большей части накальваются густыми пуками, одно противъ другаго. Тулья шляпки, называемая *казацкою*, есть самая модная.

И з њ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь № .

Шляпка - капоть изъ пальдери. Платье изъ Панаганской кисеи. Шаль изъ Китайскаго крепа.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ;

съ тѣмъ чтобы, по оппечаташи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ при эк. минд.р: Москва: Юля 28 го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

1850.

Парижская Мода. № 32.

Дамский Шурмань.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

Лице, видъ и физіономія.

Лице въ собственномъ смыслѣ есть поверхность передней части головы; ему приличны одни лишь физическія свойства, какъ-то: круглость, продолговатость.

Видъ есть изображеніе чувствъ: онъ представляетъ угрюмость, веселость и проч. Физіономія есть моральное выраженіе, разсматриваемое въ особенностях; она ни мало не относится къ составу лица, но есть отличительное свойство гения. Напримеръ: Вольперъ имѣлъ достопримѣчательный видъ, худощавое лице и весьма значительную физіономію.

Правильность въ чертахъ нужна для образованія прекраснаго лица; интересное выраженіе и красивыя черты необходимы, чтобы при-

данъ плѣнительный видъ; умъ и чувствительность достаточны для физиономіи.

Женщина глупая, какъ бы черты ея лица правильны ни были, имѣеть только прекрасное лице; другая, у которой къ пріятнымъ чертамъ лица присоединяются привѣпливость и нѣжность, имѣеть прелестный видъ; но та, которая при неправильныхъ и даже дурныхъ чертахъ лица имѣеть много души, та вознаграждена вполне за всѣ сіи недостатки, ибо одарена неограниченнымъ свойствомъ всемъ нравиться — физиономіею.

Славный Лекенъ былъ весьма некрасивъ; но въ роли Оросмана невольное восклицаніе: „Ахъ! какъ онъ хорошъ!“ раздавалось повсюду. Вошь могущество физиономіи.

Съ Франц. Н. Курманалева.

Поездка изъ Астрахани на Кавказскія минеральныя воды ().*

Отправляясь къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ степною дорогою и желая содѣлать ее извѣстною для тѣхъ, кои въ первый разъ предпримуть путешествовать по оной, я вмѣняю себѣ въ обязанность записывать ежедневно все, могущее встрѣпиться на сей дорогѣ.

14го Мая въ 12 часовъ утра я переправился изъ Астрахани чрезъ Волгу въ Ташарское селеніе Солянку, гдѣ почтенные и добрые Н. А. и А. П. Д. . . . вы, съ двумя маленькими сво-

(*) Отъ Астрахани до Кавказ. минеральн. водъ двѣ дороги: одна почтовая чрезъ Кизляръ и Георгіевскъ; а другая степная, которая — какъ полагають — двумя шагами верста ближе почтовой. В. Н.

ими сынками, ожидали меня, и по прибышии моемъ пошчасъ пронулись въ дорогу. Экипажъ состоялъ изъ брички, коляски и прехъ аробъ (*); сии послѣднiя вмѣщали въ себѣ — исключая людей — необходимое въ сей дорогѣ: какъ-то живыхъ куръ и цыплятъ въ клѣшкахъ, разную провизию, нѣсколько боченковъ для воды, дрова, угли и ш. п. — Подряженные везши насъ въ оба пупи на 10 лошадахъ Тапары объявили, что верспахъ въ семи по дорогѣ ешь хушоръ, гдѣ имъ надобно оспановиться и взять изъ шабуна еще лошадь.

Вспутивъ въ дикую, песчаную степь и не имѣя передъ глазами никакого разнообразiя въ природѣ до самыхъ почпи водъ — исключая множества полыни и сухой травы — я воображалъ ужасную скуку и даже грусть того, кто рѣшился ѣхать одинъ по сей дорогѣ; но мнѣ въ кругу любезнѣйшаго семейства не предстоела такая участь.

Дохавъ до Калмыцкой кибитки, близъ коей находился конной шабунъ, наши извощики оспановились, сказавъ, что это самый шопъ хушоръ, о кошоромъ они говорили. Хозяинъ, знакомый намъ Тапаринъ, встрѣшилъ насъ и просилъ въ хушоръ; изъ любопытства мы посѣтили оной. Тамъ нѣсколько юзлуковъ (кожаныхъ мѣшковъ) было наполнено кумысомъ, а въ большой непокрытой кадкѣ хранилось свѣжее кобылье молоко. Тщешно подчивалъ онъ насъ шѣмъ и другимъ, а между шѣмъ самъ съ извощиками нашими поминушно пилъ кумысъ, производящiй дѣйствiе не хуже хлѣбнаго вина.

(*) (Арба) шлега о двухъ большихъ немазанныхъ колесахъ.
Сов.

Лошадь въ табунѣ давно была поймана ; но извошники не думали опшходить опъ кумыса и ѣхашь далѣе ; когда же спрого было приказано опсправляшьяся , по они признались , что медлюшъ въ ожиданіи поварища своего , подрядившагося шакже везши изъ Аспрахани на воды одного офицера . Не зная навѣрное , поѣдешь ли онъ въ сей день и догонишъ ли насъ , мы опсправились въ пущь , и при захожденіи солнца близь станціи Кошь - Кашей опшановились ночевашь у ильменя (пропока) , выходящаго изъ Волги , разспояніемъ опъ Аспрахани въ 20 версшакъ . Часа чрезъ два радоспные крики извошниковъ извъспили о прибышій ихъ поварища съ офицеромъ .

15го Числа съ восходомъ солнца мы пронулись съ ночлега . Станція опшпалась у насъ влѣвъ ; мы вспутили уже на прямую спешную дорогу , и вскорѣ вспрѣспили раздирающихъ душу *тысячу намазанныхъ колесъ* , кои вершьясь подъ арбами , кашили изъ Кизляра въ Аспраханъ бочки съ водкою и чихиремъ (винограднымъ виномъ) . Ильмень въ семь мѣспѣ оканчивался , почему наполнивъ изъ него наши боченки , мы распроспились съ прощочною водою до рѣки Кумы . Въ сей день проѣхавъ не болѣе 40 верспѣ , ночевали у одного непрощочнаго ильменя . Часу въ 12 ночи догналь насъ одинъ Аспраханской шоргашъ , ѣхавшій на двухъ арбахъ шакже къ водамъ продавашь разную мѣлочь .

16го Числа проѣхавъ 5 часовъ , мы опшановились у первыхъ копоней (*) кормишъ лошадей .

(*) Копони или колодези вырыты по сей дорогѣ Калмыками для продовольствія себя и скоша во время перекачевокъ ихъ на зимовье . Нынѣ они опъ сего мѣспла качуюшъ далеко . Сог.

Сии копани вырышы на низменномъ мѣспѣ, ни чѣмъ не обложены, и имѣющъ въ себѣ весьма мало воды, и шо солопковашой, копорую можно пить полько по необходимости. До ночлега ѣхали шакже 5 часовъ, оспановясь у подобныхъ же копоней и воды. Въ сей дѣнь проѣхали примѣрно около 50 верспѣ.

17го Числа ѣхали до обѣда и до ночлега такимъ же порядкомъ, какъ прошедшій дѣнь, оспанавливаясь кормишъ и ночевашъ у копоней же.

18го Числа съ 5 часовъ упра до 2 по полудни мы ѣхали до обыкновенныхъ копоней, помимые — при безвѣсприи — чрезвычайнымъ зномъ. Въ 5 часовъ продолжали пушъ, и вскорѣ увидѣли въ лѣвой споронѣ дороги шеспѣ челоувѣкъ, ѣхавшихъ верховыхъ прямо къ намъ. Это были Калмыки, вооруженные ружьями, пистолетами, шашками и пиками. Подѣхавъ къ намъ, они съ обыкновенною имъ (въ степи) смѣлосшю заглядывали въ каждый экипажъ и смолрѣли на всѣхъ со вниманіемъ. На вопросъ одного изъ извощиковъ, знавшаго нѣсколько ихъ языкъ: „куда они ѣдутъ,“ отвѣчали, что ищущъ верблюдовъ. Зная, что Калмыки ошъ сего мѣсна кочуютъ далеко и что для опысканія верблюдовъ подобное вооруженіе было бы излишнимъ, мы не очень радовались шакимъ поварицамъ, имѣвшимъ въ заводѣ двухъ лошадей, вѣрояшно украденныхъ или опняпыхъ; но ѣхали вмѣспѣ до 9 часовъ. Мы полагали, что они не сдѣлающъ на насъ дорогою нападенія въ ожиданіи ночи или поварищей, и въ семъ мнѣніи доѣхавъ до копоней, оспановились ночевашъ, имѣя при себѣ непріятныхъ спушниковъ. Они расположились близъ нашего обоза, поставя оружіе въ козлы, а лошадей подлѣ себя. Думаю, что никшо на нашемъ мѣспѣ не

подумалъ бы, какъ и мы, въ сію ночь о снѣ, подлѣ сихъ непрошенныхъ спутниковъ, въ особенно-сти же видя, что и они объ ономъ мало думали, при совершенной увѣренности, что мы ихъ не обезпечимъ! Ночь была довольно свѣплая, и я сидя въ засадѣ съ ружьемъ, не сводилъ глазъ съ пріятелей, для того чтобы въ случаѣ приближенія ихъ выбрасъ самую широкую рожу; ибо хоть я и порядочно спрѣляю, но въ это время боялся, какъ бы не дасть промаху по случаю внезапно постѣпившей меня лихорадки! Калмыки опѣздомъ своимъ еще до солнца нѣсколько насъ успокоили. Они не рѣшились грабить вѣрояпно по двумъ, весьма основательнымъ причинамъ; первая та, что мы числомъ превосходили ихъ; а вторая: они безъ сомнѣнія думали, что у насъ много оружія, тогда какъ у всѣхъ было одно только ружье, два пистолета, да у г-на офицера испорченная сабля, копорою онъ гремялъ во всю ночь и пугалъ Калмыковъ. Онъ истинно доказалъ духъ геройства чистосердечнымъ признаніемъ, что еслибъ Калмыки вздумали сдѣлать ночью нападеніе на насъ, то онъ въ минушу смяшенія убѣжалъ бы непримѣтно назадъ по дорогѣ и присоединился къ обозу, копорой слѣдовалъ въ Георгіевскъ съ ядрами и копорой за сучки передъ шѣмъ мы обогнали!

19го Числа, вскорѣ по опѣздѣ Калмыковъ, пронулись и мы съ мѣспа. Въ 12 часовъ остановились на равнинѣ, покрытой прекрасною зеленью, и къ удовольствію нашли въ копоняхъ прѣсную воду, копорую наполнили изсякшіе сосуды. Въ 8 часовъ вечера остановились у разнообразныхъ копоней, съ шѣмъ чтобы покормивши лошадей, ѣхашъ уже всю ночь, ибо вода опѣ сего мѣспа, по объявленію извощиковъ, верстахъ

въ 90. Ошдохнувъ часа два, опсправились, и при восходѣ солнца оспановились, чшобы дашь лошадямъ ошдохнуть. Трава была прекрасная, но безъ воды: лошади еда принимались за первую.

20го Числа мы опсправились съ мѣспа въ 6 часовъ ушра, а оспановились въ 11 для ошдыха совершенно упомленныхъ жаждою и зноемъ лошадей; но онѣ и не думали ѣспь. Дѣлашь было нечего. Въ 2 часа по полудни ихъ запрягли и заспавили идши впередъ. Въ 8 часовъ вечера доспигли соленого прошока, называемаго *Манычь*; при переѣздѣ чрезъ него въ бродъ лошади бросились пипь; но въ шу же минушу головы ихъ какъ магнитомъ подняло вверхъ. На другой споронѣ у кургана, какъ будшо бы нарочно насыпаннаго, мы оспановились ночевать; здѣсь были копони съ солошковою водою. Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ, съ какою алчноспію и какъ много пили бѣдныя живопныя; мнѣ кажешся, что если бѣ пуспили ихъ къ водопою всѣхъ вмѣспѣ, шо многія изъ нихъ попадали бы въ самыя копони.

21го Числа поушру подѣхали къ нашему спану чешверо Аспраханскихъ Ташарь, возвращавшихся изъ Георгіевска на 13 порожнихъ арбахъ, опшвозившихъ рыбу. Не видавъ цѣлую недѣлю ни одной человѣческой души — исключая не очень понравившихся намъ Калмыковъ — мы обрадовались и Ташарамъ, кошорые жаловались, что у нихъ ночью увели двухъ лошадей; съ сими Ташарами были опсправлены въ Аспраханъ письма.

22 Числа мы доспигли до рѣки Кумы, быспрой и мушпой, выѣхавъ прямо на хупоръ помѣщика Скоржинскаго. Расположившись на

берегу рѣки, мы наслаждались зрѣніемъ совершенно новой для насъ природы: противоположный берегъ образовалъ собою хребетъ горы, а лѣсъ, распуцѣй по берегамъ Кумы, казался взору зеленою леншою, скрывая въ тѣни своей изгибистую воду. Пѣніе соловьевъ и шумъ рѣки сливаясь вмѣстѣ, оживили слухъ нашъ, бывший во всю дорогу въ усыпленіи. Вскорѣ оспановился подлѣ насъ обозъ, слѣдующій изъ Спавраполя въ Аспрахань съ казеннымъ имуществомъ. Офицеръ, провожавшій его, пошчасъ познакомился съ нами, и по приглашенію вмѣстѣ обѣдалъ. Въ 4 часа по полудни мы опсправились съ сего мѣста, слѣдуя все по берегу Кумы. Опъ хупора верспахъ въ 4 еспъ большое село, принадлежащее ему же, г-ну Скаржинскому, и названное фамилією помѣщика.

Опъ сего мѣста до самага Георгіевска по берегу Кумы расположены казенныя и помѣщичьи селенія; здѣсь дорога изобилуя людьми и всѣмъ необходимымъ для жизни, заспавляетъ забывашъ скучную спешную, обипашемую одними волками и сайгаками; уже пушешествующему здѣсь со-всѣмъ ненуженъ маршрутъ, копорой и прекращаю до пріѣзда на воды.

26 Числа поуспру прибыли мы къ онымъ благополучно; но вскорѣ послѣ насъ пріѣхавшій Членъ Аспраханской Таможни, г-нъ Повалошвѣйковскій, съ супругою, и молодой офицеръ, г-нъ Мамышевъ, ѣхавшіе по одной съ нами дорогѣ, прешерпѣли ужасное бѣдспвіе. Они рассказывали слѣдующее: „Мы ночевали у соляной рѣчки *Маньчъ*. Поуспрѣ замѣпили въ споронѣ 12 человекъ верховыхъ, по видимому Трухменцевъ или Нагайцевъ, копорые вскорѣ скрылись. Лишь полько спронулись мы съ сего мѣста въ пушъ,

какъ увидѣли скачущихъ къ намъ 9 верховыхъ, кои спавъ предъ нами саженьхъ въ 10, кричали поруски, чшобъ мы оспановились. Желая узнать намѣреніе ихъ, мы послали извощика нашего, Тапарина, спросить, что имъ надобно. Тапаринъ возвращаясь, объявилъ, что Трухменцы пребують двухъ сошь рублей, по полученіи коихъ нимало не будушь беспокоить насъ и пропуспяшь; въ противномъ случаѣ угрожаюшь грабежемъ, и что не оспавяшь ни одного въ живыхъ. Хопя въ обозѣ нашемъ шакже было 9 муштинъ; но съ премея шолько ружьями, заряженными дробью, сопровивляясь разбойникамъ, вооруженнымъ ружьями, пиками, саблями и пистолешами, и имѣвшими еще прехъ шоварищей — вѣрояшно оспавленныхъ для наблюденія по дорогѣ — былобъ бесполезно. Почему требуемая сумма пошчасъ къ нимъ опослана. Получивъ ее отъ нашего Тапарина, грабители долго разговаривали между собою, и при напоминаніи условія о пропускѣ насъ они съ кляшвою увѣряли, что оппускашь, если дадушъ имъ еще на каждаго человекка по рублю серебромъ и вина. Сіе шребованіе шакже было исполнено. Но разбойники, подумавъ нѣсколько, рѣшительнo уже шребовали, чшобы всѣ опошли отъ экипажей, угрожая, въ случаѣ сопровивленія, скорымъ начашіемъ своего разбойническаго дѣйствія. Взавъ свое оружіе, мы опдалились саженей на 30; въ это время послѣдовали по насъ два выспрѣла, но безъ вреда. Мы рѣшились, ежели разбойники не удовольспвуясь однимъ грабежемъ, будушь покушашься на жизнь нашу, рѣшились умерешъ, защищаясь до послѣдней крайности. Грабители бросились на всѣ экипажи, въ нѣсколько минушь

опустошили ихъ , навьючили лошадей имуще-
ствомъ нашимъ и ускакали , оставя только то ,
чего не могли взять , или не примѣшили ; а г-нъ
Мамышевъ оспался , въ чемъ былъ , и безъ ко-
пейки денегъ.“

Кто не пожалѣешь о бѣдствіи , постигшемъ
почтенныхъ Швыковскаго и Мамышева , ѣхав-
шихъ на воды въ полной надеждѣ поправитъ сла-
бое свое здоровье , и напрошивъ болѣе поперяв-
шихъ оное вмѣстѣ съ имуществомъ ! Особенно
не лзя равнодушно видѣть супругу первого :
она и теперь не можетъ еще придти въ себя
и безъ содроганія вспомнитъ объ ужасныхъ ми-
нутахъ , а на то время была въ совершенномъ
безпамятствѣ !

Многіе изъ Аспраханцевъ , пріѣхавшихъ на
воды по сей дорогѣ , опустошили нанятыхъ из-
вожиковъ , и хопятъ обратно ѣхать по почто-
вому шракту , кошорой далѣе , но безопасно.
А почтенный И. А. думаетъ ѣхать , съ Божіею
помощію , опять по старому шракту , въ на-
деждѣ , что Правительство по поданной оны
ограбленныхъ жалобѣ приняло уже мѣры къ безо-
пасности оны разбойниковъ .

О мѣстоположеніи и свойствѣ водъ уже мно-
го было писано , и перомъ , гораздо моего ис-
куснѣйшимъ ; но не могу умолчать о посѣщеніи
водъ Фельдмаршаломъ Графомъ Иваномъ Федоро-
вичемъ Паскевичемъ - Эриванскимъ . 7 Іюня по-
ушпру всѣ узнали о прибытіи въ сей день Его
Сіяшества , а потому жители и посѣщители
водъ обоего пола толпились на бульваръ противъ
дому , назначеннаго для Графа . Гренадеры съ зна-
менемъ и музыкою были въ готовности для
встрѣчи и караула . Въ 12 часовъ Фельдмар-

шаль прибыль въ коляскѣ, окруженной, какъ ро-
емъ пчель, опрядомъ лихихъ казаковъ, копорымъ
присвоенъ Черкескій костюмъ. У подъезда вспрѣ-
шили Графа Комендантъ и прочіе Генералы,
Шпабъ - и Оберъ - Офицеры, находящіеся здѣсь
по службѣ и на водахъ. По входѣ въ залу го-
спинницы, Начальникъ Обласпи, Генералъ опъ
кавалеріи Эмунуэль, представлялъ Фельдмарша-
лу воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. По
окончаніи всего относящагося до службы, Его
Сіашельство ѣздилъ осмапривать всѣ минераль-
ные испочники и ванны. Вечеромъ госпинница,
бульваръ и всѣ дорожки, къ ваннамъ и испочни-
камъ успроенныя по горамъ, въ минушу заго-
рѣлись опъ пысячей плошекъ; а прошивъ Ни-
колаевскихъ ваннъ, въ цвѣпникъ, прекрасными
огнями изображались въ шрехъ мѣспахъ вензе-
левыя имена Фельдмаршала. Прогулявшись по
бульвару въ сопровожденіи свшшы, онъ сълъ
опяшь въ коляску, и раскланявшись всѣмъ, оп-
правился въ С.-Пешербургъ.

Въ числѣ весьма многихъ знапныхъ особъ,
посѣпиль воды Преосвященный Аеанасій, Архі-
епископъ Новочеркаскій и Георгіевскій. Обозръ-
вая паспву свою, онъ завхаль сюда и пользует-
ся шакже водами. Поучительныя слова его,
можно сказать, врѣзываются въ душу и сердце,
и извлекають слезы умиленія. Они по испинѣ
цѣлительнѣе всѣхъ водъ для каждаго Христіян-
нина, пользующагося насшавленіями Пасшыря
въ шочности.

В. Нефедьевъ.

21 Іюня 1830 года.

Горяція воды.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ М. В. Н. у.

За чѣмъ грустишь, мечшатель страстной,
 Ночной, унылой соловей?
 Не говори въ любви напрасной
 Ты съ пестрой бабочкой своей.
 Причину тайнаго сраданья
 Давно, мой милый, я узналъ:
 Подруги хладныя лобзанья
 Ты съ пылкимъ сердцемъ испышалъ!
 Тебя помить ея измѣна
 И вѣроломная любовь:
 Но разорви оковы плѣна,
 И сладостно полюбишь вновь.
 Въ часы вечерняго досуга
 Завѣтной пѣсню своей
 Ты напоешь другаго друга,
 Мой ненаглядный соловей!

А. Никитинъ.

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

Къ А. . . . Ф. . . . Л. . . . ой.

На крыльяхъ ночи пишина
 На землю низпустилась,
 Печально блѣдная луна
 Сквозь облака свѣпилась.

*

Природа вся покойнымъ сномъ
 Объяшю казалась;
 Но вдругъ — вдали раздался громъ —
 И туча приближалась.

•

Мгновенно неба горизонтъ
 Тьма страшная объяла —
 И зыблющей пучины водъ
 Луна не посребряла.

*

Громъ съ перекашомъ грохоталъ
 И молнія сверкала,
 И буря въ моръ ярый валь
 Высоко воздымала.

*

И въ страшну ночь молодой пѣвецъ
 Блуждая одинокій,
 Опважно всходишь наконецъ
 На брегъ морской высокій.

*

Въ лицъ пѣвца, въ его глазахъ
 Опчаянье пылаешь;
 Ее онъ видишь въ небесахъ
 И взоры пощупляешь.

*

На лиръ шрепешной рукой
 Проклялъ свою судьбину —
 И вдругъ — съ опчаяньемъ, шоской —
 Низринулся въ пучину!

Федоръ Фоминскій.

13 Мая 1830.

Э П И Т А Ф И Я

Алексью Федоровичу Мерзлякову.

Въ разсадникъ наукъ, Музь Росскихъ въ колыбели,
 Къ безсмертной славъ ихъ, взлелѣянный Поэшь,
 Среди трудовъ, заслугъ навѣкъ оставилъ свѣшь —
 И дщери Памяши у насъ осирошѣли!

С М Ъ С Ъ.

*Второй концертъ госпожи Зонтагъ, 2120
Юля.*

Говорить пехническимъ языкомъ о пѣніи госпожи Зонтагъ было бы для посвященныхъ въ таинства сего искусства дѣломъ, совершенно излишнимъ: ибо имъ давно извѣстно все то, что музыкальный свѣтъ Германіи, Франціи и Англии единогласно произнесъ относительно сей Художницы; а для чинашелей вообще — прудомъ, совершенно напраснымъ: ибо они не приняли бы въ немъ никакого участія.

И такъ, вмѣсто холоднаго пехническаго языка, копорымъ говорено обо всѣхъ знаменитыхъ пѣвцахъ и пѣвицахъ, и копорый цѣпенѣеть передъ паланпомъ госпожи Зонтагъ, мы будемъ говорить о сей Пѣвицѣ языкомъ сердца, и прежде всего скажемъ, что ко всѣмъ преодолѣніямъ прудностей, удивлявшимъ насъ въ Ангеликѣ Капалани, Генріэтта Зонтагъ присоединяетъ всегда неизмѣнную, никогда непостижимую пріятность, сладость, лѣгкость, свободу голоса, истинно ангельскаго! Слушая сію Пѣвицу, хочешся плакать, хочешся излить въ слезахъ чувствованія, рождаемыя не содержаніемъ того, что она поетъ; но дѣйствіемъ самаго пѣнія.

Вообразите молодую женщину небольшого роста (*), изъ устъ копорой безъ малѣйшаго напряженія, при совершенномъ спокойствіи на пѣнишельномъ лицѣ, исходитъ голосъ, поражающій своею силою и потомъ ушпхающій подобно какой-то флейпѣ, какой-то гармоникѣ, какимъ-

(*) Желающіе имѣть порпшетъ ея, могутъ его получить отъ Пэдателя.

по небеснымъ , божественнымъ звукамъ , заспавляющимъ благоговѣшь предъ всемогуществомъ Творца , споль щедро надбляющаго различными дарами Своими — проявленіе Собственнаго образа на земль , чловѣка !

Самое полное контральто , самое высокое сопрано , самый чистый теноръ — всѣ сіи поны попеременно изумляють , восхищають , очаровываютъ васъ своею необыкновенною выразительностью , душою , нѣгою ! Это Армида пѣнія ! Это Сирена , для копорой желалъ бы каждый превратиться въ одно чувство — въ служу ! Это соловей , о копоромъ сказалъ поэтъ :

Souvent j'écoute encor , quand le chant a cesse !

Московская публика познавши на опытѣ шланшь госпожи Зонпагъ , снова наполнила Большой Петровской Театръ , на сценѣ копораго данъ и сей концертъ , привлекшій многихъ новыхъ слушателей . Онъ состоялъ въ нижеслѣдующемъ :

Часть первая. 1) Увершюра изъ Моцартовой оперы : *Донъ - Жуанъ*. 2) Госпожа Зонпагъ пѣла арію , соч. Беллини. 3) Увершюра , соч. Бешговена. 4) Госпожа Зонпагъ пѣла вариации на Швейцарскую пѣсню , сочиненныя для Пѣвицы Пиксиссомъ.

Часть вторая. 5) Увершюра изъ оперы : *Волшебная флейта* , соч. Моцарта. 6) Госпожа Зонпагъ пѣла большую арію , соч. Россини. 7) Увершюра изъ оперы : *Каменьщикъ*. 8) Госпожа Зонпагъ пѣла большую арію , соч. Пачини.

Вариации Пиксисса и арія Пачини напоминали о сполпахъ Геркулесовыхъ : казалось , далье не возможно иди голосу чловѣческому , шланшу и искусству мелодіи !

Простой розовой вѣнокъ украшалъ прелестную голову Каншаприсы. Ахъ! для чего не слѣшѣло множество подобныхъ вѣнковъ со всѣхъ сторонъ на сцену Феи!

П а р и ж с к і я м о д ы .

Тюлевые канезу, обширные кружевами, на платьѣ изъ полосатаго гроденапля (*à mille raies*), въ большой модѣ. Изъ такого же гроденапля шьются и рѣдѣнгошы, которые не сходясь въ полахъ и надѣваются на платья изъ вышитаго жакона! Другіе гроденапли съ широкими полосами, бѣлые и цвѣтные, очень хороши для гуляльных платьевъ. Полосы приводятся шакъ, чтобы онѣ на груди и на спинѣ образовали шпропильцы (*chevrons*).

— Весьма широкая газовая лента, надѣваемая какъ платочикъ на шею и составляющая посреди груди бантъ (*rosette*), называется Неаполитанскимъ ожерельемъ (*collier*).

— Многіе рукава носятъ имя рукавовъ *à la tameluck*.

— Мы видѣли въ спектаклѣ нѣсколько блондовыхъ чепчиковъ, съ легкимъ вѣнкомъ изъ ржаныхъ колосьевъ, поддерживающимъ переднюю оборку.

— Гроденаплевые ботинки съ чешвероугольными носками — всеобщая обувь; нѣкошорые заснуровываются спереди, другіе завязываются маленькими ленточными бантиками.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Шляпка изъ пальдери. Платье изъ вышитой Индійской кисеи. Шаль Индійская.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, предшавлены были въ Ценсурный Компшешъ три экземпляра. Москва, Августа 4го дня, 1830 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

*Происшествіе, случившееся въ 1814 году
при осадѣ Парижа.*

Мюрваль и Полина уже пять лѣтъ любили другъ друга; спрасъ ихъ, усиленная препяшшвіями, скрѣпленная примѣрнымъ пошоянствомъ, доспига до высочайшей спепени.

Полина была такъ хороша, что и самая зависть ничего не могла сказать прошивъ нея; чершы лица имѣла споль же выразишельныя, сколь и правильныя; едва минулъ ей двадцать первый годъ; Мюрвалю же было двадцать шесть. Воспоржеспивовавъ надъ всѣми препяшшвіями, которыя прошивились ихъ благополучію, они гоповились соединиться узами супружества; свадьба назначена была черезъ недѣлю. Дни, прошекавшіе въ споль сладостномъ для нихъ ожиданіи, были

однакожь помрачены безпокойствомъ: гибельная Дрезденская кампанія открывалась, а Мюрваль былъ воинъ! . . . Въ то время брачный жершвенникъ не рѣдко бывалъ омочаемъ слезами, и кляшва, залогъ священнаго союза, часто нѣсколькими часами предшествовала ужасу вѣчной разлуки.

Полина была сирота и единственно зависѣла отъ своего дяди и опекуна. — Въ назначенный день невѣста съ женихомъ отправились въ церковь. Приближась къ дверямъ, Полина содрогнулась, увидѣвъ, что онѣ были обиты чернымъ сукномъ! . . . Сердце, встревоженное безпокойствомъ о предбудущемъ, во всемъ усмаприваетъ дурныя предзнаменованія. . . . Полина, блѣдная, едва дышащая, вступаетъ въ церковь, всю обитую чернымъ; щещно ищетъ взорами свѣчей брачныхъ: одинъ гробъ, споящій на капафалкѣ, и факелы погребальныя предшавились ея взорамъ. Она узнаетъ, что оплѣвають молодого воина, умершаго отъ раны, полученной имъ на полѣ брани. Мюрваль съ шрепешомъ взглянулъ на нее и удвоивъ шаги, ввелъ ее во внупренность церкви; тамъ ожидалъ ихъ Священникъ для совершенія брачныхъ обрядовъ. Полина успокоилась, увидѣвъ подлѣ себя Мюрваля, гошоваго произнеси объшь, долженствующій соединить навсегда ихъ участь. . . . Но она не слыхала, какъ онъ произнесъ его: въ храмѣ на ту минушу раздались погребальныя пѣсни, печально повшоренныя мрачными сводами древней церкви! . . . Мюрваль поблѣднѣлъ; замѣшивъ, что Полина лишается чувствъ, онъ поспѣшилъ поддержать ее. — Наконецъ обрядъ свершился и новые супруги вышли скорѣе изъ церкви. Шумное веселье свадьбы не только не могло разстять горешнаго впечатлѣннiя, поразив-

шаго воображеніе Полины; но напрошивъ того сія радостныя клики пнягошили ея сердце; музыка грустью наполняла ея душу; въ сія страшныя времена шанцы казались Полинѣ вовсе неприличною забавою. Мюрваль, упоенный щасіемъ, не могъ раздѣлять ея смущенія; онъ укорялъ ее въ неумѣстной горести. — „Ахъ, Полина!“ говорилъ онъ: „какъ можешь ты проспирашь мысли за предѣлы эшаго прекраснаго дня! Сія минута должна ихъ всѣ сосредоточить въ одинъ предметъ. Чшо намъ до предбудущаго? Я щасливъ, и болѣе ни о чемъ не думаю.“

Такимъ образомъ одно и по же чувство произвело совершенно различныя впечатлѣнія въ душахъ, равно чувствительныхъ; но истинная любовь въ сердцѣ женщины не имѣетъ того упоенія чувствъ, которыя волнуютъ сердце мужчины. Чѣмъ сильнѣе любовь, тѣмъ сильнѣе и опасенія женщины. Самое щасіе спрашиваетъ ее. Малѣйшія обстоятельства заставляють шрепашать нѣжную женщину, очень часто безъ причины, и кажутся ей предвѣстниками какого-нибудь большаго горя. Мюрваль надѣялся пробыть еще недѣли при въ Парижѣ, какъ на другой же день свадьбы получаетъ приказъ немедленно отправиться въ армію. Изумленіе, происшедшее отъ столь прискорбной и нечаянной вѣсти, придало наружную швердосць несчастной Полинѣ: она не жаловалась, не плакала; но когда послѣдній прощальный поцѣлуй возвратилъ ей чувства, тогда горестъ разлуки представилась ей во всемъ ужасѣ, и страхъ предбудущаго смертельною шоскою наполнилъ ея душу. — Сшраданія Полины дѣйствительно могли бытъ пошнены предчувствіями! Никакое перо не можетъ описать того, чшо чувствовала она по отъздѣ

Мюрвалля. Все, что напоминало о войнѣ, приводило ее въ ужасъ. Воображеніе безпрестанно представляло ей страшныя картины кровопролитія. Предметы, окружающіе бѣдную Полину, еще болѣе усиливали горестное ея положеніе; барабанной бой заставлялъ пренепашь ее; публичные гулянья содѣлались ей ненавистными; шамъ встрѣчала она молодыхъ воиновъ, лишенныхъ руки или ноги на сраженіи. На каждомъ шагу встрѣчались ей конскрипты, идущіе къ мѣсту своего назначенія. Предметъ всѣхъ разговоровъ была война; всѣ предсказывали печальныя событія. Полина жаждала узнавать новости, и спрашивалась ихъ. Ей казалось жестоко, когда при ней говорили о сей несчастной кампаніи; но когда разговоръ перемѣнялся, она негодовала, что могли занимать, въ сіи тяжкія времена, поспоронимъ, не до войны касающіеся предметомъ. Соскучившись жить въ свѣтѣ, Полина удалилась въ свое помѣстье, за 25 миль отъ Парижа; но и шамъ не могла найти облегченія шокъ своей. Повсюду представлялись горестныя картины. Всѣ жители замка были въ унынїи: кто оплакивалъ мужа, кто сына, кто брата, кто жениховъ! . . . Крестьяне, опягощенные подавми, разлученные съ дѣтьми, подпорою своей старости, нуждающіеся во всемъ, даже необходимо, жалобно роптали на судьбу свою. — Спарики и женщины, принужденные занимать работами, которыя дополъ исправлялись одними молодыми людьми, изнемогали отъ трудовъ, слишкомъ тяжелыхъ для ихъ лѣтъ и пола, и не могли замѣнить юношества, оппоргнушаго отъ семействъ. — Пляски и веселья кончились; вълвисшее дерево, подъ пѣнію копораго въ

праздничные дни забавлялась молодежь, было оставлено; не слышались болѣе звуки деревенской музыки. . . . Доброй Священникъ, обремененный лѣшами и болѣзнію, видѣлъ приходившую въ вѣщхость церковь, и не имѣлъ способовъ поддержать ее. Вопшъ какою цѣною, съ давняго времени, пріобрѣталась слава! Чшо же намъ должна была споиць неудача? Увы! къ нещасію, мы это очень хорошо знаемъ! . . . Но миръ, священный миръ, ничѣмъ ненарушаемый, изгладилъ всѣ бѣдствія и исцѣлилъ всѣ раны. Первымъ попеченіемъ Полины было поправление храма; она обезпечила содержаніе служителей церкви, и участіемъ сердечнымъ услаждала горешъ матерей и сиротъ.

Вскорѣ печальныя извѣстія, повсюду разглашаемыя, довели Полину до опчаянія; къ тому же она не получала болѣе писемъ отъ Мюрваля! . . . Нещасная лишилась сна; ея здоровье разспроилось примѣшнымъ образомъ; она оставила деревню и возвратилась въ Парижъ. На другой день своего пріѣзда, лишь только проснулась, какъ получаетъ письмо изъ арміи; съ робостью срываетъ печать, видитъ почеркъ Мюрваля, но начертанный дрожащею рукою; почеркъ, котораго никто, кромѣ нея, не могъ бы разобрать. Чшо же сдѣлалось съ нею, когда прочла она сіи спроки:

„Милая Полина. . . . я долженъ объявить тебѣ шо, чшо ты узнала бы и изъ газетъ. . . . я раненъ, но говорять, чшо жизнь моя внѣ опасности. . . . О Полина! умоляю тебя, будь шверда. . . . у меня хопяшь опиняшь руку! . . . но я хочу прежде, чѣмъ лишусь оной, хочу, чшобы та же рука, которая подписала священную кляпву, насъ соединяющую, въ послѣдній

разъ еще написала бы къ тебѣ. Другъ мой! покорись Провидѣнію! . . . Прощай, мой ангелъ! Единственнае спраданіе, чувствуемое мною, есть мысль о горести, копорая поразитъ тебѣ; все мое утѣшеніе — вспоминаніе о своемъ благочестіи! . . . Будемъ тверды. . . . Безпрекословно покоряюсь судьбѣ моей. — Я исполнилъ долгъ свой; мы скоро увидимся; твои попеченія усладятъ болѣзнь мою, и ты всегда будешь также любить меня!“

Прочтя сіе роковое письмо, несчастная Полина лишилась чувствъ; когда ее привели въ память, то ея опчаяніе было неимоверно. . . . Она непремѣнно хотѣла ѣхать къ Мюрвалю; но жестокая горячка овладѣла ею. О какъ проклинала она самолюбіе и войну! „Кто,“ говорила она „кто, кромѣ варваровъ, закоснѣлыхъ въ невѣжество, ослѣпленныхъ безумнымъ изступленіемъ, можетъ находить славу въ губительномъ искуствѣ истребленія себѣ подобныхъ! . . . О Мюрваль, Мюрваль, драгоценная и несчастная жертва эшаго желѣзнаго вѣка! для чего не могла я за побою слѣдовать и раздѣлить твою плачевную участь! . . . Ахъ! какъ могу еще дышать, глядя на эшошь почеркъ, копорого болѣе не увижу; на сіи слова, копорыя едва можно разобрать и копорыхъ каждая черта раздираетъ мое сердце! Эша рука, собравшая послѣднія силы . . . эша драгоценная рука . . . шеперь. . . . Но, Боже! не допусти меня погибнуть отъ всѣхъ сихъ ужасовъ! . . . Такъ, милый Мюрваль! я хочу жить, чшобы всегда быть при тебѣ, утѣшать тебѣ, посвящать тебѣ всѣ минушы горестной моей жизни. . . .“ Посреди сихъ порывовъ опчаянія въ одинъ вечеръ получаешь она извѣстіе, что Мюрваль долженъ пріѣхать въ Парижъ ночью, или на другой

день упромъ. — Для Полины радость угасла на землѣ. Полина ждала Мюрваля; но одна мысль увидѣть его лишеннаго руки приводила ее въ ужасъ. Между тѣмъ она швердила: „по крайней мѣрѣ онъ не будетъ служишь болѣе, не возвратишься въ армію.“ Въ эшомъ заключалось единшвенное ушѣшеніе Полины. Хотя она все еще была, очень больна, но вспала, чшобы скрышь ошъ Мюрваля свои спраданія. Бѣдная Полина вышедъ въ первой разъ изъ своей комнашы послѣ горешнаго извѣсшя, ввергнувшаго ее въ опчаяніе, лишь шолько чшо успѣла пересшупишь въ гостиную, какъ силы ее оспавили и она упала въ кресла; здѣсь предспали ея взорамъ каршины, рисованныя Мюрвалемъ. Эшо прекрасное дарованіе было навѣкъ погребено въ могилу!.... Въ эшой же комнашѣ находились и поршрешы ихъ. Оба они были изображены во всемъ блескѣ юности и красосы. Нещасшная Полина взглянула на нихъ сквозъ ліющіяся слезы, и сказала со вздохомъ: „Ахъ! мы шогда еще наслаждались жизнию! . . .“

Такимъ образомъ каждой предметъ, каждое размышленіе расправляли раны ея сердца.

Мюрваль возвратился: онъ едва дышалъ; и первое свиданіе было шольже прогашельно, какъ и горешно. Полина не обманулась: она ясно видѣла, чшо не долго оспаеетса жишь Мюрвалю. Сія горькая увѣренность нанесла ей смершельный ударъ, который прервалъ всѣ узы, привязывающія ее къ жизни! Мюрваль чрезъ шри дня умеръ на рукахъ Полины. Въ упованіи скоро соединишься съ другомъ, она удивила всѣхъ своею швердостію. Сія нещасшная, лишенная всего, чшо ни привязывало ее къ жизни, перешала безпокоишься и шерзашься. Земля была чуж-

дымъ для нея обипалищемъ; равнодушная ко всему, что ни происходило вокругъ нея, она прежде смерти вкусила непрколебимую пищу у могилы. Общественныя происшествія и безпреспанныя пораженія, претерпѣваемыя Французами, какъ будто не касались до Полины; не имѣя болѣе причинъ страшиться о Мюрваль, она уже ничего болѣе не страшилась. Между тѣмъ непріатели приближались; ужасъ былъ всеобщій; наконецъ началась осада Парижа. Мысль о жестокостяхъ и грабежахъ, обыкновенныхъ послѣдствіяхъ приступа, вывела Полину изъ того опчаяннаго онѣмѣнія, въ которое смерть Мюрваля ее повергла. Въ бѣдственнѣйшій день 30го Марша 1814 года она оставила домъ свой и удалилась на кладбище къ гробницѣ защитника, котораго она лишилась, какъ будто надѣясь, что сей священный для нея прахъ могъ бытъ еще ея покровителемъ. Она протерлась у камня, покрывающаго прахъ ея возлюбленнаго, и слезы градомъ полились изъ глазъ ея. „Ты зовешь меня!“ сказала она, приподнявшись чрезъ силу и стоя на коленяхъ: „я слышу твой голосъ; душа моя уже оставила плачевное жилище; она соединилась съ твоєю у престола Всевышняго! . . . Тѣнь моя еще бродитъ на землѣ, облишой кровію; но голова сойди въ могилу, гдѣ скоро успокоится навѣки! . . .“

Нещастная, произнесши сіи слова, содрогнулась: пушечные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ и гробовые камни, дополь безмолвные, глухо опразили гулъ ихъ. „Ужасные вѣспники убійства и смерти!“ продолжала Полина: „я также окружена мертвецами; но по крайней мѣрѣ здѣсь болѣе не умирають! О Мюрваль! пишина послѣдняго швоего убѣжища не будетъ нарушена! . . .“ Лишь

шьлько она произнесла сія слова, какъ бомба съ шрескомъ ударила въ камень гробницы, разбила его въ мѣлкіе куски и опкрыла гробъ, гдѣ покоились оспашки Мюрваля. „Боже!“ вскричала Полина: „война опыскиваетъ свою жертву! . . . даже и въ могилѣ поражаетъ ее! . . . Но что я говорю! нѣтъ, она опверзлась, чшобъ и меня принятъ въ нѣдра свои! . . . О Мюрваль, милый супругъ! благодѣтельная рука Провидѣнія разрушила преграду, насъ раздѣляющую! . . .“ Послѣ сихъ словъ несчастная упала на гробъ и испустила духъ свой.

Графиня Жанлисъ.

(Перевела А З на.)

Затрудненіе въ выборѣ.

„Любезный Ибрагимъ!“ сказалъ Калифъ своему Визирю: „я весьма несчастливъ.“ — Ты несчастливъ, Государь! въ по время, какъ всечасно плаваешь въ безчисленныхъ удовольствіяхъ, и когда желанія твои не могутъ испощипть чаши, вѣчно преисполненной для тебя наслажденіями. Прости моей опкровенности, Августѣйшій Глава правотѣрныхъ; но ты меня удивляешь. — „Увы!“ сказалъ Калифъ вздыхая: „поиспинъ я достоинъ сожалѣнія! Ты знаешь Фашиму и Зюльме, сихъ двухъ чудесныхъ швореній природы, сихъ царицъ моего серала; обѣ во цвѣтѣ юности, одинаковой красоты, равныхъ прелестей; онѣ оспориваютъ другъ у друга мое сердце; но ни одна не можешь получить въ глазахъ моихъ рѣшительнаго перевѣса. Пламенный взглядъ Фашимы приводитъ въ восшоргъ; но томные взоры Зюльме преисполнены нѣжностіи. Первая шоржешествуешь легкостью въ панцахъ, но никшо не превзойдетъ послѣдней въ пѣніи;

каждый день мученія мои возобновляющся. Бесѣдуя съ Фашимою, спрадаю ошь разлуки съ Зюльме; заключаая Зюльме въ свои объятія, вѣдыхаю, что не Фашиму прижимаю къ сердцу: такимъ образомъ я нахожусь въ безпрестанномъ смущеніи; и въ сію даже минушу самъ не знаю, съ копорою бы изъ нихъ провести вечеръ. Увы, любезный Ибрагимъ! не достоинъ ли я сожалѣнія? Должно признахься, что запрудненіе въ выборъ весьма мучительно.“ Спало бышь я щаспливѣ себя, Государь! — сказалъ Визирь — ибо не знаю эшой муки: Зораида не имѣешь равной себѣ въ моемъ гаремѣ, и сомнѣваюсь даже, чпобѣ нашлась хошя одна подобная ей во всѣхъ Багдадскихъ черпогахъ; сайга не сравнихся съ нею въ легкости; дыханіе Зораиды благовоннѣ Леванискаго дерева; цвѣпъ лица ея помрачаешъ розу, и самыя Гуріи Магомеша должны уступитъ ей въ красопѣ. —

Калифъ промолчалъ; но вечеромъ прислалъ къ нему служишеля своего съ запискою слѣдующаго содержанія: „Визирь Ибрагимъ! выдай пошчасъ неподобную Зораиду моему посланному, попомъ прими снурокъ, копорый онъ тебѣ вручитъ, и удавись; впрочемъ можешь вельшь ему ошсѣчь себѣ голову: по и другое представляю на швой произволь. Я хошѣлъ познакомитъ тебя съ запрудненіемъ въ выборъ.“

Запрудненіе въ выборъ встрѣчаешся почти безпрестанно въ нашихъ просвѣщенныхъ спрахахъ, но съ бѣльшею ушонченноспію и разнообразіемъ. Хошишель видѣшь разишельные шому примѣры? Посшавъше обжору между двумя вкусными блюдами, спихопшворца между смысломъ и риешюю, недосшашочнаго юношу между богашюю невѣспюю и любешною для него безприданницею,

осла между двумя равными связками сна, а глупца между стихами г-на А. и прозою г-на Б.

Не пожелаеш ли видѣшь примѣры менѣе рѣзкіе? Пославъше честнаго человѣка между его выгодною и долгомъ, храбраго солдата между бѣгствомъ и смертію, романшика между солнцемъ и луною, панцовщицу между добрымъ именемъ и Турецкою шалью: они не долго стануть колебаться.

Съ Франц. М. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Послѣдній гасъ надъ моремъ.

Съ думою мрачною, поникши главою,
 На обвешшаломъ челнѣ я сидѣлъ;
 Роши одѣлися блѣдною мглою,
 Въ заревѣ яркомъ край неба горѣлъ.
 Берегъ въ безмолвіи — и упомленный
 Къ сладостнымъ персямъ склоняется сна;
 Но рокошая, челомъ — убѣленны,
 Волны вздымались горами со dna.
 Страшны вы, мыслилъ я, бурныя волны,
 Страшны шекущимъ по морю пловцамъ;
 Но лишь примчашся въ объятія кровныхъ,
 Ужась и горе — все Лешы спруямъ.
 Ярому морю подобно клубится
 Въ основѣ блѣдномъ кипучая кровь. . .
 Мысль цѣпенѣеть. . . и взоръ мой ужь шмигся;
 Сердце шерзаетъ жестоко любовь. . . .
 Люшныя страсти, терзайте! . . . но *тщетно*. . .
 Въ свѣтлой лазури зардѣется день.
 Хладенъ я буду и чувства *лишенной*,
 Духъ преселится мой въ мирную снѣ.

В. З — въ.

С М Ъ С Ъ.

1.

Концертъ госпожи Зонпагъ въ пользу Московской Нѣмецкой труппы, на сценѣ Большаго Петровскаго Театра, 24го Юля.

Oui, Sonntag, la voix du génie
 Anime de tes sons la divine harmonie ;
 Au printems de tes jours, son regard protecteur
 Te marqua dans la foule au sceau de sa faveur.

Gaszynski.

Никогда таланты человѣческіе не представляются столь священными, не являютъ своего небснаго происхожденія столь убѣдительно, какъ въ то время, когда они заступаютъ мѣсто добродѣтели; когда облегчаютъ тяжкую участь ближняго, опираютъ горькія слезы спрадальца, утѣшаютъ цѣлое семейство, цѣлое общество!

Таковъ былъ предметъ сего концерта незабвеннаго. Такимъ отличительнымъ характеромъ блистала талантъ госпожи Зонпагъ. Любовь къ благопворенію, казалось, одушевляла еще болѣе гений пѣвицы, которую Провидѣніе ниспослало гениемъ - спасителемъ для ея одноземцевъ, удалившихся отъ отеческаго крова въ страну чуждую.

Но жители сей страны гостепріимной не оспались равнодушными при великодушномъ намѣреніи, повсюду ознаменовавшемъ пребываніе Генріэтты Зонпагъ.

Не только обыкновенныя мѣста, всѣ безъ исключенія, были заняты; но и мѣсто оркестра: тамъ въ три ряда стояли кресла, на которыхъ сидѣли многія дамы высшаго общества.

Оглушительный громъ рукоплесканій встрѣчалъ и провожалъ поржесивующую Канцапри-су, которая послѣ увертюры изъ Оберовой оперы: *Нѣмая въ Партичи*, пѣла каватину изъ Россиніевой оперы: *Сорока - воровка*. Пошомъ, за увертюрою изъ *Калифа Багдадскаго*, соч. Боальдье, большую арію изъ Веберовой оперы: *Волшебный стрѣлокъ*. Наконецъ варіаціи на Рускую пѣсню: *Я гоняла стадо въ лѣсъ*, соч. г-на Кашина, оранжированныя для Пѣвицы г-мъ Гарпкнохомъ.

Подивитесь: не слыхавши до сихъ поръ звуковъ Рускаго языка, всемогущая Пѣвица произносила, своими прелестными, очаровательными устами, Рускія слова шакъ чистю, шакъ мило, что когда переспала пѣшь: то во всѣхъ концахъ Театра поднялся спрашный шумъ папріюшическаго восторга, заставившій Фею мелодіи воропиться на сцену и снова благодарить публику, собравшуюся внимать ея голосу, который, по выраженію Варшавскаго Поэта, написавшаго прекрасныя стихи въ честь Генріэштпы Зонпагъ, переведенные на Французскій языкъ; голосу, который

Coule en ruisseau tranquille ;
 Puis s'élève, grandit, gronde comme un torrent
 Qui roule des flots écumants ;
 Mais par degrés ce son s'abaisse en fléchissant,
 Et l'oreille croit entendre
 Du rossignol le chant si tendre,
 Que l'écho repète au printems.

(*Gaszynski.*)

Это былъ истинный пріумъ великаго таланта и прогательной добродѣтели!

Въ первой часши концерта г-нъ Крейнъ игралъ на фортепьяно Гуммелево рондо (*rondo bril-*

lant). Она заключилась хоромъ Нѣмецкихъ актеровъ и актрисъ. Во второй, г-дами: Марку на віолончель, а Шульцомъ на арфѣ, играны варіаціи.

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЬ, удостоилъ сей концертъ Своего посѣщенія, сопровождаемый Г-мъ Московскимъ Военнымъ Генералъ - Губернаторомъ, Княземъ Д. В. Голицынымъ, и Генераломъ опъ инфантеріи Графомъ Ланжерономъ.

2.

Французскій театръ.

Le Mariage impossible (*Невозможная женитьба*), опера-водевиль изъ сочиненій Мельвиля (въ одномъ дѣйствіи) принадлежишь къ числу шѣхъ важныхъ бездѣлокъ, о копорыхъ въ Парижѣ и даже въ цѣлой Франціи шолкуютъ дня по три и ночи по три. Впрочемъ, какъ и не шолковашь, на примѣръ, о брачномъ союзѣ женщины — съ женщиною? Но шакія чудеса не могутъ сбываться нигдѣ, кромѣ Франціи, кромѣ Парижа. Сію - шо самую оперу - водевиль наши Французскіе актеры предшавляли 19 Іюля и предшавляли всѣ весьма хорошо, и въ особенноти г-жа Данжевиль, испинный Прошей драматическаго искусства и шаланша! Всѣ ея измѣненія, пребывемя піесою, на примѣръ съ самага начала: *нежеланіе* бышь за мужемъ, пошомъ желаніе имѣшь *пригожинькаго* мужа (роль, кошорую играла г-жа Кордье - Виржини), бышность ея за симъ прекраснымъ мужемъ женою и наконецъ слѣдствіа, происшедшіа за ужасною разспройкою свадьбы по дознаніи о мужѣ - женщинѣ: все ешо

и вмѣстѣ, и порознь не сыграно, но оприсовано г-жею Данжевилъ превосходно. О костюмѣ сей актрисы и говорить нечего: это была настоящая Французская креспьянка! — Карпинка искуснаго пейзажиста!

Предъ оперою - водевилемъ игранъ маленькій Скрибовъ водевилъ: *Le Confident* (*Повѣренный*). Авторъ представляетъ повѣреннаго всѣхъ пайнъ женскаго сердца, и ктожь эпомъ щаспливый *повѣренный*? — Зеркало! . . . Здѣсь г-жа Данжевилъ занимала роль г-жи Марсилли, уводящей, уже пожилой, гошоващейся въ бабушки-красавицы, но которая все еще живо помнила свое осмнадцатилѣтне и все бы еще гошова бышь и кокешкою, и любовницею, и невестою; но проклятое зеркало — спрашный повѣренный красавиць (въ нѣкошорое время) — говорилъ ей испины самыя горькія! . . . Здѣсь опять игра нашей актрисы несравненна, а особенно въ пагубной бесѣдѣ съ зеркаломъ. — Здѣсь бы должно было срисовать ее самое, какъ оригиналь изящный. — Г-жа Вальмонъ, въ роли субрешки, не субрешка (*): лучше бы видѣшь *Катериною* г-жу Альфредъ, рожденную для субрешокъ, и тогда бы *Le Confident* явился самымъ богатымъ школьнымъ образцемъ для молодыхъ аршиспокъ.

Паво - Де - Ла - Фосъ.

1830.

(*) Администрація Французской труппы, кажется, мало заботилась о распредѣленіи ролей соотвѣстственно дарованіямъ и наружности дѣйствующихъ лицъ; отъ этого и лишилась многихъ хорошихъ аршисповъ. *Изд.*

Парижскія моды.

На этой недѣли показалось множество шарповъ изъ Индiйской кисеи, вышитой въ шамбуръ цвѣтнымъ шелкомъ. Нѣкоторыя платья изъ бѣлаго органди вышиваются такимъ же образомъ надъ рубцомъ (ourlet). Гирлянда листьевъ, вышитая зеленою и темно-коричневою шерстью, на платьѣ изъ шерстянаго бѣдно-сѣраго баписса, весьма красива.

— Прекраснѣйшiе пеньюары (peignoirs) изъ бѣлаго жакона имѣють надъ рубцомъ (ourlet) небольшiя прошивки (entre-deux), вышитыя перышками (au plumetis), и оборку изъ баписса въ складкахъ. Двойной четвероугольный воротникъ, съ шаковою же оборкою, упадаетъ на плеча, а низъ запястья (poignet) обшивается манжешою, которая также упадаетъ на руку.

— Кажется, что цѣпочки и *шевальеры* (chevalières) умалились въ толщинѣ своей. Дамы, одѣвающiяся съ отличнымъ вкусомъ, не носятъ иныхъ цѣпочекъ, кромѣ Греческихъ, или изъ продолговатыхъ колець. Сiи цѣпочки чрезвычайно гибки, но узки. Эмаль все еще предпочитается для вещей этого рода. Форма ихъ становится болѣе и болѣе сложною и разнообразною.

Изыясненiе картинки при семьѣ Ло.

Шляпка гроденаплевая. Платье гроденаплевое же, выложенное ролуичиками (en passamenterie).

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечаташии, предсшавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Августа 16 го дня, 1830 г.

Ценсоръ Сергiй Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

Повѣсть армейскаго офицера.

Я родился въ 1791 году. Отецъ мой, имѣя шестерыхъ дѣшей, при весьма умѣренномъ состояніи не могъ намъ дать пакъ называемаго блестящаго воспитанія во Французскихъ, Нѣмецкихъ, или другихъ иноземныхъ пансіонахъ. Друзья совѣщовали ему котораго нибудь изъ сыновей отдать въ Кадетской корпусъ; а какъ я былъ самый старшій, то жребій палъ на меня. Отецъ мой не долго медлилъ; просьба была послана, принята, и наконецъ меня поздравили кадетомъ. — При распаваніи забывенная мать моя благословила меня образомъ Св. Николая Чудотворца. „Николаша!“ сказала она мнѣ: „ты вступаешь на поприще службы; узнаешь радость, испытаешь горе и нужду. При несчастіяхъ и печаляхъ надѣйся на Бога, молись этому образу — и Онъ усладишь горькія

минулы жизни швоей. Заклинаю хранишь его: въ немъ заключаешся лучшее благо въ мѣрѣ. Это даръ моей мапери и послѣдній даръ со смершнаго одра ея. Теперь съ Богомъ! прощай; будь здоровъ, вѣрнѣ Царю и службѣ, покорнѣ Начальникамъ, и не забывай моихъ послѣднихъ наставленій.“ Рыданія заглушили слова мапушки, и я ощутилъ неизвѣстное дополь чувство душевнаго умиленія. Рыдая самъ, я упалъ на грудь ея; слезы наши смѣшались. Запвердѣвалъ въ бояхъ грудь ошца моего не устояла пропивъ словъ, излившихся изъ глубины сердца доброй мапери; съ глазами, полными слезъ, промолвилъ онъ мнѣ: „Прими и мое благословеніе; служи вѣрою и правдою Богу и Государю; возми эшопъ крестъ и надѣнь на себя; я носилъ его 40 лѣтъ; онъ оборонялъ меня опъ всѣхъ бѣдъ швей; пущъ спасаешъ и шебя. Если Богъ великъ шебъ умерешъ на полѣ брани: по поцѣлуй крестъ въ послѣдній разъ и вспомни обо мнѣ и доброй своей мапери. Во всякое время, на всякомъ мѣстѣ помни шаринную пословицу, ушвержденную вѣками: *За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ.*“ Послѣ многихъ другихъ наставленій, истинно опеческихъ, истинно *Рускихъ*, онъ далъ мнѣ на дорогу 25 рублей, поцѣловалъ и посадилъ въ кибитку. Надобно увѣдомить читателей моихъ, что Кадетской корпусъ опъ мѣста моего опцовскаго жишельства находился въ 200 верстахъ. Доброй Кашинъ, шарый, но храбрый опставной солдатъ, жившій у насъ въ домѣ, выпросился у ошца моего мнѣ сопуществовать. Слово служба производило надъ моимъ воиномъ магическое дѣйствіе: оно напоминало ему бапюшку - Суворова и Альпійскій переходъ. Сердце Рускаго солдата

не спарѣлся; оно всегда молодо, всегда храбро. — Родительское благословеніе послѣдовало за моею кибичкою; слезы лились изъ глазъ моихъ, и когда отецъ и мать сказали мнѣ послѣднее *прости*, я лишился совершенно памяти.

Ямщикъ ударилъ по лошадамъ и я опомнился въ самую ту мину, когда Кашинъ соскочилъ съ облучка и положилъ земной поклонъ; я приподнялся; глава нашей церкви уже была готова скрыться опъ взоромъ моихъ надолго и, можешь быть, навсегда. Чрезъ 5 дней мы прибыли въ корпусъ; меня представили главному Начальнику, который сдѣлавъ мнѣ нѣсколько благосклонныхъ вопросовъ, велѣлъ опвеспи къ будущимъ товарищамъ моимъ. Время быспро лешъло. Я щцашельно занимался необходимыми для новой жизни моей науками, обогащался наставленіями опышнаго Кашина, который безпрестанно швердилъ мнѣ, что не лъзя быть добрымъ служивымъ безъ доброй души, безъ хорошаго поведенія и безъ почпительности къ Начальникамъ. — Часто вспоминалъ я ласки родителей своихъ, часто плакалъ о разлукѣ съ ними и упѣшался единшвенно получаемыми опъ нихъ письмами и рассказами добраго Кашина о взятіи Очакова, Измаила и о походахъ *батюшки - Суворова*. Мнѣ минуло 18 лѣтъ, и къ величайшей радости моей, я получилъ офицерской чинъ; но, увы! и это первая, вполне чувспвованная мною радость, была оправлена жестокою вѣспью о внезапной кончинѣ родителей моихъ, которые одинъ за другимъ вскорѣ послѣдовали въ мѣсто вѣчнаго успокоенія. Братъевъ и сесперь призрѣли родственники и друзья опца моего. Изъ корпуса выпустили меня въ С. . . .ской гренадерской полкъ. Вѣрно всякой чипашель знаешь,

какъ прудно вдругъ осмошрѣться въ свѣтъ тому, кто нѣсколько лѣтъ судилъ о немъ по однимъ слухамъ. И такъ всякой легко представилъ себѣ мое положеніе. Почтивъ горестью память родителей, одинокій, круглая сирота въ обширной пустынѣ свѣта, я въ сопровожденіи Кашина отправился въ полкъ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ сихъ печальныхъ мысляхъ были для меня образъ и крестъ. Но Богу угодно было испытать меня, кромѣ болѣзни душевной, болѣзнию плесною: на дорогѣ я занемогъ и по необходимости долженъ былъ остановиться въ одной бѣдной деревнѣ. Состояніе мое было самое опчаянное. Я жилъ въ дымной избѣ; жестокая боль въ горлѣ мучила меня и препятствовала употреблять пищу; но всего несноснѣе было то, что я не могъ говорить. Мысли о положеніи моемъ еще болѣе разстроивали здоровье. Въ одинъ день (это было 6го Декабря) входитъ ко мнѣ вѣрный Кашинъ и поздравляетъ меня со днемъ моего Ангела, напоминаетъ мнѣ, чтобъ я не позабылъ исполнить приказаніе моей матери послужить молебень великому Угоднику Божію. Сладкія и вмѣстѣ горькія воспоминанія произвели новое во мнѣ потрясеніе и грусть моя еще болѣе увеличилась: я вспомнилъ, какъ весело проводилъ именины свои подъ опеческимъ кровомъ въ кругу милыхъ родственниковъ и людей, намъ любезныхъ! Попомъ мнѣ живо представилась минута моего отъѣзда въ корпусъ: мамушка заклинала меня не опчаяваться въ напастяхъ. Я тотчасъ же послалъ за священникомъ и просилъ его послужить молебень Николаю Чудотворцу; но никакъ не могъ вспасть съ постели и въ продолженіе молебна мысленно возносилъ къ Богу молитвы свои. По окончаніи

службы Священникъ поднесъ къ постели моей Живошворящій крестъ, и осѣнивъ меня, приложилъ къ устамъ моимъ; съ большимъ напряженіемъ силъ я привошалъ немного, и едва уста мои коонулись креста, какъ вдругъ почувствовалъ необыкновенную боль въ горлѣ и упалъ безъ чувствъ на кровать. Мало помалу пришедши въ себя, открылъ глаза и увидѣлъ Кашина, въ слезахъ возлѣ меня споявшаго; Священникъ сидѣлъ на моей кровати и помогалъ мнѣ со всею заботливостію отца. Я почувствовалъ облегченіе и мнѣ пришло на мысль попробовать, не могу ли говорить — и къ величайшему удовольствію моему я могъ выговорить нѣсколько словъ и попросить пищи.

Въ послѣдствіи времени я узналъ отъ докторовъ, что у меня былъ въ горлѣ нарывъ и что при напряженіи силъ онъ прорвался. Единому Божескому провидѣнію обязанъ я вшорично жизни и скорымъ выздоровленіемъ. По прошествіи двухъ недѣль моего пребыванія въ бѣдной хижинѣ силы мои возвратились, и я поблагодаривши добраго Священника за попеченія обо мнѣ, отправился въ дорогу. Тряская кибичка усылила меня, и когда я пробудился, по ямщикъ объявилъ, что мы пріѣхали въ городъ А. . . ., гдѣ находилась дивизіонная квартира.

Кибичка остановилась подлѣ рестораціи и я вошелъ въ нее; пріодѣвшись на скорую руку, пошелъ къ дивизіонному командиру Н. Сей почтенный Генераль принялъ меня очень ласково, далъ мнѣ истинное отеческое наставленіе и велѣлъ ѣхать въ полковую Шшабквартиру. На другой день, чѣмъ свѣшъ, я взялъ свѣжихъ лошадей въ городъ и чрезъ нѣсколько времени прибылъ въ полкъ. Мой шихой нравъ и усердіе

къ службѣ скоро снискали мнѣ дружбу поварищей и любовь Начальниковъ. До сихъ поръ благословенія родителей невидимымъ образомъ спасали меня отъ бѣдспвій, или предостерегали отъ оныхъ. Слѣдующій случай есть очевидное дѣйствіе силы благословенія. 3го Сентября, на другой годъ; прилетаетъ Фельдъ-егерь съ приказомъ, чшобъ нашъ полкъ немедленно отпра- влялся на границу Турціи. Сборы не велики; чрезъ два дня мы выступили.

Послѣ многихъ прудовъ и препятствій, мы пришли въ мѣсто нашего назначенія. Въ продолженіе многихъ недѣль Турки безпрестанно дѣлали на насъ нападеніе; наконецъ 6го Декабря назначено генеральное сраженіе. Число непріятелей много превосходило наше. Съ восходомъ солнца началась переспрѣлка; около полудня пѣхоша наша сдѣлала сильной напоръ на лѣвое крыло непріятеля; пули и картечи градомъ посыпались на насъ. Рускіе чудо-богатыри храбро защищались; вдругъ пуля ударила мнѣ въ грудь и повергла меня на землю. Пришедъ нѣсколько въ себя, вижу въ небольшомъ числѣ офицеровъ и солдатъ нашего полку, вижу Кашина, который старался привести меня въ чувство; въ груди моей была нестерпимая боль и я почилалъ рану неизлѣчимою. Полковой Лякаръ былъ уже подлѣ меня и мнѣ велѣли раздѣться для перевязки раны. Снимаютъ мундиръ, и какоежь было всѣхъ удивленіе: раны не нашли. Я никакъ не могъ придумать, отъ чего происходила такая боль у меня въ груди; спаканъ пуншу подкрѣпилъ меня; кое какъ я всшалъ съ мѣспа и хошѣлъ пройшисъ, какъ вдругъ упало что-то съ груди моей; смотрю и кто можетъ вообразить чувство моей сердеч-

ной благодарности ко Всевышнему! — это был образ — благословение моей матери! Поднявши его, я замѣнилъ, что золотая риза вся была согнута, пуля до половины вошла въ дерево. „Боже мой!“ думалъ я; „чѣмъ я могъ заслужить такую милость Твою? Одно только благочестіе родителей моихъ получаетъ въ лицѣ моемъ сію награду!“

Послѣ сего похода домашнія обстоятельства принудили меня выдти въ опашку. Братья и сестры мои подросли; я опредѣлилъ братьевъ по полкамъ, а сестеръ приарѣди Вѣнценосныхъ Покровицельницы сиротъ. Онѣ воспитались въ Институтъ; я устроилъ свое маленькое имѣніе, женился щастливо и швержу дѣтямъ своимъ: „Благословение родителей спасаетъ насъ отъ всѣхъ бѣдствій!“ Твержу имъ Рускую половицу: за Богомъ молишва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

И. К. . . .

Конскрипція двѣиць.

Наполеонъ часто занимался женишьбою офицеровъ, имъ любимыхъ, и находилъ для нихъ невѣстъ богатыхъ и прекрасныхъ. Въ этомъ онъ слѣдовалъ примѣру Фридриха II, который въ 1762 году попребовалъ отъ Польши множество двѣиць съ хорошимъ приданымъ, чтобы выдать ихъ за воиновъ своихъ. Не знаемъ, во многихъ ли департаментяхъ Франціи существовало сіе женское рекрутство; знаемъ однакожь, что оно было въ департаментѣ Фризь - Ориеншалскомъ. Г-нъ Визда въ исторіи своей о сей провинціи, 1817 года, на 887 страницѣ, пишетъ: „25 Мая

„1812 года, Префектъ Графъ Арберъ (Arberg) по-
 „велѣлъ, съ величайшею пайною, Подпрефек-
 „шамъ, чшобы они прислали ему списокъ дѣви-
 „цамъ, самымъ почешнымъ и самымъ богатымъ,
 „чешырнадцати лѣтъ и выше, съ означеніемъ
 „рожденія, приданаго, наслѣдства, воспитанія,
 „мѣста, въ обществѣ занимаемаго, красоты и
 „даже безобразія.“ Министръ внушренныхъ дѣлъ
 подтвердилъ сіе повелѣніе также секретнымъ
 письмомъ опъ 29 Іюля. Низшіе чиновники де-
 партамента не спѣшили удовлетворить сямъ
 требованіямъ, копорыя нѣсколько разъ были по-
 вшоряемы, и копорымъ происшествія въ Россіи
 и 1813 года положили конецъ. Такъ прекраши-
 лась конскрипція дѣвиць. (*Изъ Р. С. d. D.*)

Новое стихотвореніе Дельфины Ге.

Славная Французская стихотворица, Дельфи-
 на Ге, въ прекрасной одѣ воспѣла современное про-
 исшествіе — взятіе Алжира. Между шѣмъ сіе вдох-
 новенное пѣснопѣніе, въ копоромъ сочинитель-
 ница привела нѣкопорыя воспоминанія о Графѣ
 Бурмонѣ, поперявшемъ одного изъ сыновей въ сра-
 женіи подъ Алжиромъ, къ сожалѣнію, сполло ей
 1,500 фр. пенсіи, копорую она до шого времени
 получала. Слѣдующіе стихи покажутъ, въ какомъ
 духѣ написано сіе стихотвореніе :

O mystères du sort ! o volonté suprême !
 Un Français dans nos murs amena l'étranger ;
 On l'appela transfuge . . . et cet homme est le même
 Que Dieu choisit pour nous venger !
 A l'amour de nos rois sa valeur asservie
 Voyoit dans leur retour un gage de bonheur ,
 Et pour eux il fit plus , que de donner sa vie :
 Guerrier , il donna son honneur.

Faisant d'un nom maudit un souvenir qu'on aime,
 La victoire lui jette un éclatant pardon,
 Et du pur sang d'un fils le glorieux baptême
 Lave la tache de son nom.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Р о м а н с ь.

Я не любилъ, волшебница младая!
 Я не мечталъ въ тиши глухихъ ночей;
 Но устъ твоихъ улыбка роковая
 Зажгла любовь навѣкъ въ груди моей.

Я прочиталъ любви надежду, радость
 Въ твоихъ очахъ небесно-голубыхъ;
 Узналъ съ тобой чарующую сладость
 Желаній, думъ, восторговъ не земныхъ.

Твой милый станъ и локоновъ небрежность,
 Твоихъ рѣчей пріятный сердцу звукъ,
 Ланишь, чела плѣнительная нѣжность:
 Вотъ рай души, предметы сладкихъ мукъ!

Но что они предъ нравомъ, добротою,
 Передъ твоей небесною душой?
 Какъ слабый лучъ предъ яркою зарёю,
 Какъ юныхъ дѣвъ краса предъ тобой!

Люблю себя! твой образъ несравненный
 Давно въ мечтахъ я слабо рисовалъ;
 Ты геній мой, любовью вдохновенный;
 Ты красотою небесный идеаль!

А. Никитинъ.

Къ Пушкину герою.

Поэзія и храбрость были
 Всегда сестрами, и всегда
 Другъ дружкѣ ревностно служили;
 Не раздружились никогда,
 И лишь для лавра вѣчно жили:
 Такъ мудрено ли, что герой
 Любимцу Феба братъ родной.

С М Ъ С Ъ.

1.

*Посльдній концертъ госпожи Зонтагъ, на
сценѣ Большаго Петровскаго Театра,
26го Юля.*

Могла ли разборчивая публика, восхищенная, упоенная магическимъ паланшомъ очаровашельной Пѣвицы, расстаться съ нею, не изъявивъ пламеннаго желанія внимать еще однажды сему фениксу мелодіи! И Московская публика изъявила сіе желаніе, на которое славная, любезная, благодарная гостыя наша соотвѣтствовала достойнѣйшимъ образомъ: казалось, она превзошла самое себя во всемъ, что ни пѣла! Эшаго не довольно; публика пожелала, чтобы Каншаприса замѣнила объявленную аффишей сего концерта Россиніеву арію: *Vianca et Faliero*, и Рускую пѣсню: *Я гоняла стадо въ лѣсѣ*, Швейцарскими вариациями, уже пѣлыми госпожею Зонтагъ въ первомъ концертѣ, и Рускою пѣсней: *Соловей мой, соловей*, соч. Алябьева, и Каншаприса повиновалась.

Прелестный мотивъ сихъ вариаций; невообразимыя ноты, которыя брала въ нихъ Пѣвица, и то, что въ живописныхъ картинахъ называется *fini*, а въ ораторскихъ рѣчахъ *grèsis*, и чему не умѣемъ дать наименованія въ пѣніи — все это снова привело публику въ шумный, безпредѣльный восторгъ Но что скажемъ о дѣйствіи на сію чувствительную публику, какъ опишемъ его, когда изъ волшебныхъ устъ Соловья *Европы* она услышала въ родныхъ звукахъ прекраснѣйшую изъ національныхъ пѣсень сво-

ихъ: *Соловей мой, соловей!* . . . Ахъ! это были споны нѣжной, спраспной горлицы, наполняющей безмолвную дубраву своими влюбленными жалобами, заспавляющими вниманіе изумленнаго Орѣя лѣсовъ со всѣми пернатými хорами! . . . Но лишь только небесная горлица умолкла; вдругъ подобно грому раздавшееся во всемъ театръ *фора! фора!* вызвало ее снова на сцену и — *Соловей мой, соловей*, задышалъ оляпъ жизнью на устахъ, все оживотворяющихъ! . . *Браво! браво!* сопровождаемое спукомъ и рукоплесканіемъ, не могло, казалось, застухнуть.

Сей прощальный концертъ оспанешся надолго, на-долго въ памяти нашей и безъ сомнѣнія въ воспоминаніяхъ Генріэтты Зонпагъ, видѣвшей, что и на *хладномъ Сѣверѣ* умѣютъ цѣнить и чувствоватъ превосходные таланты: когда она, вышедши изъ Театра, садилась въ карешу; то вдругъ многіе голоса вскрикнули *ура!* попомъ на Французскомъ языкѣ: „Прощайте, несравненная Зонпагъ! благодаримъ, благодаримъ васъ!“

Она пѣла въ семъ концертѣ еще большую арію изъ Россиніевой оперы: *Семирамида*, и арію: *No risoluto*, сочиненную для Пѣвицы г-мъ Меркаданше. Увершюры были: въ первой части одна изъ Россиніевой оперы: *Сорока - еорровка*, другая изъ оперы: *Жанъ Парижскій*, соч. Боэльдье; во второй, одна изъ Споншиніевой оперы: *Фердинандъ Кортезъ*, а другая изъ Моцартовой оперы: *Титово милосердіе*.

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ, удостоилъ и сей концертъ Своего посѣщенія и нѣсколько разъ изволилъ рукоплескатъ Пѣвицѣ, ща-

спливой присущствіемъ Царспвеннаго Слущащеля.

Она уѣхала опть наосъ въ С.-Пешербургъ 29го Юля, сопровождая Баронессою Леммерсъ и г-мъ Шмицомъ - Депре, Секретаремъ своимъ, съ кошорыми пріѣхала и въ Москву.

2.

Спектакль въ Лытнемъ Театрѣ, 27го Юля,

Дана мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ, съ музыкою, изъ сочиненій *Вернера*, подъ названіемъ: *Невѣста разбойника*; вольный переводъ съ Нѣмецкаго *А. И. Шиллера*.

Не взирая на то, что воздушный театръ есть испинно классическій; ибо древніе не имѣли иныхъ театроръ, романщическія драмы исключительно принадлежатъ подобнымъ театрамъ: ибо гдѣ *естественнымъ образомъ* производятся разбои, пожары, смерщубійства? Безъ сомнѣнія въ лѣсу, на дорогахъ, подъ опкрытымъ небомъ. И попому - то ультра-романщическая (и пѣмъ лучше) мелодрама Кернера имѣла на сценѣ нашего Колизея эффектъ чрезвычайный. Она была дана въ первый разъ за недѣлю предъ пѣмъ; но публика пожелаала видѣть ее въ другой разъ. — Не говоря о кинжалахъ и писполешахъ, объ ударахъ и высщрѣлахъ: они уже не въ диковинку на сценахъ, опть Парижа до Москвы, скажемъ, что горѣвшій замокъ Разбойника - жениха, со всѣми его неуспрашимыми сподвижниками, предсщавлялъ споль велищественную, споль занимательную пиропехническую картину, что уже виновныя и нещасщныя жерщвы пламени, возженнаго мспищельною рукою

прелестной женщины, не могли овладѣть состраданіемъ: съ шумомъ и прескомъ разваливающагося замка сливались громкія восклицанія! *браво!* . . . Эта прелестная женщина была — невѣста разбойника, которая сначала заставила жениха своего бросить изъ любви къ ней ремесло душегубства, а потомъ, измѣнивъ обращенному, вдругъ обратила его къ прежнимъ злодѣяніямъ, но еще съ ббльшею жестокостію, съ ббльшимъ обвирѣленіемъ, и наконецъ сама же наказала — снова созданнаго ею преспуирика, поразивши пулею сердце, не нечувствительное къ благопворному дѣйствию наилучшей изъ спрасстей. . . . Холодные, упрямые, безусловные поклонники классицизма! скажите, подъ какіе непреложные законы можно подвести столь разнообразную во внутреннихъ движеніяхъ своихъ природу человѣческую? . . . Но вспоминая Вольерову кашегорію, вы, можете быть, спросите: „Для чего же изображать кистью, рѣзцомъ, спихами и даже прозою все, что ни находится въ природѣ человѣческой? . . .“ Для того — отвѣчаемъ — чтобы мы короче познакомились съ нею; чтобы ужасаясь, напимѣрь, пожаровъ, смертоубійствъ, сами не спали зажигателями, разбойниками и проч. и проч. Цѣль нравственная, высокая! . . . Вашъ классицизмъ, признайтесь, не ведетъ къ ней столь надежною, столь вѣрною спезею, спезею изящества, о которомъ швердите безпрестанно и . . . безуспѣшно. —

Но мы возвращаемся на другую спезю, гдѣ встрѣчая главные лица мелодрамы, Невѣсту и ея Разбойника-жениха, мы вмѣстѣ со всею публикою рукоплескали имъ: первую играла г-жа Пошанчикова, спройная, ловкая, прекрасно одѣтая, чувствующая и выражающая все — по же-

ланию автора; другаго представлялъ г-нъ Мочаловъ — опмѣнно удачно: это его роль.

За мелодрамою слѣдовалъ разнохарактерный диверсисманъ: *Сельскій праздникъ*, на освѣщенной сценѣ съ иллюминаціею изъ разноцвѣтныхъ фонарей. Но всего лучше была въ глубинѣ сцены высокая, чрезвычайно красивая рѣшетка, освѣщенная и иллюминированная. — Пѣли: г-жа Петрова и г-нъ Баншышевъ. — Рускія пляски, панцы съ шалью, Венгерскія, Черкесскія, и мазурка окончились пресмѣшною панцовальною карриатурою. Спектакль заключился большимъ павильйономъ ракетъ и бураковъ.

Не смотря на продолжавшійся до 7 го часа дождь, публика была довольно многочисленная, и остальное время вечера гуляла по саду при самомъ шихомъ воздухѣ подъ голубымъ яснымъ небомъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Селамъ, или языкъ цвѣтовъ.

Не напрасно Воспокъ называется странною любви и розъ. Тамъ все дышетъ нѣгою; повсюду благоухають драгоценнѣйшія произведенія вѣчноюной Флоры; небо и земля равно лелѣяють воображеніе, пишають мечтательность, упончають роскошь, тогда какъ ни общежитіе, ни искусства, ни науки, ни зрѣлища не развлекають ни ума, ни души, ни сердца, сосредоточенныхъ въ одной идеѣ чувственнаго наслажденія; и какъ неволя болѣе всего плѣняется свободой: по прекрасный полъ Востока, осужденный съ дѣтства до старости на строгую неволю, прибѣгаетъ ко всѣмъ хитроспямъ, какія только свойственны прекрасному полу цѣлаго міра, чтобы воспользоваться хотя одною шѣ

нію милой свободы; избобрѣшаетъ забавы и удовольствія по внушенію безмолвныхъ спрашекъ своихъ — и къ такимъ - то избобрѣшеніямъ принадлежитъ *языкъ цвѣтовъ*, котораго не избобрѣлъ бы мушкетеръ ни подѣ какимъ видомъ.

Любезный Издапель любезнаго Селама, извѣстный своимъ пѣническимъ талантомъ, Г-нъ Ознобишинъ, рассказываетъ стихами, вообще прекрасными, достойными своего радужнаго предмета, о происхожденіи сего ароматическаго языка; рассказываетъ въ повѣсти о прелестной 15-лѣтней Черкешенкѣ, невольницѣ дряхлаго Пани.

„У насъ Гаремы не извѣстны;
 „Нашъ Сѣверъ холодець! — Для дамъ
 „Селамы будутъ бесполезны:
 „Онѣ такъ преданы мужьямъ! . . .
 „Но вы, чьи очи голубы
 „Такъ робко внизъ опущены,
 „Для васъ, дѣвицы молодя,
 „Блестятъ въ поляхъ цвѣты весны!
 „Отъ строгой маменьки украдкой,
 „Отъ прозорливыхъ няни глазъ,
 „Селамъ свивайте, въ нѣгѣ сладкой:
 „Любовь легко научитъ васъ.“

Такъ оканчивается сія милая повѣсть, за которою слѣдуютъ любопытныя примѣчанія и чрезвычайно интересный словарь цвѣтовъ и растений, съ изъясненіемъ смысла, въ какомъ они употребляются при составленіи *Селама*; и если не дѣвицы наши, то конечно поэты воспользуются онымъ.

Скажемъ наконецъ, что сія маленькая книжечка требовала большихъ трудовъ и достачныхъ ботаническихъ свѣдѣній, и что она заслуживаетъ покровительство, которому Издапель вѣряетъ себя — покровительство любезныхъ Читательницъ.

~~~~~

Къ Читательницамъ.

Не получивши съ двумя почтами Французскаго журнала: *Petit Courrier des Dames*, изъ кошораго заимспвуюшя моды и карпинки для нашего Дамскаго Журнала, и не желая отсрочивать болѣе выдачу онаго, мы рѣшились . . . просить извиненія у благосклонныхъ Читательницъ въ шомъ, что онѣ, къ сожалѣнiю нашему, получаютъ эшомъ Нумеръ безъ модъ и картинокъ, вѣроятно не опсправленныхъ изъ Парижа за полишическими происшествiями.

Издатель.

26 Августа.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашанiи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземпшара. Москва, Августа 27 го дня, 1830 г.

Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Оленька, щастливая сирота.

(ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.)

Въ самую бурную изъ осеннихъ ночей, когда природа перья собспвенныя свои прелести, кажешся, хочешъ внушишь и людямъ невольное чувство съпованія объ удаленіи весеннихъ и лѣпныхъ дней, почти въ десяшь часовъ я былъ въ гостяхъ у сослуживца своего А * * *, съ кошорымъ бесѣдовали мы за чашкою чая о быспромъ печеніи нашей молодости и поспешенно угасающихъ въ насъ спрасяхъ. Философствуя такимъ образомъ и будучи, въ числѣ непослѣднихъ мечшашелей, мы до того распроголи наши сердца, исчисляя всѣ примѣры плѣнносшей земнаго величія, блаженства и щаспія, что при расставаніи обняли другъ друга съ ка-

кимъ - то мрачнымъ предчувствіемъ, шягопившимъ насъ. Сколько поварищъ мой ни унимаѣ меня оспашься у него ночевашъ, но мнѣ — по непоспижимому желанію — хошѣлось поскорѣ бынъ въ шихой, уединенной кваршир мой. — Совсѣмъ уже выходя, я поворопилъся, еще разъ пожалъ руку добраго А * * *, взглянулъ на него, вздохнулъ и — бросилъ изъ комнашы.

Идучи долго въ какомъ - то онѣмѣніи ко всему окружающему, наконецъ я почувствовалъ величественную, хошя неспройную, гармонію спихій, весьма близкую съ уныніемъ души моей. Сильные порывы вѣпра, огромные сполпы засохшихъ лиспьевъ, пыли и мѣлкаго дождя, клубимые вихремъ, совершенно заграждали мнѣ пущь. — Весь горизонтъ казался покрытымъ черными скалами, одна другую подавляющими и грозившими обрушиться на смершнаго, дерзкаго свидѣшеля борьбы великихъ небесныхъ силъ!.. Къ довершенію сей каршины надобно присоединить, что подобные пущечнымъ выспрѣламъ удары срывааемыхъ съ пешель воропъ, свиспъ и вой вѣпра по щелямъ досчашыхъ заборовъ и около крышъ, пучи песку съ мѣлками камнями, несомыя вихремъ и разбивающія окна; наконецъ, между симъ хаосомъ, слабый свѣпъ фонарей, по мелькающій, то снова пропадавшій — все сіе составляло шакую ужасную картину, кошорую едва ли можешъ представить себѣ чье - либо воображеніе.

До кварширы моей оспавалось менѣе, чѣмъ половина дороги, но я почти уже выбилъ изъ силъ; а пошому принужденъ былъ оспанавливашься для опдыха и невольнo сравнивалъ упошленное грустию сердце мое съ буншующею непогодою. — Ни одного извощика не встрѣшилосъ

мнѣ на улицѣ, хотя было еще только одиннадцать часовъ. Ни одинъ прохожій не попадался на встрѣчу; не видно и не слышно было даже голоса какогонибудь живошнаго. Въ этомъ состояніи весь Пешербургъ походилъ на обширную крѣпость, осаждаемую свирѣпыми стихіями: никто изъ жителей не хотѣлъ быть свидѣтелемъ ужасной каршины сего приступа.

Наконецъ приближаясь къ кварширѣ одного знакомаго мнѣ почтеннѣйшаго семейства, я думалъ, но совѣспился въ такое время — какъ бы по неволѣ — навѣспить добродушнаго хозяина. Въ сихъ мысляхъ оспановившись подѣ крышею подѣзда, я при слабомъ мерцаніи фонаря примѣшилъ въ споронѣ что-то чернѣющее; но почтя кучею нанесенной пыли и песку, преспокойно опряхалъ залившій меня дождь; какъ вдругъ, въ нѣкоторомъ опдаленіи, мелькнуло мимо меня нѣчто, подобное бѣгущему человеку и — скрылось за пыльной стучею съ мостовой. Я сожалѣлъ, что упустилъ попучика и думалъ: каково же въ такое время быть заспигнуымъ въ дорогѣ, въ дальнемъ распояніи отъ города, или селенія! Особливо зимою сколь ужасно во время вьюги и мяшелей быть подѣ опкрытымъ небомъ и предспавишь опысканіе непроходимо-занесеннаго пуши инспинкпу обычныхъ къ пому лошадей! Весьма неудивительно, что многіе изъ путешествующихъ пожертвовали въ такомъ случаѣ даже самую жизнь.

Я не успѣлъ еще окончить своего разсужденія, какъ другая тѣнь мелькнула мимо меня и — подобно первой — мгновенно скрылась. Непоспимое чувство спраху овладѣло мною: эшо

чувство родило во мнѣ невольное подозрѣніе и я спалъ внимательнѣе примѣчаясь вокругъ себя. Не будучи изъ храбрецовъ и опасаясь неравнаго нападенія, я пріосперется и съ горькою отвагою ожидалъ, чѣмъ окончится такое преслѣдованіе меня. Тщешно я напрягалъ зрѣніе и прислушивался, сколько возможно, къ каждому шороху: болѣе чешверти часа, кромѣ свирѣпости бури, ничто не превозило испуганнаго сердца моего. Оподохнувъ еще немного, я рѣшился, какъ можно скорѣе, добратся до кварширы, и чаемъ, обыкновеннымъ лѣкарствомъ своимъ, согрѣшься, а сномъ подкрѣпишь силы свои. Но сдѣлавъ первый шагъ я наспунилъ на замѣченное мною что-то чернѣющее въ углу и, вообразивъ себя, что это какой нибудь свернувшійся опъ непогоды церберъ, которъй — озлобясь моею неоспорожностію — конечно бросится на меня; почему и приготовился, не имѣя при себѣ иной обороны, сбросить на него свою шинель и кинуться бѣжать. Но, къ удивленію моему, я узналъ, что обманывался: лежащее что-то не шевелилось, и это ободрило меня и поселило невольно любопытство узнать о всемъ подробнѣе. Я наклонился и увидѣлъ, что причинившее мнѣ такой страхъ было не иное что, какъ большой узелъ, въ кошоромъ, при помощи мелькающаго фонаря, можно было разглядѣть сложенную въ кучу теплую одежду и въ ней закупанное дитя, наслаждающееся спокойнымъ ангельскимъ сномъ!

Признаюсь, долго я не вѣрилъ глазамъ своимъ: это новое происшествіе казалось мнѣ совершеннымъ сновидѣніемъ. Я снова разсматривалъ находку свою, и — крошкѣй, тихій сонъ младенца во время свирѣпствующей бури поселилъ въ душѣ моей какое-то чувство умиленія!

Воспоминанія собственнаго злаго дѣшства и сожалѣнїя о пропекшихъ дняхъ невинности и спокойствїя живо предшавились въ моемъ воображенїи: я былъ до глубины сердца распроганымъ и — навѣрное — нѣсколько минушь не сводилъ глазъ съ милого дѣшпи, споль спранно мною найденнаго. Однакожь замѣшивъ, что предавашься мечпанїямъ гораздо бы прїяшнѣе было въ теплой комнашѣ; а пришомъ вспомнивъ и шо, что находился въ обязанности скорѣе сыскашь прїюшь нещасшному поваричу моему, я рѣшилъ попрогашъ и шихонько разбудишь его. Ошкрывши глаза, дшпя улыбнолось, сказало: „маминька! дайше мнѣ еще уснушь!“ и — сжавшись — поворошилось на другую спорону. Я не смѣлъ произнесши своего незнакомаго голоса, особенно въ шакомъ мѣспѣ, гдѣ ночной мракъ и буря, при самомъ пробужденїи, ужасно испугали бы драгоцѣнную находку мою. — Чшожь было дѣлашь мнѣ? — Ни одинъ извощикъ не показывался; а до кварциры моей я не могъ добрашься безъ шого, чшобъ не нарушишь спокойствїя маляпки, преданнаго въ мои руки самимъ Провидѣнїемъ.

Но какъ велика была радосшь моя, когда я вспомнилъ, что нахожусь подъ кровлею Л * * *, истиннаго друга моего, копорый, равно какъ и супруга его, были исполнены всѣми добродѣшелями. Я благословлялъ мысль, ясно меня вразумившую, что судьба непосшижимо привела нещасшнаго младенца бышь подъ кровомъ сихъ благошворительныхъ душъ! — Я не могъ придумашь щаспливѣйшей и надежнѣйшей будущности для дшпяши, какъ подъ защитою и заботливосшю испышаннаго въ сосшранїи друга моего. Для себя я совѣшилъ обезпокоишь почшенную семью

поднимъ посѣщеніемъ ; но такой случай извинялъ и ободрялъ меня. По первому сигналу колокольчика человекъ со свѣчею, окликавъ, открылъ мнѣ двери, и изумился, увидя меня въ такую непогоду и такъ поздно къ нимъ пришедшаго. Узнавъ, что господа его еще не ложились спать, я просилъ пособить мнѣ взнести наверхъ живой кладъ, найденный у подъѣзда ихъ. Еще болѣе изумясь, слуга исполнилъ мое желаніе ; но въ самую ту минушу, какъ мы взяли дышя на руки и готовились оспорожно подниматься наверхъ, мимо распворенныхъ дверей опять посѣшно мелькнули двѣ тѣни, и мы ясно услышали слова, произнесенныя за нами въ слѣдъ : „Слава Богу ! дѣло кончено !“ — Помощникъ мой, не дѣлая мнѣ никакихъ разспросовъ и положивъ милую ношу на споль, сбѣжалъ запереть двери и выглянувъ за оныя, не видалъ уже никого.

Натурально, что спранность моего прихода поселила любопытство и въ самихъ хозяевахъ. По докладу обо мнѣ, они вышли въ залу подивиться спранствующему по такой непогодѣ рыцарю ! — Извиненіе мое было въ короткихъ словахъ, послѣ котораго я рассказалъ все происшедшее со мною — и добрые люди потчасъ же занялись какъ можно лучше успокоить нежданнаго гостя ; со всевозможною оспорожностію вынули его изъ рубища и глазамъ нашимъ представилась прелестная, блѣлая дѣвочка, около прехъ лѣтъ, весьма бѣдно одѣтая и погруженная въ самый глубокой сонъ. Со всею оспорожностію, чшобъ не разбудить ее, она была положена на мягкую постель ; и послѣ эшаго я долженъ былъ повсоришь подробно обо всемъ, такъ близко отъ нихъ случившемся. Будучи

же приглашенъ съ ними опужинашь и переночевашъ у нихъ , я охотно принялъ эшо приглашеніе. По окончаніи спола мы щомчасъ всъ разошлись по своимъ комнашамъ ; и я — промокнувшій до косшей и усшальный — не запошню, чшобъ когда - нибудъ шакъ хорошо и покойно спашъ , какъ въ эшу ночь.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

Алексій Федоровичъ Мерзляковъ.

Жаловашься ли человѣку на крашкосшь вѣка своего , впрочемъ всегда *краткаго* , сколь бы онъ дологъ ни былъ ? Жаловашься ли родспвенникамъ , жаловашься ли друзьямъ усопшаго на раннюю могилу его ? — Нѣшъ ! ибо земная жизнь человѣка осуждена , въ опношеніи къ важнѣйшей цѣли ея , щасшію , на *бѣдность* до шакой степени , чшо любимѣйшій сынъ форшуны не наслаждаешся ею за пришупленіемъ чувствованій , а полезнѣйшій пруженикъ семьи , общества , опечешва не имѣешъ даже ушѣшенія слышашъ *отдаваемую справедливость* , для кошорой раскрывающся уша современниковъ лишь шогда , когда онъ сомкнешъ свои навѣки !

По сему взгляду на судьбу человѣка , ему остаешся одно вѣрное , не мнимое *благо* : жить и упошребляшь свои способности , свои дарованія , свою дѣяшельность единспвенно на пошь конецъ , чшобы *пріобрѣсть* справедливость , опдаваемую по смерти.

Такъ жилъ *Алексій Федоровичъ Мерзляковъ* ! . . . Умалчиваемъ о судьбѣ его ; не исчисляемъ лишпературныхъ заслугъ незабвеннаго

покойника; не именуемъ швореній его, сливших- ся со славою того мѣста, гдѣ онъ получилъ образование, гдѣ образоваль другихъ, откуда вѣ щаль языкомъ Софокла, Горація, Тасса о божественномъ искусствѣ челоувѣческаго слова, и гдѣ раздалась послѣдняя пѣснь оплакиваемого нами лебедя: скажемъ только, что Мерзляковъ не имѣеть ни соперника, ни преемника; что онъ соединяль въ себѣ Поэша, Рипора, Орапора и Крипика, и сіи великіе, сіи высшіе дары природы украшалъ рѣдкою, дѣшскою доброшою сердца; что онъ своими учеными сочиненіями сблизился съ ученымъ свѣтомъ, не только Московскимъ, но и Европейскимъ, а пѣснями сроднился съ народомъ Рускимъ, копорый поеть и долго, долго будетъ пѣть сіи нѣжныя, оригинальныя изліянія души унылой и чувствительной. Низкая сашира, подлый пасквиль, безчестная эпиграмма не оскверняли пера его; ибо онъ былъ высокъ душою и благороденъ сердцемъ.

Алексій Федоровичъ Мерзляковъ былъ органомъ Московскаго Университета: пѣль славу своего Отечества, величіе своихъ Царей — пѣль, какъ Іеремія, на пепелъ Москвы и вдохновеннымъ голосомъ своимъ обрапилъ благошворное вниманіе АЛЕКСАНДРА на печальныя развалины знаменитаго храма Московскихъ Музъ, обновленнаго великодушнымъ Завоевателемъ Франціи.

Мерзляковъ былъ не только Университетскимъ, но Московскимъ и Всероссійскимъ Поэтомъ, копорого повпоряла съ удивленіемъ Англія и Германія и копорый — при щасливѣйшихъ обстоятельствахъ — воспариль бы геніемъ своимъ на высшую степень славы всемірной. Имя его доспойно спояшь рядомъ подлѣ Ломоносова, служившаго немерцающимъ свѣтлымъ

комъ безсмертному паланпу Мерзлякова. Его сочиненія сослaviaшъ нѣсколько помовъ.

Алексѣй Федоровичъ скончался въ *Сокольни-кахъ* 26 Юля, оставя неушѣшную супругу и пяшь человекъ дѣшей. Всѣ, знавшіе покойника и лично, и по славѣ, равно благословляющъ память его, споль драгоцѣнную для Музъ, для друзей и для Опечества!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ * * *.

Сбылися наконецъ прекрасныя мечанья,
 Порывы пыкіе ко щастію души,
 Сердечныхъ шайныхъ думъ высокія созданья,
 Сбылися вы!

Я щаспливъ спаль: у пристани желанья,
 Въ объятія любви мой якорь жизни палъ
 И сердца давнія свершились ожиданья;
 Я щаспливъ спаль!

Въ любви швоей, прекрасная! узнала
 Моя душа блаженныхъ сладость дней,
 И радостей заря мнѣ свѣтло заблещала
 Въ любви швоей!

Ты разгадала мнѣ — чшò душу волновало,
 Таилося давно въ сердечной глубинѣ;
 Чшо будшо издали блаженство обѣщало,
 Ты разгадала мнѣ!

То ты была — хотя еще скрывалась;
 Но страсть къ прекрасному мнѣ образъ швой дала:
 Въ чьихъ прелестяхъ краса знакомая узналась,
 То ты была!

Твой образъ былъ — что міръ мой украшало,
 Чего искалъ вездѣ, чего не находилъ
 И что во мнѣ мечты о щастіи питало —
 Твой образъ былъ!

. . . . Я . . . . а.

П о х в а л ы.

Кто знаетъ тайную причину
 Похвалъ и въ прозѣ, и въ стихахъ!
 Вы распалились жаждой къ чину;
 Онъ, къ ласкамъ Креза; я — въ глазахъ,
 Лишь сердцу моему извѣстныхъ,
 Ищу награды, мечтамъ прелестныхъ!...

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо Ефима Гороногова къ Издателю Дамскаго Журнала.

Благодарю васъ, Г-нъ Издапель, за напечатаніе моего письма съ разсужденіемъ о драмѣ: *Людмила*, представленной на Императорскомъ Театрѣ въ Сенкшпешербургѣ. Помѣстивши сіе письмо (въ 30 Но своего Журнала), вы меня не только одолжили, но ободрили къ сообщенію вамъ новыхъ извѣстій; а когда ихъ не случается въ большомъ сполічномъ городѣ? И для того отправляю къ вамъ второе письмо, и прежде всего скажу, что я почти цѣлый вѣкъ проживая въ С.-Пешербургѣ, недавно попалъ на шакъ называемую Дудорову гору, кошорой высота хопи и не равняется съ высокою *Монблана* и подобныхъ великановъ - горъ, но значительна въ окрестности Санкшпешербурга. Я давно читалъ въ одномъ Журналѣ путешествіе покойнаго Н. А.

Львова на Дудорову гору (*), и послѣ того — если память меня не обманываетъ — путешествіе же въ спихахъ и прозѣ Ивана Матвѣевича Муравьева - Агоспола, а самъ, повпорю къ спыду своему, давно доживши до сѣдыхъ волосъ, и почти безъ выѣзду изъ С.-Петербургa, посѣщая нерѣдко *Красное село, Таицы* и другія окрестности сѣверной сполицы, до сихъ поръ не всходилъ на Дудорову гору. Слушайте же повѣспованіе о моемъ спранспованіи. Я, какъ и всѣ, былъ 1 го Іюля въ Пепергофѣ, восхищался великолѣпиемъ моря, спеченіемъ публики всѣхъ соспояній и одеждъ, плѣнялся славною иллюминаціею, горѣвшею очень удачно; но все это оспавляю безъ описанія, ибо все это вы уже видѣли въ Сѣверной Пчелѣ, Инвалидѣ или другихъ газетсахъ. Я буду говорить о Дудоровой горѣ. Около половины сего мѣсяца, шо естѣ Іюля, въ прекраснѣйшій лѣпній день я опсправился въ Красное село, опшуда въ лагерь нашихъ непобѣдимыхъ воиновъ, расположенный не далѣе какъ въ 2хъ верспсахъ опъ Краснаго села, при самой подошвѣ Дудоровой горы. Лишь шолько солнце спало склоняшсь къ западу и воздухъ опъ лѣпняго зноя освѣжился, я сѣлъ въ коляску и мысленно началъ карапкашсь на высоту крушой и довольно длинной горы; неоднократно приказывалъ возницѣ своему оспановишсь шамъ, гдѣ уже не лзя будетъ ѣхать на гору. Вообразите же удивленіе мое, когда я достигъ вершины ея по гладкой дорогѣ, кошорая едва напоминаетъ вамъ, что вы ѣдете на гору. Вышедъ изъ коляски, я очутился въ прекрасномъ Швейцарскомъ саду, кошорой опкрылъ мнѣ входъ въ шакъ называе-

---

(*) Сіе путешествіе, чрезвычайно остроумное и забавное, напечатано въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* 1805 г. *Изд.*

мый Швейцарскій домикъ. Расположеніе сего, можно сказать, волшебнаго маленькаго замка неподобное; двѣ или три комнаты не болѣе, но опѣлка ихъ самая заманчивая. Онѣ обиты внутри простымъ деревомъ; искусство скрывается подъ изящною природою. Въ этомъ Швейцарскомъ домикъ на столѣ для всѣхъ посѣпителей лежишь переплешенная шепрадъ, гдѣ каждый вписываетъ свое имя и съ восхищеніемъ на одной изъ страничекъ шепрадки читаешь Имя обожаемаго МОНАРХА. Посѣпителей и при мнѣ было довольно: шпарты, юноши, дамы — всѣ въ лѣпнее время посѣщаютъ Дудорову гору и къ живѣйшему восторгу слышатъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ Августѣйшею Супругою, съ знаменитыми госпями и съ Членами Высочайшей Фамиліи нѣсколько разъ пріѣзжалъ изъ Петергофа и во время лагеря имѣлъ обѣденный столъ въ Швейцарскомъ домикъ.

Такимъ образомъ и я наслаждаюсь восхищительнымъ зрѣлищемъ, приказалъ коляскѣ моей отправиться къ фермѣ, которая у подошвы горы, а самъ, въ сообщество спутниковъ своихъ и многихъ гуляющихъ особъ, спалъ спускаться съ горы. Мнѣ совѣсно было, что я взѣхалъ на гору безъ малѣйшаго *опасенія* и очень спокойно, такъ что нѣкоторымъ образомъ худо вѣривъ нійпическимъ описаніямъ — объ узкой и почти непроходимой лѣсной дорогѣ прежнихъ спранспователей. „Вопшь,“ думалъ я самъ въ себѣ „что можетъ шворческая воля добраго Царя, всегда и вездѣ пекущагося о выгодахъ и щастіи своего народа и объ украшеніяхъ дикой природы!“ Корешко сказать: я сошелъ съ Дудоровской высоты къ самой фермѣ, не чувствую, что спускаюсь съ горы: это истинно волшебный садъ, въ густой роуцѣ расположенный. Спуски сдѣланы

en pente douce ; на площадкахъ устроены самыя простыя , но опмѣнно красивыя изъ выгнутаго дерева *канале* ; всѣ спуски обращены въ лѣсенку , но естъ успланы мостовойникомъ . Но всего достопримѣчательнѣе то , что на Дудоровой горѣ досель существуюшь деревья , посаженныя Пешромъ Великимъ .

Ефимъ Гороноговъ.

Юля 12 дня,
1830 года.

С М Ъ С Ъ .

Нѣмецкіе маскарады.

Должно опдашь справедливоспъ иноспранцамъ , и въ особенноси Нѣмцамъ , что они любяшь и умѣюшь повеселишья и повеселишь другихъ , и припомъ не за дорогую цѣну . Доказательствомъ сему служишь лѣпнее Нѣмецкое Собраніе , уже нѣсколько лѣпъ существующее — прежде въ Пешровскомъ , потомъ на Дѣвичьемъ полѣ , а нынѣ въ Красномъ селѣ , и вездѣ давались вокзальные балы , сожигались прекрасныя фейерверки ; но ни гдѣ не было шакого богатаго освѣщенія и шакого разнообразія въ забавахъ , какъ здѣсь , но естъ въ Красномъ селѣ . Здѣсь , кромѣ баловъ и фейерверковъ , предспавлялись *морскія сраженія* , въ которыхъ горѣли разноцвѣшными огнями плавающіе корабли , и лучшее Московское общеспво всякой разъ посѣщало *Яковлевскій садъ* — шаешрь сихъ пиропешническихъ увеселеній .

Но запѣйливые хозяева не ограничились ими : явились маскарады , вовсе необыкновенныя . Они соспояшь въ длинной процессіи самыхъ смѣшныхъ каррикашуръ , мужскихъ и жен-

скихъ, пѣшихъ и конныхъ, на колесницахъ и въ саняхъ. Зрители сядящъ въ иллюминированномъ саду, или гуляющъ по аллеямъ, неперпѣливо ожидая *маскарада*, копорый наконецъ, подъ звуками военной музыки, начинаешъ маршь свой въ большомъ проспектѣ. Впереди выспунаешъ каррикатура швейцара; за нею идещъ огромный конпръ - баша, на предлинной ручкѣ копорого свѣспился фонарь, и копорый во всю дорогу играешъ самъ на себѣ; за нимъ ѣдещъ Бахусъ на бочкѣ, везомой маленькими Силенами; за ними слѣдующъ прочія каррикатуры, однѣ за другими и однѣ другихъ забавнѣшя. Коспюмы, лошади, живыя и неживыя, экипажи, упряжи — все пакъ нарядно и все доспойно Гогардовой кисти. Обошедши главныя мѣспа сада, маскарадная процессія скрывается. Насмѣявшаяся досыпа публика входитъ въ панцовальную залу, гдѣ обыкновенно бываетъ пакъ пѣсно, что дамы... начинающъ развѣзжашься. — Вечерь, какъ и всѣ вечера, окончиваешся ужиномъ.

Посѣпителей проспиратся почти всегда до 450, Членовъ Собранія до 300. Чесль и слава Старшинамъ его!

Сокольники.

4го Августа.

ИЗВѢСТІЯ.

Новая книжка.

Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова и обратно въ Москву, съ эпиграфомъ изъ сочин. Н. М. Карамзина: „Человѣкъ въ дорожномъ плащѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ кошомкою за плечами, не обязанъ говорить съ оспорожною разборчивостію какого нибудь

придворнаго, окруженнаго такими же придворными, или Профессора въ Шпанскомъ парикѣ, сидящаго на большихъ ученыхъ креслахъ.“ Издавъ М. Н. Макаровъ. — М. въ Университетской Типографіи 1830. 228 стран. въ 16ю листа.

Это карманный дорожникъ — хотя еще и не весьма полный, но удовлетворительный и во многихъ случаяхъ весьма любопытный для путешественниковъ изъ Москвы къ Троицѣ, въ Переяславль и въ Росповь. Путешественники (пешеходцы) занимаясь всѣмъ достопамятнымъ, съ ними встрѣчающимся, иногда съ подробностію, а иногда, къ сожалѣнію, вскользь, не забываютъ и юмористики: они шутили досыта и надъ *толстою барынею*, и надъ *охотникомъ интриговать въ дворянскихъ выборахъ*, и надъ *боярынею - царемъ* (оригиналомъ, достойнымъ Жуи), и проч. и проч. Историческіе рассказы пешеходцевъ большею частію безъ доказательствъ; но они обезпечиваются словомъ: *преданія*. На преданіяхъ основалась вся древняя Исторія. За чѣмъ же погибаетъ преданію и въ этомъ случаѣ? Можно пожелать, чѣмъ у насъ явилось былье *пешеходцевъ* въ разныя спорныя по Царству Рускому. Болтливые С — вы (дѣйствующія лица въ пешеходахъ) не наскучаютъ. Въ языкѣ путешественниковъ и даже въ типографской работѣ есть неисправности и промахи! Но можно ли пребывать *всей исправности* отъ *человѣка въ дорожномъ платьѣ и съ посохомъ въ рукахъ*? Довольно, что *Журналъ пешеходцевъ* для любопытныхъ, идущихъ и ѣдущихъ въ Росповь и къ Троицѣ, очень занимателенъ.

В. Криловичъ.

Парижскія моды.

Отдѣлка плашья въ низу состоить единственнo въ шитьѣ или выкладкѣ галунчиками (*passenteries*). Оборки (*garnitures*) употребляются только для самыхъ нарядныхъ плашьевъ.

— Многіе канезу образуютъ косынку, сложенную крепомъ на груди; концы идутъ подъ поясомъ; такой же видъ представляютъ сія канезу и сзади, расширяясь очень много на плечахъ.

— Множество бѣлыхъ креповыхъ шляпокъ съ букетами гвоздикъ голубыхъ, алыхъ и бѣлыхъ. Сія букеты раздѣляются на два: одинъ прикалывается поверхъ тульи, другой съ противоположной стороны на краю полей. Бѣлая газовая лентъа пропкана голубымъ и алымъ.

— Букеты маленькихъ перьевъ, накалываемые на шляпки изъ Ишальянской соломы, нынѣ предпочитаютъ двумъ большимъ перамъ. Палевыя перья носятъ опмѣнными щеголихами; но эшошь цвѣтъ, потчасъ линяетъ отъ солнца.

— Прекраснѣйшіе не-нарядные чепчики — тюлевые еъ тюлевыми баншами, вышитыми такъ, какъ и оборка; подобныя оборки служатъ завязками, и вмѣсто лентъа.

— Рукавчики подъ широкіе рукава дѣлаются нынѣ изъ Флоранской шафты, легко выстеганные, для того чшобы стояли безъ упругости.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Шляпка изъ пальдери. Плашье изъ вышитаго поплиноваго газа.

П Е Ч А Т А Т Ъ   Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашаніи, представляемы были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва, Августа 28 го дня, 1830 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

1830.

Парижская

Мода. N. 36.

Данский Журнал - наль.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

Проза.

Оленька, щастливая сирота.

(Истинное происшествіе.)

(Окончаніе.)

Въ девять часовъ утра, будучи разбуженъ камердинеромъ моего друга, я узналъ, что почтенное семейство сидѣло уже за чайнымъ столомъ и восхищалось лепешаньемъ и миловидностію приведенной мною сироты. Это извѣстіе побудило меня поспѣшнѣе исправить необходимый шуалетъ и — чрезъ четверть часа я былъ уже въ кругу милыхъ друзей моихъ. Оправдавшись на шушочные выговоры за позднее вспанье, я обратился къ милой госпѣ, давно уже занимавшей хозяевъ собою. На вопросы мои она отвѣчала безъ застенчивости, съ свойственною однимъ только дѣшамъ ошкровенностію, милымъ, проникающимъ въ сердце голосомъ.

„Какъ себя зовушь, душинька?“ — Олинкою! — „Который тебѣ годъ?“ — Шестой. — „Есть ли у тебя папинька и маминька?“ — Не знаю: шеперешній папинька съ маминькою меня очень любяшь; однакожь говоряшь, что у меня были еще другіе родители, но они куда-то ушли на-долго и совсѣмъ позабыли обо мнѣ! — „Помнишь ли ты ихъ хоть немного?“ — Да, немножко — одну маминьку; а папинька рѣдко съ нами бывалъ. — „Ну, довольна ли ты была у шеперешнихъ? Весело ли тебѣ было жить?“ — Хорошо, весело: только я никогда не видала такого платья ни на одной маминькѣ, какое шеперь на мнѣ и на эптѣхъ барыняхъ; а такого сладкаго чаю и сухарей очень, очень рѣдко давали мнѣ. — „Спало бышь тебѣ здѣсь лучше?“ — Конечно: эпи господа со мной познакомились и общали проводишь меня домой; да и платье, и всѣ эптѣ игрушки подарить мнѣ: я сама очень, очень полюбила здѣсь всѣхъ. — Тутъ она поцѣловала руку прекрасной Евгеніи, жены друга моего, и положила ей на колѣна головку свою. Распроганная Евгенія также поцѣловала ее и повторила ей свое обѣщаніе. — За разпросами моими послѣдовалъ у нихъ консилиумъ объ участи милой сироты. — Другъ мой сказалъ, что не имѣя собственннхъ дѣшей, онъ ни за что съ нею не разпанешся; что онъ готовъ сдѣлать законное объявленіе о найденншѣ, но и самимъ родителямъ не опдастъ такого милаго ребенка, поклявшись оправдать довѣренность подкинувшихъ и — совершить предопредѣленіе судьбы, то есть составишь малюшкѣ щастіе. — Я душевно порадовался такому благородному намѣренію; и въ печеніе цѣлаго дня мы всѣ любовались замысловапостию и нѣжными чувства-

ми милой Олинъки. — Когдажь вырывалось у нея воспоминаніе о домашнихъ своихъ, по новымъ ласками и новыми предметами мы ее развлекали и общали непременно проводишь въ низенькой, черной домикъ, гдѣ — по рассказамъ ея — она жила со многими подругами. И шакъ весь эпошь день былъ мною посвященъ гостеприимнымъ друзьямъ моимъ и милой сиротѣ. Вечеромъ же я долженъ былъ дать честное слово, что завпра приду къ нимъ: иначе не опускали меня на кварширу, гдѣ конечно заботились уже о моемъ отсушсвiи.

Такимъ образомъ я спалъ посѣщая великодушныхъ Л * * * гораздо чаще прежняго: спранное происшествіе и утѣшительная для нихъ находка сблизили насъ и содѣлали совершенно искренними. Наконецъ проходятъ недѣли, мѣсяцы и теперь уже при года, какъ милая моя сирота составляетъ все щаспіе почтеннаго семейства и восхищаетъ ихъ своею понимливостію въ ученіи и милымъ просподушнымъ характеромъ. Знакомымъ своимъ они представляютъ ее какъ родственницу, которую, не имѣя собственныхъ дѣшей, они назвали родною дочерью.

Чтожь касается до настоящихъ родителей эпой щасливой сироты, — объ нихъ въ печеніе эпого времени ничего не открылось достовернаго. Добрые Л * * * замѣчали иногда по вечерамъ прохаживающихся на прошивуположной сторонѣ ихъ дома двухъ человекъ, которые — подобно какъ и при мнѣ въ бурную ночь — пошчасъ скрывались, когда видѣли кого-нибудь подходящаго къ окнамъ, вѣроятно опасаясь быть замѣченными. Случалось шакже не рѣдко, что при выѣздѣ на прогулку Л * * * съ любимицей своей, они шакже примѣчали поблизости своего дома

караулящихъ мушину и женщину бѣдно одѣтыхъ, и которые въ ту же минушу опверпывались къ споронѣ, какъ скоро коляска или кареша равнялась съ ними, или обгоняла ихъ. Подобное замѣчаніе дѣлано и въ храмѣ Божиѣмъ, гдѣ Л * * * нарочно всегда оставались послѣдними и очень ясно узнавали однихъ и шѣхъ же людей, всюду ихъ преслѣдующихъ. Эти добрыѣ друзья мои сами признавались мнѣ, что дѣлали такое розысканіе единственно для того, чтобы опыскавъ родителей Олиньки, ушѣшишь ихъ, помочь имъ и върнѣе обладашь прелестною находкою.

Наконецъ другъ мой назначаетъ рѣшительный день для опкрышя. Человѣку приказано идти до самой кварширы замѣченныхъ людей и просишь ихъ на минушу къ господину своему. — Это исполнено, и по данному наставленію незнакомцы убѣждены и предсавлены къ Л * * *.

Послѣ нѣкопорога поспороняго разговора, начинаешся искушеніе и дружеской допросъ, успѣхъ копорога довершило нечаянное появленіе новой машери съ чужою дочерью. — Въ эшѣ минушы одна полько киспъ Рафаэля могла изобразишь перемѣны въ лицахъ, движимыхъ сильнѣйшими чувспвами. Но природа взяла верхъ надъ свѣпскими приличіяи и — спарики, распроганые — проливая слезы, бросились къ ногамъ Л * * * и милой Евгеніи. Они признались подробно во всемъ; опкрыли, что Олинька есть дочь ихъ ближайшаго родспвенника, копорый въ одинъ годъ съ женою своею померли и оставили сиропшою дочь свою; что они — будучи еще бѣднѣе умершихъ родителей ея — не знали, какъ и чѣмъ воспиташъ бѣднаго ребенка, и наслышавшись о благошворительности и рѣдомъ добросердечія молодыхъ господъ Л * * *, не

имѣющихъ у себя дѣшей, рѣшились, помолясь усердно Богу — единому Покровителю сиротъ — подкинуть имъ юную, милую свою родственницу. — Предпріятіе ихъ много разъ оставалось безъ всякаго успѣха. Иногда собственное чувство любви и привязанности къ малюшкѣ, и ужасная безвѣсность будущей судьбы ея до того распрогивали ихъ, что они опять возвращались съ милою ношею въ свой пѣсный и сырой уголокъ. Иногда же неудача происходила опть часнопосѣщающихъ Л * * * друзей, встрѣчами своими могущихъ обнаружить пайну. Но вседневный недоспапокъ даже въ необходимостяхъ и надежда на Провидѣніе принудили попечительныхъ родственниковъ избрать мрачную осеннюю ночь, въ увѣренности, что кромѣ домашнихъ едва ли кто придетъ въ такое время, или выдѣтъ изъ дому. Въ бурю они спояли подѣ шѣмъ же самымъ подѣздомъ, подѣ копорымъ опдыхаль и я. — Когда же показалось имъ, что я опкрываль малюшку, щцашельно ими закупанную, то они не выдержали и спремительно прошли мимо меня, чѣмъ самымъ и навели мнѣ тогда невольный страхъ. Помомъ они сдѣлали такое же движеніе и тогда, какъ мы вносили на крыльцо сонную Олиньку: что примѣшилъ и слуга, помогавшій мнѣ. Наконецъ они признались, что восхищаясь щастіемъ своей родственницы-сироты, они иногда караулили Л * * *, ѣдущихъ прогуливаясь съ своею пипомицей, или смопрѣли въ окна и дожидались, когда Олиньку подводили къ нимъ. — Самое же продолжительное наслажденіе доставлялъ имъ случай бытъ въ одной церкви съ Л * * * и милою ихъ воспитанницею.

Тѣмъ кончились всѣ объясненія между близкими родственниками и новыми благодѣшелями

Олиньки. — Чшо же касается до нея самой, то я — болѣе всѣхъ зная все случившееся — щадельно занимался ея положеніемъ. Сначала она нѣсколько дичилась своихъ родныхъ, очень бѣдно одѣтыхъ и совершенно вышедшихъ изъ ея памяти; но мало помалу, видя горячностъ, ласку и осыпаемая поцѣлуями ихъ, она и сама, по естественному чувству, снова, какъ и прежде, полюбила ихъ и ласкалась къ нимъ. — Всѣ находившіеся зрителями сихъ неожиданныхъ сценъ были до слезъ распроганы, — и наша компанія въ пошъ вечеръ умножилась пяпидесятилѣшнимъ инвалидомъ и доброю его женою.

Л * * * первымъ долгомъ почель успроишь ихъ судьбу. Онъ далъ имъ на поправку состоянія порядочную сумму и назначилъ ежегодное пособіе; только не велѣлъ и думать о возвращеніи имъ безмѣрно любимой всѣмъ его семействомъ милой, умной и благонравной Олиньки, копорой рѣшились они соспавишь щаспіе почно шакже, какъ бы собспвенной своей дочери. — Съ шѣхъ поръ и моя коропкостъ въ домѣ Л * * * удвоилась: я былъ принимаемъ всегда какъ родспвенникъ. — Нечаянно доспавленное имъ ушѣшеніе при ихъ бездѣшности они почишали величайшимъ одолженіемъ. А я съ своей стороны бесѣду въ кругу споль рѣдкаго добродѣшелями и просподушіемъ семейшва предпочишала всѣмъ прочимъ удовольспвіямъ, и въ душѣ благодариль Провидѣніе за неожиданный случай, чрезъ копорый — сколько могъ — и я способшвовалъ къ содѣланію щаспія найденной мною сиропы, милой Олиньки.

И. С — коевъ.

Н е к р о л о г і я .

20 Августа Москва лишилась *Василія Львовича Пушкина*, Поэта - Липператора. После трудной продолжительной болѣзни, однакожь еще непредвѣщавшей ему близкой разлуки съ нами, онъ скончался въ 2 часа по полудни. Рускія Музы оплакивають въ Пушкинѣ одного изъ отличнѣйшихъ своихъ любимцевъ, совершеннаго художника въ числѣхъ слога и въ красотахъ версификаціи. Какъ современникъ и пріятель Карамзина и Дмипріева, покойный Василій Львовичъ слѣдовалъ только имъ въ трудахъ лирическихъ; но въ поже время изучалъ великихъ писателей, бесѣдовалъ съ ними ежедневно и умѣлъ внушить любовь къ Руской словесности весьма многимъ изъ нашихъ молодыхъ Липператоровъ. Кажется, и самъ его родной племянникъ, нашъ славный пѣвецъ А. С. Пушкинъ, первыми одобреніями въ занятіяхъ словесностию исключительно обязанъ доброму и благородному своему дядѣ. Мы помнимъ по время, когда никто еще не зналъ Александра Сергеевича, и когда только начальныя опыты сего Поэта появились въ *Россійскомъ Музеумѣ*, изданномъ В. В. Измайловымъ; Пушкинъ дядя говаривалъ неоднократно: „Посмотрите, что будетъ изъ Александра!“

Наши Министры, Д. Н. Блудовъ, Д. В. Дашковъ, и многіе другіе, нынѣ весьма значительные люди, въ своихъ юныхъ лѣтахъ были почти неразлучными собесѣдниками В. Л. Пушкина. Они слушали его какъ друга и — дружились съ Музами. — Вообще всѣ знакомцы покойника лишены въ немъ добраго, гостепріимнаго хлѣбосола, врага всякому худому слову о человекѣ.

Службу свою Василій Львовичъ началъ и продолжалъ въ Гвардіи Екатерины Великой, вмѣстѣ съ И. И. Дмипріевымъ и другими отличнѣй-

шими того времени Липператорами. Онъ написалъ тогда свое первое *Посланіе къ камню*, напечатанное въ С. - *Петербуржскомъ Меркуріѣ* 1793 года, а потомъ въ прекрасныхъ стихахъ началъ передавать свои чувства *Хлоѣ*. Всѣ сіи и другія его стихотворенія печатались въ *Аонидахъ*, въ *Вѣстникѣ Европы*, когда онъ издавался Н. М. Карамзинымъ и В. А. Жуковскимъ, и въ Журналахъ Князя Шаликова.

Съ 1801 го по 1803 годъ Пушкинъ жилъ въ чужихъ краяхъ. Въ Парижѣ онъ подружился съ Дюсисомъ, Сикаромъ, Делилемъ, Сен-Пьеромъ, Легуве, Мишо, и желая познакомиться ихъ съ древнею нашею поэзіею (кошорой сіи Французы никакъ не предполагали), перевелъ на Французскій языкъ нѣсколько старинныхъ Рускихъ пѣсень. Замѣчательно, что одинъ изъ упомянутыхъ писателей, читая Рускія пѣсни (какъ рассказывалъ Пушкинъ), тогда же напечатанныя (и принятыя со всеобщимъ одобреніемъ) во Французскомъ журналѣ Графа Сегюра: *Archives littéraires*, нашель въ нихъ много сходнаго съ древностію Гомеровою, и собсвенно по симъ Рускимъ стихотвореніямъ заключилъ, что въ древности языкъ стиховъ у всѣхъ народовъ былъ одинъ и пошъ же. Въ Лондонѣ нашъ Поэтъ занимался Англійскимъ языкомъ и перевелъ нѣсколько опривковъ изъ Томсоновой поэмы: *Четыре времени года*. Все путешествіе Василья Львовича описано въ письмахъ къ друзьямъ; но, къ сожалѣнію, изъ нихъ немногія только напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы* того времени. Въ продолженіе сихъ же путешествій нашъ соотечественникъ успѣлъ собрать драгоценную по твореніямъ лучшихъ писателей библіотеку; многія изъ книгъ сего собранія принадлежали Королевской и другимъ богатымъ до революціи библіотекамъ. Самъ бога-

тѣйшій нашъ библиоманъ, Графъ Д. П. Бушурлинъ, любовался библиошекою Пушкина и взиралъ на нее не равнодушно; но, къ общему сожалѣнiю, она погибла въ Московскомъ пожарѣ 1812 года и оставила въ чувствительномъ сердцѣ Липперашора вѣчное о себѣ сожалѣнiе; другою, собранною имъ уже послѣ того библиошекою онъ восхищался; но не гордился ею сколько, сколько первою. Огорченный и сильно расстроенный тогда общими обстоятельствомъ, онъ жилъ въ своей Нижегородской деревнѣ, около Лукоянова; велъ постоянную переписку съ родными и друзьями (откуда и я имѣю нѣсколько его писемъ); писалъ стихи, и приготавливался издашь свои стихотворенiя, копорыя и напечаталъ въ С.-Петербургѣ 1822 года. Сiя небольшая книжка напечатана очень хорошо, на веленовой бумагѣ, съ эпиграфомъ изъ Моншаня: *Ce sont icy me fantasies, par lesquelles je ne tasche point à donner à connoistre les choses; mais moy* (*). — Приличнѣе сей надписи сочиненiямъ Пушкина не найдется: онъ такъ думалъ, такъ писалъ, даже такъ дѣйствовалъ въ продолженiе цѣлой жизни! При книгѣ приложенъ весьма сходный портретъ, въ Парижѣ гравированный. За годъ до кончины Поэтъ предпринялъ намѣренiе печатать свои труды вторымъ изданiемъ, ибо они составляли уже липперашурную рѣдкость; но не успѣлъ совершить ни сего намѣренiя, ни побывать въ Италiи, какъ ему хотѣлось.

(*) Издатель Д. Ж. получил сiю книгу при слѣдующихъ на блѣомъ листкѣ стихахъ, характеризующихъ Автора:

Поэту милому, товарищу и другу,
 Щастливому отцу, щастливому супругу,
 Вотъ отъ души подарокъ мой!
 Въ часъ скуки и ошдохновенья
 Читай мои стихотворенья

И помни, чино люблю любимымъ бышь тобой.

По характеру своему Василий Львовичъ былъ душою каждой бесѣды; не было шакого мастера на *буриме* и *каламбуры*, на *эпиграммы* и *шарады*: онъ импровизироваль (*) ихъ по какому-то особенному вдохновенію и съ пріятностію неописанною. — Полемика для него была прошивна; онъ пробѣгалъ ее съ негодованіемъ, и всячески спарался опклоняшь молодыхъ друзей своихъ ошъ сего рода писаній и укорялъ за оныя спарыхъ.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

КЪ ДОЧЕРИ МОЕЙ ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ИМЯНИНЬ.

При подаркѣ загороднымъ домикомъ.

Прошелъ вѣкъ щастливый игрушекъ,
И ужъ проходитъ скучный вѣкъ
Ученья и ученыхъ текъ (**),
И ждетъ ужъ свѣтскихъ шумъ гремушекъ
Души неопытной твоей,
И твоего ума младаго,
И сердца, чуждаго людей
Изъ круга, сердцу нероднаго! . . .
Ахъ! знай, мой другъ, что *щастья* нѣтъ
Въ *юдоли плаги* — въ здѣшнемъ свѣтѣ:
Оно — обманчивый предметъ!
И „тайный рокъ въ своемъ совѣтѣ
„Сердца на горестъ осудилъ,
„А щастью бытъ велѣлъ украдкой (***)!“
Проспись заране съ мыслью сладкой
О томъ, чего не находилъ
Еще никто; къ чему спремиться
Мы склонны всѣ! . . . Но средсва есть

(*) Я имѣю большую коллекцію *экспромтовъ*, писанныхъ ко мнѣ на разные случаи, и думаю выдать сію лиштературную игрушку въ небольшой книжечкѣ. *Изд.*

(**) Школьное названіе клееночной сумки для шестрадей.

(***) Карамзинъ.

Отъ грозныхъ жизни бурь укрыться
 Въ надежной пристани: къ ней честь,
 Къ ней добродѣтель, справедливость,
 Разсудка здравость, усть нельстивость,
 Къ ней помышлений чистота,
 Къ ней чувствъ и дѣйстви правота
 Нашъ зыбкій, уплый чолнь проводяшь,
 И отъ подводныхъ спрашныхъ скаль
 Спасенье вѣрное находятъ:
 Вотъ что намъ Промысль въ *благо* даль!
 Оно въ душѣ сокрыто нашей,
 И въ неизбѣжной скорби намъ
 Цѣлбною бываетъ чашей,
 Невѣдомой лишь злымъ сердцамаъ.

И такъ подарокъ имянинный
 Есть въ то же время для тебя
 Урокъ того, довольно длинный,
 Къ чему гошовить шы себя
 Должна отъ юности безпечной;
 Хозяйкой, госпожею бышь,
 Любимою чистосердечно;
 Примѣромъ для дѣтей служить,
 Когда пошлются Небесами,
 И для супруга жизни путь
 Усплашь безъ тернiя цвѣтами!
 Ахъ! только милыхъ женщинъ грудь
 Всѣ язвы наши исцѣляетъ,
 И радостей сосудъ златой
 Для насъ природа вамъ вручаетъ.
 Мы славны . . . . сильною рукой;
 А вы велики нѣжнымъ чувствомъ,
 Которое всегда для васъ —
 Щасливившь въ скорбной жизни насъ —
 Бываетъ щасливымъ искусствомъ!

И такъ подаркомъ, дочь, владѣй;
 Но въ памяти *урокъ* имѣй,
 И оправдай ошца надежды:
 Тогда *безъ слезъ* сомкнешъ онъ вѣжды.

Сокольники.

26 Августа 1830.

С М Ъ С Ъ.

1.

*Иллюминація Кремлевскихъ садовъ
22го Августа.*

Высокопороджественный, всерадостный и доспославный день Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, празднуемый сердцами вѣрноподданныхъ, щаспливыхъ и спокойныхъ подѣ благопворнѣйшимъ Скипепромъ въ мѣръ, кончился великолѣпною иллюминаціею Кремлевскихъ садовъ, привлекею безчисленное множество зрителией, гулявшихъ по аллеямъ и вѣдвшихъ кругомъ въ экипажахъ. Проспой народъ, внѣ ограды, слился, казалось, въ одну массу необъятную. Тихая, теплая и лунная ночь благопріятствовала всеобщему веселію. Ничто не нарушало порядка и успройства, царствовавшихъ въ продолженіе пяти, или шести часовъ.

Какъ скоро стало смеркаться, всѣ при сада озарились яркими огнями, представившими горящія, подобно чувствамъ нашимъ къ Виновникамъ порока, разнообразныя, плѣнительныя картины. — Описываемъ ихъ подробно.

Первый садъ.

1. Средняя аллея была иллюминирована арками, между которыми блиспали разноцвѣтные огни.

2. Съ одного конца сей величественной аллеи надѣ пандусомъ возвышался щипъ изъ колоннады, украшенной фестонами и гирляндами. Надѣ колоннадою сіяли вензелевыя Имена ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Августѣйшей Супруги ЕГО. — На противоположномъ концѣ изгибалась арка, подѣ которою билъ фонтанъ.

3. Къ сѣнѣ Арсенала надъ древнимъ громомъ стоялъ колоссальнаго размѣра храмъ, колоннады котораго также были украшены фестопами и гирляндами. Во внутренности храма пылалъ великолѣпно украшенный жершвенникъ.

4. Чугунная прелестная рѣшетка съ главными ворошами освѣщалась огненными спруями.

5. По газону блисшали огненные, чрезвычайно красивыя ёлки.

Вторый и третій садъ.

6. Во второмъ саду надъ паншдусомъ озлащались разноцвѣтными плодами искусственныя деревья.

7. Прошивъ дома, занимаемаго Господиномъ Комменданшомъ и возвышающагося надъ Кремлевскою сѣною, билъ огромный фонтанъ, а по сторонамъ онаго сіяли двѣ прекрасныя огненные пирамиды.

8. Входы въ сіи сады украшались обширными арками и вся средняя алея была освѣщена арками же.

9. Въ обоихъ садахъ также блисшали по газону огненные ёлки.

10. Молчаливые свидѣтели великаго событія, празднуемаго въ сей благодатный день, Кремлевскія сѣны, во всѣхъ прехъ садахъ были освѣщены по зубцамъ необозримымъ.

Вся сія достопамятная иллюминація, подающая въ описаніи только слабое понятіе о красотѣ своей, произведена отъ Экспедиціи Кремлевскаго Спроенія по проекшамъ Архипекпора Тюрина, достойнаго извѣстности по опличному таланту своему.

Должно сказать, что щипъ и храмъ были поставлены въ перспективѣ: новое искусство

представляль на плоскости выступы и впадины зданій.

Во всѣхъ прехъ садахъ гремѣла полковая музыка.

Экзерциръ-Гаузъ, находящійся пропивъ перваго сада; Присудственныя Мѣста, съ другой стороны онаго; многія публичныя зданія и частныя дома были иллюминированы прекрасно. — Въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ, на Тверской, мы замѣтили необыкновенную иллюминацію: на двухъ окнахъ стояли бюсты ИМПЕРАТОРА и ИМПЕРАТРИЦЫ; за каждымъ бюстомъ транспарантъ изображалъ парящую Славу съ трубою и рогомъ изобилія; между ними на проспектъ сіяли Августѣйшія Имена подъ алмазными коронами.

Царственный Гость нашъ, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ, изволилъ объѣхать въ коляскѣ кругомъ садовъ и провести эпопѣ вечеръ у Господина Комменданша, въ большомъ обществѣ.

2.

Нѣмецкое Собраніе.

Въ предыдущемъ Но своего Журнала мы дали, какъ надѣмся, нѣкоторое понятіе о *Нѣмецкихъ маскарадахъ*, столь забавныхъ, столь зашѣливыхъ, что, казалось, нечего уже прибавить къ ихъ *совершенству* — и однакожь увидѣли послѣ, что они были далеки еще отъ своего *пес plus ultra*.

Подобный маскарадъ, данный Нѣмецкимъ Собраніемъ 15 Августа, представилъ новыя группы каррикатуръ, шедшихъ и ѣхавшихъ въ такомъ видѣ, который разсмѣшилъ бы и самаго угрюмѣйшаго Капона. Полковая музыка, игравшая на своихъ инструментахъ, и маскарадныя хоры, пѣвшіе понѣмецки, дѣлили процессію на

нѣскольکو часпей, слѣдовавшихъ неразрывно одна за другою въ *контрѣ-тактѣ*, опшѣнно комическѣй, по всѣмъ алямамъ иллюминированнаго сада и влекли за собою толпы зршелей, хохшавшихъ опъ всего сердца.

Но зршелей ожидало другое зрѣлище, діа-метрально пропшвположное первому: ужасныя сцены изъ какихъ-то разбойниковъ! . . . безъ кошорыхъ, видно, не лзя уже обойшсь никакому зрѣлищу; и если не разбойники, то по крайней мѣрѣ *палачъ* долженъ блѣснуть ремесломъ своимъ: чшд же можешъ бышь прѣшнѣе и въ по же время *назидательнѣе* для зршелей!..

И такъ — на высокомъ холмѣ въ кругломъ, со всѣхъ споронъ опкрытомъ павильонѣ были предсшавлены вышесказанныя сцены въ *живыхъ картинахъ*, кошорыя попчасъ освѣщались яркимъ огнемъ, какъ скоро раздергивалась занавѣсь. Положенія и лица разбойниковъ были насшоящія Шиллеровскія. Ружья, пшполелы, сабли, кинжалы спрашно угрожали неминуемою смерщю беззащитнымъ жершвамъ, распроспершымъ на землѣ, или спощимъ на колѣнахъ — и сими жершвами были женщины, дѣпи и спарцы, а дѣйствіе ужаса, вѣрояшно поднимавшаго дыбомъ волосы на головѣ робкихъ зршельницъ, еще болѣе увеличивали темная ночь и густыя высокія деревья кругомъ всего театра Каршущевскихъ подвиговъ. Они кончились тѣмъ, чшо два рыцаря разбойнической шайки явсь на крышѣ павильона съ факелами въ рукахъ, зажгли куполь его, изъ кошораго быспро вылетѣли шумныя ракешы и . . . увѣнчали спектакль *въ духѣ времени* — какъ говорашъ добрые *прихожане*...

Сокольники.

17 Августа.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Мало или нѣтъ совсѣмъ перемѣнъ въ модахъ нѣскольکو недѣль. Многія платья изъ шерстяной ткани, изъ гродендъ уже предвѣстили осень. Турецкія шали умножились.

— Поля шляпокъ будутъ въ нынѣшнюю зиму гораздо менѣе обширны и почти совсѣмъ прижаты къ ушамъ. На нынѣшней недѣли вышло много розовыхъ апласныхъ шляпокъ, обшитыхъ блондою и похожихъ на капоты.

— Реденготы изъ вышитой кисеи почти всѣ подбираются бѣлою или цвѣтною шафтою и завязываются спереди бантами одного цвѣта съ подбосемъ.

— На кисейныхъ платьяхъ носятъ болѣе одинакихъ съ платьемъ пелеринокъ, нежели бѣлыхъ канезу. Онѣ на плечахъ четверугольныя и обшиты широкою оборкою.

— Надъ рубцомъ (ourlet) бапистовыхъ или кисейныхъ (en laine) платьевъ нѣжнаго цвѣта вышивается узенькая кайма разными цвѣтами, представляющая гирлянду.

— Кашемировые эшарпы начинаютъ заступать мѣсто газовыхъ.

— Фаршучки изъ фулара все еще въ модѣ и шьются по прежнему съ двумя карманчиками четверугольными, остроконечными или полукруглыми и запянутыми вверху ленточнымъ бантомъ. Прекраснѣйшіе изъ сихъ фаршучковъ — бѣлые съ цвѣтными букетцами.

— Мода на духи прошла совершенно, и ни одна дама хорошаго тона не осмѣлится опрыскаться ими.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Шляпка креповая. Канезу гродешуровое. Платье (jupon) кисейное.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаііи, предсшавлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва, Сентября 6 го дня, 1850 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

1830.

Парижская Мода. N. 37.

Данский Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

Проза.

Приключеніе на ноглеги, или нечаянное спасеніе.

Вѣсперь печально выль въ окна, спекла прещали опъ мороза, рисовавшаго на нихъ песпрые узоры. Я сидѣль подлѣ разложеннаго въ каминѣ огня, и закушавшись въ шеплый халапъ, читалъ 3ю частъ *Юлія Милославскаго*. Это было въ концѣ Января. Глаза мои слипались опо сна; но любопытство узнашь развязку книги удерживало меня. Въ шо самое время, какъ я прочелъ слѣдующія строки: „Въ началѣ Августна мѣсяца, въ одно прекрасное утро, какой-шо прохожій, съ небольшою котомкою за плечами и весьма бѣдно одѣшый, едва переступая опъ усталости, шель по большой Нижегородской дорогѣ;“ вдругъ послышалось мнѣ, что кто-шо идееть по корридору; я положиль книжку и

съ неперпѣніемъ ожидалъ явленія : отворяется дверь и входипь моеѣ ропы уншеръ-офицеръ *Масловъ*. Надобно сказаць, что я служилъ Корнепомъ въ И . . . . . мъ гусарскомъ полку, который тогда находился въ В . . . . . ой Губерніи для укомплекшованія полку. „Здравія желаю, выше благородіе!“ сказаць *Масловъ*. — Здорово! Что новаго? — „Ничего,“ отвѣчалъ онъ „кромя, что вамъ завтра придется опсправиться въ дальній пушь по казеннымъ надобностямъ.“ — Какъ, куда? скажи поскорѣе? — „Поишите, ваше благородіе!“ отвѣчалъ вѣрный служивый: „это будеть сдѣлано тайно, и кромѣ васъ, меня и полковаго командира никпо не узнаете, куда, когда, съ кѣмъ и къ кому вы поѣхали. Вошь извольше видѣшь: прежній Полковникъ, сдавая полкъ, былъ въ начешѣ на 40 тысячъ рублей; а шеперешній по доброшѣ сердца и не желая сдѣлать его несчастнымъ, далъ ему честное слово ждашь оныхъ до перваго прилива денегъ, и чрезъ нѣсколько времени прислалъ ихъ. А какъ оная сумма была шребована главнымъ Начальствомъ; шо Полковникъ избралъ васъ, какъ самага вѣрнаго человека, для доспавленія въ Главную Кварширу. Завтра вы получите прогонныя деньги и 40 тысячъ.“

Благодарю — сказаць я — за доброе мнѣніе обо мнѣ! Но куда какъ не хочешя ѣхашь въ такую погоду. — „Но дѣло уже сдѣлано,“ возразилъ уншеръ-офицеръ „подорожная гопова, лошади запряжены и дѣло спало только за шѣмъ, чтошобъ вамъ проспиться съ Полковникомъ, одѣшься пошешѣ и съ Богомъ . . . . . Но что я такъ разговорился? Мнѣ пора идиши еще для исполненія приказаній. И шакъ, ваше благородіе, прощенья просимъ; щасшливо оспавашься.“

Едва онъ ушелъ, какъ я позвалъ Петра, моего деньщика; велѣлъ ему вычислить двѣ пары пистолетовъ, ружье и двѣ сабли; ибо я зналъ, что отправляясь въ споль дальнѣйшій путь, надобно быть осторожнымъ, и въ добавокъ къ этому я слышалъ, что дороги, по которымъ мнѣ должно проѣзжать, были весьма опасны. Ночь провелъ я почти безъ сна, но занимаясь укладкою бѣлья въ чемоданъ, по осматривая оружiя. Но вздремавши нѣсколько времени, я проснулся, и чѣмъ свѣтъ побѣжалъ въ ряды; купилъ все нужное къ дорогѣ, и возвращаясь домой, нашелъ у себя Маслова съ приказанiемъ отъ Полковника немедленно къ нему явиться. Одѣвшись на скорую руку, я пошелъ къ нему, приказавъ Петру все пригошовленное уложить въ кибитку. Не спану описывая разговоръ моего съ Полковникомъ; но скажу только то, что онъ просилъ меня, именемъ самого Бога, немедленно доставить деньги въ Главную Кварширу; пришедши же отъ Полковника, я нашелъ все готовымъ, и — помолившись Богу — отправился въ путь.

Хотя поклажи было много, но я сидѣлъ преспокойно, и возлѣ меня Пётръ. Проѣхавши верстъ около сорока, я велѣлъ остановиться, чтобы пообѣдать и переменить лошадей.

Четыреста верстъ проѣхалъ я благополучно, кромѣ того, что Пётръ ознобилъ носъ и уши; но это для солдата ничего не значило.

На одной станціи при перемене лошадей я велѣлъ переменить и кибитку, ибо прежняя стала худа и снѣгъ пробивался сквозь нея. Новый ящикъ перекаладывая изъ кибитки въ другую, увидѣлъ превеликій мѣшокъ денегъ (*).

(*) Которыя везъ я въ Главную Кварширу. К.

Вдругъ я примѣшилъ , что онъ перемѣнился въ лицѣ ; попомъ почесавъ голову , скрылся. Я оставилъ это безъ вниманія ; однакожь непріятныя черты лица глубоко врезались въ памяти моей. Я спарался забыть объ немъ , и когда все было готово , закурилъ шрубку , съѣлъ и поѣхалъ.

Пару Турецкихъ писположовъ , опбиныхъ мною у одного Турка въ прошедшую кампанію , лежали подлѣ меня. Оптѣхавъ верспъ семь , мой ямщикъ оспановилъ лошадей , медленно слѣзъ и началъ около нихъ конашься. „Чего ты дожидаешься?“ спросилъ я.

Ничего — опвѣчалъ онъ.

„Опъ чего же не ѣдешь?“

— Кибишка безъ лошадей не поѣдетъ ; видите , что лошади распрыглись. — Когда онъ сказалъ сіи слова , то пошелъ за кибишку и приспально смопрѣлъ на дорогу , конерую мы проѣхали. Наконецъ устѣлся и поѣхалъ тихой рысью. Впервыхъ я предчувспвовалъ , что это не даромъ ; вовшорыхъ , просьба Полковника принуждала меня ѣхать скорѣе.

„Спупай скорѣе ;“ сказалъ я съ сердцемъ.

Ямщикъ оглянулся назадъ и послѣ нѣкопорого молчанія ударилъ по лошадамъ , сказавъ „Чегожь еще вамъ ? не сломя же голову ѣхать ; елишкомъ много пребуешь , баринъ !“ Тупъ онъ опять поглядѣлъ назадъ.

Сердце мое вспыхнуло при сихъ словахъ , и я изъ всей мочи ударилъ его въ запылокъ ; онъ и не покачнулся. — Тихе , тише , баринъ ! дорого заклапишь мнѣ за это. —

„Послушай ты ; разбойникъ ! я тебя сей часъ ведуъ связать и прикрушивши къ санямъ , опвезу обрапно на спанцію.“ Кажешся , сіи

слова подѣйствовали и онъ поѣхалъ шибче; однакожь нѣсколько разъ оглядывался назадъ. Вдругъ вижу, мой ямщикъ опять поглядѣвъ назадъ, улыбнулся и поѣхалъ пише; я обернулся и увидѣлъ во весь опоръ скачущую тройку. Догадавшись, что дѣло плохо и узнавъ причину, для чего ямщикъ такъ часто оглядывался назадъ, я разбудилъ Пепра, который въ продолженіе нашей брани спалъ преспокойно. Пепръ былъ храбрый солдатъ, и спалъ не отъ лѣности, но отъ спокойствія духа и отъ бездѣйствія.

„Пепръ!“ сказалъ я: „заряди свои пистолеы и держи на впоромъ взводъ.“ Пепръ неговоря ни слова, исполнилъ мои приказанія. Между шѣмъ тройка все ближе, ближе къ намъ и наконецъ поравнялась съ нашею; къ удовольствію своему я увидѣлъ, что въ ней сидитъ молодой человекъ пріятной наружности. Можетъ быть, чинашели подумаютъ, что радость моя произошла отъ прусости? Но ошибутся: мнѣ весьма не хотѣлось сражаться съ мужиками.

Ямщикъ увидѣвши, что онъ обманулся въ своихъ догадкахъ, спалъ печалень.

„Не опсшавай отъ эшой кибишки,“ сказалъ я.

Намъ не постѣшь за ней — опвѣчалъ ямщикъ, почесывая спину.

„Не опсшавай, или я исполню свое общаніе.“ Дѣлашь было нечего и мы ѣхали вслѣдъ за кибишкой.

Наконецъ мы на станціи, и остановились возлѣ большой избы съ прозрачною крышей.

Молодой человекъ, ѣхавшій впереди насъ, остановился шупъ же. Вошедши въ избу, я увидѣлъ закопшѣлыя спѣны, желѣзную худую печь съ проведенною въ окно трубою, при спола, покрытыя холстиною, и около нихъ лавки; на

полкахъ помѣщались шарелки и прочая посуда. Хозяинъ какъ будто зналъ о нашемъ прибытіи; ибо расхаживалъ въ красной рубашкѣ, обаясан- ный бѣлымъ полопнянымъ фаршукомъ.

„Ахъ! господинъ Р — въ!“ вскричалъ мнѣ молодой человекъ, вѣхавшій впереди насъ.

— А! С — нъ, С — нъ! какъ поживаешь? —

Въ молодомъ человекѣ я узналъ служившаго у насъ юнкера, который получивши офицерскій чинъ, вышелъ въ отставку. Я объявилъ ему причину моей повѣздки; и мы за бутылкою Шампанскаго, бывшею со мной, вспомнили прежнюю дружбу.

Вдругъ входящъ въ избу двое здоровыхъ мужиковъ, которые дружески поздоровавшись съ хозяиномъ, начали пшянуть вино; поздравляли другъ друга съ нечаянною находкою, и безпереспанно выходили на дворъ. Я пошелъ полюбопытствовать, и къ удивленію увидѣлъ, что они шепшались, и одинъ изъ нихъ почилъ ножъ. Когда я возвратился, С — нъ сказалъ мнѣ: „Ну, братъ! что я шеперь слышалъ! . . . Не вѣрю ушамъ своимъ.“

А что такое? — спросилъ я.

„Спанемъ говоришь пофранцузски, чтобы не подслушали.“

Я согласился, — и онъ началъ:

„Едва ты отсюда вышелъ, какъ эшошъ мужикъ съ рыжей бородой опведши хозяина въ уголь, шепшомъ сказалъ ему: „Вѣдь дѣло плохо: ихъ много; намъ съ ними не сладить; не послашь ли, братъ, за свѣжими? . . . Еще рано: къ полночи прѣдушь. — Ничего — опвѣчалъ хозяинъ — сбудемъ съ рукъ, надѣйся; ты ужъ, думаю, видалъ меня: бывало и не съ эдакими

управлялся. — Тушь залаяла собака, и я не слышалъ окончанія разговора.“

— А что я видѣлъ, по еще и хуже: одинъ изъ нихъ почилъ ножъ и поминалъ мое имя. —

„Какъ бышь? вѣдь дѣло не шучочное. Ба! какая пришла мнѣ мысль: часу въ десятомъ я будто прощусь съ побою и уѣду. Здѣшнія мѣста мнѣ знакомы: я здѣсь родился. Въ двухъ верстахъ отсюда есть село; я пошлю шуда своего кучера, чшобъ подали намъ помощь, а самъ между шѣмъ съ своимъ Иваномъ спану возлѣ эпой избы въ оврагѣ; шы выдѣ и спой на дворѣ подѣ окномъ; деньщика своего оставъ въ горницѣ съ пистошомъ, и какъ скоро злодѣи войдушъ для исполненія своего намѣренія, вели ему выпрѣлишь, чшобъ дашь намъ знашь, и мы со всѣхъ споронѣ окруживши избу, переловимъ разбойниковъ.“ Сказано и сдѣлано. С — нъ расплашившись съ хозяиномъ, уѣхалъ; а я припворясь спокойнымъ, ушелъ въ свою горницу; отворилъ окно, вылѣзъ и занялъ свой постъ. Пешръ же, попушивъ ночникъ, взлѣзъ на печку. По прошествіи получаса, послышался шукъ; отворяешся дверь и раздаешся глухой ударъ, какъ послѣ я увидѣлъ, по подушкѣ. Пешръ выпрѣлилъ; С — нъ съ Иваномъ прибѣгающъ; я влѣзаю въ окно. Начинаемъ апшаку; но разбойники храбро сопровивляющся. Пешръ получаеш рану ножемъ въ ногу и падаеш на полъ; С — нъ опъ сильнаго удара попорищемъ шакже; бой дѣлаешся неравнымъ; вдругъ вбѣгаеш нѣсколько челоуѣкъ, и я узнаю въ нихъ людей, присланныхъ къ намъ на помощь. Въ минупу разбойники связаны и опправлены въ городъ. Одинъ изъ нихъ, мой ямщикъ, лишился глаза и поперялъ

два пальца правой руки; прочіе были также ранены.

С — нъ прищель въ себя. Пепръ вспаль, какъ ни въ чемъ не бывало, и я поблагодаривъ С — на, уѣхаль съ новымъ ямщикомъ и благополучно привезъ деньги къ назначенному мѣсту.

Сіе рыцарское приключеніе рассказано мнѣ самимъ Р — вымъ, бывшимъ со мною въ одномъ обществѣ, и кляшвою Рускаго гусара: онъ утверждалъ справедливоспъ своего повѣспованія.

И. К. . . . . ъ.

7 го Февраля 1830.

Н е к р о л о г і я.

(Окончаніе.)

Последнимъ спихопвореніемъ Василя Львовича были при пѣсни недокончанной имъ поэмы: *Храбровъ*; двѣ изъ нихъ и нѣсколько еще мѣлкихъ спихопвореній напечатаны въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ. Поэпъ сочинилъ уже весь планъ упомянушой поэмы, долженспвовавшей бытъ въ шеспи пѣсняхъ, и чипываль намъ многое изъ нихъ наизуспъ. *Храбровъ* шель неустрашимо посреди новыхъ вишызей романпического шурнира. . . .

Пушкинъ, по своихъ связямъ, могъ имѣшь многое; но онъ искалъ одного шолько — вѣнка опъ Музь и вниманія опъ друзей, а пошому вездѣ, гдѣ шолько ни жилъ, опъ Парижа до Лондона, опъ Лондона до Пешербурга, опъ Пешербурга до Москвы и опъ Москвы до своей Нижегородской деревни, гдѣ онъ шакъ прогашельно пропѣлъ въ славную и спрашную годину:

Примите насъ подъ свой покровъ ,
 Пишомцы Волжскихъ береговъ !
 Примите насъ : мы всѣ родные !
 Мы дѣти мапушки - Москвы !

вездѣ дышалъ равною ко всѣмъ дружбою. За границею каждый его соотечественникъ видѣлъ въ немъ добраго брата; въ Пешербургѣ онъ безъ разбора сближалъ у себя бѣднѣйшаго поэта съ знашнѣйшимъ любилелемъ лишперашуры, скрывалъ опъ перваго дары форшуны втораго, и такимъ благороднымъ образомъ соединилъ единственно Музъ и дарованіе. Словомъ : сей необыкновенно добрый и благонамѣренный чело-вѣкъ былъ самымъ дѣяшельнымъ посредникомъ между ними.

Нѣкоторыя изъ друзей Пушкина любили, неоскорбляя его, пошупить съ нимъ, и Пушкинъ самъ выпверживалъ наизусть то, что было писано въ такихъ случаяхъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ читывалъ стихи изъ своего Пупешествія, написаннаго за три дни до пупешествія:

Друзья, сестрицы ! я въ Парижъ !
 Я началъ жить , а не дышать !
 Садитесь другъ къ другу ближе
 Мой маленькой журналъ читать и проч.

Острая, прелестная шушка, ознаменованная палантомъ нашего опличнаго Поэта. Сіе необыкновенное Пупешествіе напечатано для дружескаго круга съ виньетомъ, изображающимъ пупешественика передъ славнымъ Парижскимъ прагикомъ, Тальмою, у котораго онъ беретъ урокъ въ декламациі.

Ксшани сказашъ, что у насъ весьма немногіе могутъ цѣнить достоинства сцены, какъ цѣнилъ Пушкинъ. Исключая нѣкоторыя театральныя бездѣлки, игранныя въ дружескихъ обще-

спвахъ, онъ ничего не писалъ для Галии; но видѣвши лучшіе шеатры Европы, былъ рѣдкимъ знапокомъ оныхъ и — самъ прекраснымъ актеромъ. Не могу при семъ случаѣ не вспомнить, что во время концерта, даннаго очаровательною Зонгагъ въ пользу Нѣмецкихъ акперовъ, мы вмѣстѣ съ Василіемъ Львовичемъ слушали славную Каншапрису: она пропѣла для него *лебединую пѣснь*.

Любимымъ его чтеніемъ и — масперскимъ, рѣшишельно можно прибавить, были басни. Пушкинъ ихъ читывалъ во всѣхъ Липшерашурныхъ Обществахъ, копорыхъ онъ былъ Членомъ, и предпочишельно въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, куда многіе изъ посѣпителей ѣзжали именно для того, чтобы слышать чтеніе Пушкина. Нѣкто изъ анши - Карамзинисовъ, не любившій въ особенности Пушкина, написалъ весьма посредственную басню и, какъ отецъ своего дитяти, всячески старался объ его славѣ; но слава съ нимъ не родилась! Наконецъ, жребій басни выпадаетъ изъ роковой урны: Василій Львовичъ взялся прочесть басню въ вышесказанномъ Обществѣ, прочелъ — и всѣ желаютъ знать *прекраснаго* поэта, копорый на другой день пріѣхалъ благодарить своего чтеца, и смиренно признался передъ нимъ, что слава басни обязана — его чтенію. Баснописецъ былъ *П. И. Г. - Рутузовъ*.

23 Августа мы опдали послѣдній долгъ Василю Львовичу въ его приходской церкви Св. Великомученика Никиты, что въ Басманной. Нашъ знаменитый Поэтъ, И. И. Димитріевъ, племянники Пушкина, Поэтъ Александръ Сергеевичъ и братель его; С. Д. Нечаевъ, Князь П. А.

Вяземскій, молодой Поэтъ Языковъ, двое Курбашовыхъ, М. А. Дмишрїевъ, Профессоръ Снегиревъ, Журналисты: Погодинъ, Полевой, Кн. Шаликовъ, словомъ: всѣ извѣстные Литтераторы и всѣ ближайшіе друзья покойника слѣдовали за его гробомъ до самой церкви. Наспояшель церкви, Протоірей Василій Богдановъ, духовникъ покойника, произнесъ прогашельное слово, относящееся къ примѣрной добротѣ души его и сердца. Служилели, облагодѣлельспвованные незабвеннымъ для нихъ господиномъ, рыдали и многіе изъ нихъ падали предъ гробомъ безъ чувствъ. — Изъ церкви процессія опсправилась въ Донской монастырь, гдѣ и предано землѣ пѣло покойника. Мы шли къ послѣдней приспани его почши чрезъ всю Москву пѣшкомъ.

Симъ окончу свои воспоминанія о незабвенномъ другѣ. Я наблюдалъ характеръ покойника въ разныя эпохи его жизни; бесѣдовалъ съ нимъ въ кругу знашномъ и проспомъ, и вездѣ находилъ его равно добрымъ и одинаковымъ. Миръ праху мужа, жившаго шолько для миролюбія!

М — вб.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

РАЗГОВОРЪ СЪ СОБОЮ КРАСАВИЦЫ ЗА ТУАЛЕТОМЪ.

*(Переводъ изъ стихотвореній
Дельфины Ге.)*

Pourquoi me dire que j'étais charmante,
Si je ne devais pas être aimée?

M-me de Stael, Corinne Tome 2.

Какое щастье быть прекрасной
Тогда, какъ люблшь насъ!

Донынѣ дѣйствія своихъ не знала глазъ :

Казалось мнѣ, что въ нихъ блеснишь огонь напрасной ;

Что не плѣнители мой взглядъ !

Смотрѣлась въ зеркало, чтобы видѣть свой нарядъ,

И быть пригоженькой лишь только льстилась ;

Но что прекрасна я — теперь я согласилась ! —

Теперь . . . ужь нравишься стараюсь *ему*,

Любезною себя я даже почитаю !

И *онъ* — *онъ* это говоришь !

Я это вѣрно знаю !

Да и къ чему

Онъ на меня такъ пристально глядитъ,

Когда я вмѣстѣ съ нимъ бываю,

И къъ бы я ни занялась ! . . .

Какъ мило мнѣ, что я прекрасной родилась !

Какъ рада, чувствуя что я любить умѣю !

А безъ того своей не зналабы красоты !

Но, ахъ ! что это за мечты,

Которыя меня смущаютъ ? . . . я робѣю !

Что если я . . . о ! я и вымолвить боюсь ! . . .

Что если я *ему* прекрасной лишь кажусь,

А въ самомъ дѣлѣ . . . предурная !

Но нѣтъ ! не можешь быть : красамъ *онъ* цѣну зная,

Заглядываться такъ не сталъ бы на меня !

А до другихъ — мнѣ что ? *Его* люблю лишь я !

Ищу *его* лишь глазъ и ими обладаю !

На что жъ теряешь мнѣ время на мечты ? . . .

Я *передъ нимъ* явлюсь какъ гений красоты !

Алмазы гдѣ ? . . . скорѣе ! . . . надѣваю.

Гдѣ газы ? гдѣ цвѣты ? О выберемъ мы такъ,

Чтобы къ тѣни тѣнь пришлась, чтобы ни одинъ никакъ

Не спорилъ бѣлизной съ моею бѣлизною,

И увидалъ бы вдругъ предъ свѣжей красою ! . . .

Чтобы глядя на меня, *онъ* самъ прекраснѣй сталъ . . .

Но гдѣ же шотъ цвѣшокъ, которой *онъ* мнѣ далъ ?

Нашелся ; поскорѣй ! свиданья часъ насмалъ . . .

Готова — чу! его я слышу голосъ страстной! . . .
 Какое щасіе бытъ любимой, — бытъ прекрасной!

Николай Кашинцовъ.

18 Іюля, 1830 года.

Прѣсенскіе пруды.

Э П И Г Р А М А

Василію Львовичу Пушкину.

Нашъ незабвенный другъ - Поэтъ
 Живыми, рѣзкими чертами
 Изображалъ людей и свѣтъ;
 Надъ ихъ причудами, спрашьями
 Смѣлся и смѣшилъ другихъ —
 Въ стихахъ, нерѣдко очень злыхъ:
 Но самъ незлобіемъ младенцу
 Уподоблялся цѣлый вѣкъ,
 Былъ прямо добрый человекъ
 И Лафонтеномъ спалъ по сердцу.

С М Ъ С Ъ.

Достопамятный пикникъ.

Жальемъ, что мы, при всемъ усердіи своемъ
 сохранятъ для Московскихъ дѣщописей, всякую
 достопамятность нашей древней Столицы, не
 могли, по нѣкоторымъ общоюшедшамъ, учасл-
 вовать въ пикникъ, данномъ наканунѣ шого дня,
 когда Его Императорское Высочество, Государь
 Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ, окон-
 чивъ курсъ здѣшнихъ искусственнѣхъ минераль-
 ныхъ водъ, въ вождедѣнномъ здравіи, изволилъ
 предпринять обратный путь въ С.-Петербургъ.

Многія особы лучшаго общества и обоого пола съѣхались на эпопѣю достопамятнѣйшій пикникъ. Онъ былъ въ прекрасномъ, великолѣпномъ домѣ Графа Мамонова, за Покровскими воротами, и начался въ 7 часовъ по полудни Рускимъ спектаклемъ, кончившимся сценою изъ Французскаго шуточнаго водевиля: *Les Anglaises pour rire*, въ которомъ Сент-Альбенъ отличаетъ своими масперскими фарсами болѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ водевилѣ эпаго рода. Потомъ слѣдовали *живыя картины*, представленные воспишанницами и воспишанниками Императорской Театральной школы. Пикникъ заключился баломъ и ужиномъ.

Сказываютъ, что все шло опмѣнно хорошо и что Царственный Госпъ нашъ былъ очень веселъ. Общій радостный гласъ говоритъ также, что Его Императорское Высочество весьма доволенъ Москвою, споль искренно приверженною къ Царямъ и Царской крови!

Въ особенное утѣшеніе опцовъ и маперей присоединимъ къ сему, что Государь Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ оказывалъ непрерывное благоволеніе пипомцамъ здѣшняго Кадетскаго корпуса: кромѣ того, что Его Высочество часто посѣщалъ корпусъ и осыпалъ ласками Кадетовъ, Онъ извѣдиль дасть имъ у Себя два праздника; на одномъ изъ нихъ, между прочимъ, они веселились прекраснымъ фейерверкомъ; приказалъ взять для нихъ въ Рускомъ Театрѣ двѣнадцать ложъ, посреди которыхъ сидѣлъ какъ опецъ посреди дѣшей, и наконецъ, въ день опбытія Своего изъ нашей Столицы, пріѣзжалъ прощаться съ Кадетами, рассказывающими о сихъ щасливѣйшихъ дняхъ безмятежной жизни своей прогашельнѣйшимъ образомъ!

ИЗВѢСТІЯ.

Новая книга.

Быстрое распространение наукъ и художествъ въ любезномъ опечестивъ нашемъ произошло отъ благотворныхъ законовъ, которые знать предлежишь священный долгъ каждаго вѣрноподданнаго, дабы съ тѣмъ вмѣстѣ исполняя свои обязанности, прочно пользовался Всемилоштивѣйше дарованными правами и преимуществами. Въ семь намѣреніи совокупилъ я въ одинъ составъ послановленія, до важнѣйшей части Государственнаго благоденствія относящіяся, а чрезъ долговременную службу мою въ Коммисіи составленія законовъ имѣлъ случай находить богатые къ тому при ревностномъ трудѣ источники. Въ книгу моей подъ заглавіемъ: **УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ** о въ учебныхъ заведеніяхъ, съ учрежденія оныхъ въ Россіи, старался я сколъ возможно таковой предметъ содѣлать полнѣйшимъ, съ показаніемъ послановленій, соотношенія между собою имѣющихъ, и посредствомъ хронологическаго порядка исторически представить поспешенный ходъ народнаго просвѣщенія. Сія книга, заключающая въ себѣ до 35 печатныхъ листовъ, въ скоромъ времени выдѣшь въ свѣтъ. Каждый экземпляръ оной стоить 10 рублей. Имена подписавшихся будущъ напечатаны въ концѣ книги.

Иногородныя особы прилагаютъ за почтовую пересылку каждаго экземпляра 2 руб.

Коллежскій Советникъ и Кавал. Иванъ Ивановъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Шляпки изъ Милальяской соломы убираются цвѣтами, одніе букетами, другія вѣтками; часто однимъ только большимъ цвѣткомъ, или нѣсколькими пучками (aigrette) колосьевъ, перемѣшанныхъ съ розами (roses de berger).

— Множество гроденаплевыхъ и креповыхъ шляпокъ желтаго цвѣта разныхъ отпѣнокъ; банпы, такіе же какъ пиллика, перемѣшаны съ вѣтками цвѣтовъ лиловыхъ или голубыхъ.

— Подъ вѣтви шляпками банпы или ленцы, вырѣзанныя на подобіе листьевъ, соединяются леншою, пропинушою внизу полей и немного согнушою (arcué) надо лбомъ.

— Мода вѣровъ изъ перьевъ продолжается. У Королевы былъ такомъ вѣрь, когда она пріѣхала въ Оперу.

М у ж с к і я м о д ы .

Въ покрѣтъ фрактовъ не произошло еще значительной перемѣны; цвѣтъ свѣтло-синій, Пармской фиалки, адскаго пламени (flamme d'enfer) все еще въ модѣ. Много черныхъ фрактовъ съ бархатными воротничками.

— Суконные реленгошы (croisées) бронзоваго, фиолетоваго, или синяго Королевскаго цвѣта въ большомъ употребленіи:

— Жилеты изъ шелковаго репса, синяго (bleu) или палеваго очень модны; а особливо синіе, потому что синій цвѣтъ есть одинъ изъ трехъ національныхъ цвѣтовъ.

— Суконные панталоны наиболее синяго Королевскаго цвѣта (bleu de roi).

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ Л о .

Головная уборка г-на Круаза. Плашье изъ газа поплина.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,

съ тѣмъ чтобы, въ оппечашанціи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 15 го дня, 1850 г.

Ц е н с о р ь С е р г і и А к с а к о в ѣ .

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

*Третье дополненіе къ прежде - изданнымъ
матеріаламъ для исторіи Русскихъ
женщинъ - авторовъ.*

Императрица Екашерина Алексѣевна II, кромѣ означенныхъ въ Д. Ж. (часть XXIV, № 2й, стран. 17) сочиненій и переводовъ, въ 1772 году сочинила и напечатала комедію: *Вѣстникова съ семьєю*. Поводомъ къ сочиненію сей піесы были вѣспи нашихъ городскихъ бабушекъ, копорья полковали о возобновленіи чумы, о побѣдахъ, одержанныхъ непріятелемъ надъ нами, о новыхъ поспановленіяхъ и проч. и проч. Екашерина не сердилась на боллушекъ, а любила ихъ выводить на сцену. 1782 Года, въ наставленіе двухъ спаршихъ Внуковъ Своихъ, Она сочинила нѣ-

сколько нравоучительныхъ сказокъ; изъ коихъ одну (Царевичъ Хлоръ) приписала старшему, Александру (*); а другую (Царевичъ Ѳевей) второму, Цесаревичу Констаншину. Государыня напечатала ихъ на Россійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, передѣлавъ, въ послѣдствіи, изъ *Ѳевей* извѣстную оперу. Въ 1785 году сочинена Ею, а въ 1786 вторично перепечатана, комедія *Обманщикъ* — другая сашира на Калюстро и его послѣдователей (первая же была *Обольщенный*). Въ томъ же 1786 издана Ею еще комедія: *Мнимый Мудрецъ*, служащая продолженіемъ оспрыхъ Ея насмѣшекъ надъ ложными умствователями, къ сожалѣнію, въ наше время, по чему - то, саширою щадимыми. По открытіи войны со Шведами Екашерина Великая написала весьма любопытныя *Историческія примѣчанія и объясненія на объявленіе Короля Шведскаго, изданное въ Гельсингфорсѣ, 21 Іюля 1788 года*. Сіи примѣчанія напечатаны того же года въ С.-Петербургѣ на Рускомъ и Нѣмецкомъ языкахъ порознь. Въ 1795 году чипая сочиненія Шеридана, начала и перевела его комедію: *Школа злословія*. Относя къ переводамъ Великой Екашеринны Мармонпелева *Велисарія*, скажемъ, что, по свидѣтельствъ современниковъ, Она пере-

---

(*) Богоподобная Царевна
 Киргиз - Кайсацкія Орды!
 Которой мудрость несравненна
 Открыла вѣрные слѣды
 Царевичу младому Хлору
 Взойти на ту высокую гору,
 Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
 Гдѣ добродѣтель обитаетъ, и проч.

вела изъ сего историческаго романа только одну главу о *Вѣротерпимости*, а что все прочее было переведено Ея спутниками по рѣкѣ *Волгѣ*. Но выше (часть XXIX Д. Ж. No 2й, стран. 20) мы нѣкопорымъ образомъ опнесли и весь переводъ сего сочиненія къ прудамъ одной Императрицы, впрочемъ, по Своему особому назиданію за онымъ, имѣвшей на него все право.

О Княгинѣ *Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой* (Д. Ж. No 3й, часть XXIX, стран. 33) мы не упомянули, что она была урожденною Графиней Воронцовою (дочерью извѣстнаго Вельможи Графа *Романа Иларіоновича*); что она была крестницею Императрицы Елисаветы Пепровны и Великаго Князя (въ послѣдствіи Императора) Пепра Θεодоровича, и что на *пятнадцатомъ* году вышла уже за-мужъ, а на *осмнадцатомъ* овдовѣла. Кромѣ званія Предсѣдателя Россійской Академіи, она была Директоромъ Академіи Наукъ и Членомъ шаковой же Спокгольмской Королевской Академіи, Берлинской, Эрлангенской, Вольнаго Экономическаго Общества и Московскаго Университета. Самымъ первымъ произведеніемъ пера Княгини Дашковой былъ переводъ *Опыта объ Эпической поэзи*, изъ Вольшеровыхъ сочиненій. Онъ напечатанъ въ *Невинномъ упражненіи*. При семь сочиненіи Вольшеръ, для примѣра и сужденія, переложилъ стихи изъ *Лукіана*, прежде переведенные Бребефомъ. Княгиня Дашкова перевела ихъ и — знашоки увѣряли, что ея переводъ гораздо ближе къ *Лукіану*, чѣмъ самый переводъ *Бребефа*, служившій подлинникомъ переводчицы (*). Кромѣ сихъ стиховъ, она весьма много

(*) Другъ Просвѣщенія 1806 года No 3й, стран. 269. М.

писала ихъ на Рускомъ и Французскомъ языкахъ для Екашеринны Великой. Болѣе другихъ намъ извѣсны слѣдующіе :

Къ изображенію В. К. Екашеринны Алексѣевны.

Природа въ свѣтъ Тебя стараясь произвести,
Дары свои на Тя одну истощила,
Чтобы на верхъ Тебя величія возвесть,
И награждая всеѣмъ, она насъ наградила.

По убѣжденію же Великой Екашеринны Княгиня Дашкова сочинила въ 5 дѣйствіяхъ комедію: *Тонсіоковъ* (напечат. въ шип. Акад. Наукъ 1786 года). Безхарактерность *перваго*, или главнаго лица сей комедіи (*Тонсіокова*), весьма долгое время сосставляла самую занимательную поговорку для нашихъ любительей Талии, и съ тѣхъ поръ къ слову, *ни то ни сѣ*, какъ бы родилось новое, выдуманное Княгинею Дашковою: онъ, или она *и то и сѣ*. Въ Словарь Россійской Академіи Княгиня составила три липшеры и вмѣстѣ съ другими редакторами старалась объ окончаніи сего Словаря. Въ 1799 году комедія Коцебу: *Бѣдность и благородство души* (переведенная А. Ф. Малиновскимъ), весьма сильно расстрогала Княгиню Екашерину Романовну (*). Но ей казалось (какъ замѣчаетъ Сочинитель Нов. Историч. Слов. о Россійск. писателяхъ), что благородный духъ Цедерспрейма и Фабіанова алчность къ богашеству достойнаго возмездія не получили, и для того рѣшилась написать продолженіе оной, которое начала въ шопъ же самый вечеръ, упошребивши на него

(*) Къ сожалѣнію, послѣ Шушерина и Померанцова мы уже не можемъ видѣть подобныхъ комедій. Водевиль, ужасы Трилогій съ *варварствомъ* Дюканжа совершенно завладѣли нашею сценою и — боюсь спросить: не измѣнили ли даже и самый вкусъ нашихъ зрителей? М.

только одинъ часъ времени. На другой день еще часъ и двадцать минутъ были нужны скороспечному перу ея для окончанія сей комедіи подъ названіемъ: *Свадьба Фабіана*, или *Наказанная аличность къ богатству*; чему многіе досповѣрные люди были свидѣтелями. Въ изданномъ при Императорской Академіи Наукъ *Ежемѣсячномъ сочиненіи*, пакже и въ *Другѣ просвѣщенія* 1804 и 1805 годовъ помѣщены нѣкоторыя изъ прозаическихъ ея сочиненій. Вошь образчикъ прозаическаго слога сей Писательницы; она изображаетъ Екашерину: „Въ нѣдрахъ благословеннаго мира, въ звучномъ ли злобномъ шумѣ брани, Царямъ, сосѣдямъ, недругамъ предписывала Она законъ; превосходствомъ ума вселенную удивляла и покоряла, плѣняя восхищенныя сердца; мыслила, писала мудро и пріятно; злобу, слепни, предубѣжденія слабыхъ умовъ крошестію опражала; прощала, какъ милосердое Божество; Отечество любила, народъ свой чпила, превозвышая его предъ всѣми народами, приписывая ему превосходныя дарованія шѣла и души, силу, храбрость и догадку; и наконецъ мудрымъ Царямъ примѣромъ навѣки прослыла (*).“

При сей надписи приложено письмо Княгини Дашковой къ Издапелямъ *Друга Просвѣщенія*. За симъ слѣдуютъ тамъ же напечатанныя изъ ея сочиненій: *Четырестишіе*, *Эпиграммы*, Письмо о Графѣ *А. Епф. Пушкинѣ* и проч. Весьма любопытна Рѣчь, произнесенная Княгинею *Екатериною Романовною* въ 1783 году при открытіи Императорской Россійской Академіи. Мы имѣемъ оную со списка, хранившася

(*) Другъ Просвѣщенія. М.

у сына Княгини, покойнаго Князя *Павла Михайловича Дашкова*. „Безчисленное множество должностныхъ и любопытныхъ собралось въ залу Академіи“ — такъ передаетъ намъ одинъ современникъ извѣстіе о торжественномъ открытіи святилища Наукъ — „шумъ оныхъ входящихъ и вошедшихъ уже посѣтителей не предвѣщаль намъ добраго; я первый не надѣялся что-либо слышать. Но съ появленіемъ Екашерини (*) все умолкло и малѣйшее жужжаніе мухи могло бытъ слышнымъ. Въ то же время и на кафедрѣ предспалъ украшенный всѣми почестями Двора Предсѣдатель. Но исключая знаки опличій, одежда его была проста. Это была прекрасная, величественная женщина въ обыкновенной одеждѣ наставницы; волосы ея были убраны, но безъ пудры и безъ всякихъ украшеній. Екашерина легко наклонила голову и Орапоръ произнесъ:

„Г о с п о д а !

„Новый знакъ попечительнаго о нашемъ просвѣщеніи промысла Всеавгустѣйшей нашей Монархини, Вина настоящаго нашего собранія, Содѣтельница поликихъ нашихъ благъ, даетъ нынѣ новое, опличное покровительство и Россійскому слову, поль многихъ языковъ повелишело. Вы, Господа, знаете цѣну сего Монаршаго къ Опечеству и сему Собранію дара: вамъ извѣсны обширность и богатства языка нашего; на немъ сильное краснорѣчіе Цицероново, убѣдительная сладость Демосѣенова, великолѣпная *Виргиліева* важность, *Овидіево* пріятное вишійство и гремящая *Пиндара* лира не теряютъ своего достоинства; пончайшія философи-

(*) Императрицы, посѣщавшей тогда, какъ говорятъ, торжественныя собранія инкогнишо. М.

ческия воображенія, многообразныя семейственныя свойства и премьны имѣють у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи; однако при всѣхъ сихъ преимуществахъ недоставало языку нашему предписанныхъ правилъ постоянного опредѣленія рѣченіямъ и непремѣннаго словамъ знаменованія. Отсюду происходила разнообразность, въ сопряженіи словъ несвойственная, или паче рещи обезображивающія языкъ нашъ рѣченія, заимствуемыя отъ языковъ иностранныхъ; учрежденіемъ сей Императорской Россійской Академіи предоспавлено усовершенство и возвеличить слово наше препрославленному вѣку Екашерины II, ожидающія сего совершенія отъ нашего Собранія, щедрою Ея ободряемаго и покровительствомъ созидаемаго.

„Многообразныя древности, разсыпанныя въ пространствахъ Отечества нашего, обильныя лѣтописи, дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ, каковыми немногіе изъ существующихъ нынѣ Европейскихъ народовъ по истинѣ хвалятся могутъ, представляють упражненія нашимъ обширное поле (*), на коемъ въ самыя сокровенности, предводящу намъ лучезар-

---

(*) Не говоря объ успѣхахъ Грамматикувъ нашихъ, въ печеніе почти пятидесятилѣтнія (по открытіи заведеній Академіи) болѣе или менѣе усовершенствовавшихъ отечественное слово, путешествія по Россіи для изысканія историческихъ древностей еще не удовлетворительны: предпріятія *Холаковскаго* прекращены его смертію; путешествія *Свиньина* болѣе полезны для живописи, нежели для Исторіи: впрочемъ они имѣють свою цѣну; поѣздка *Макарова*, отправленнаго Генераль - Губернаторомъ Балашевымъ по пяти Велико-Россійскимъ Губерніямъ, не доставляла всѣхъ удобностей трудолюбію путешественника. Ожидаемъ полныхъ археологическихъ свѣдѣній отъ П. М. Спирова. М.

ному свѣту Всеавгустѣйшія нашей Покровительницы, проникнуть возможемъ; звучныя дѣла Государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ Екашерины II явяшъ намъ предметы къ произведеніямъ, доспойнымъ громкаго нашего вѣка; сіе равномерно, какъ и сочиненіе Грамматики и Словаря, да будешъ первымъ нашимъ упражненіемъ: симъ да принесемъ Великой Монархинѣ, Машери Опечества и нашей Покровительницѣ, первую и почтеннѣйшую жертву благодаренія (*).

„Господа! Позвольте мнѣ бытъ благонадежною, что вы не сомнѣваетесь въ истинномъ моемъ признаніи къ той чести, кою я, по благоволенію Монаршему, имѣю съ вами въ семъ полезномъ для Опечества учрежденіи сотоварищесествовашъ. Будьте увѣрены, что я всегда горѣть буду безпредѣльнымъ усердіемъ, испекающимъ изъ любви моей къ любезному Опечеству, ко всему тому, что сему нашему обществу полезно бытъ можетъ, и что неусыпною прилѣжностію буду стараться замѣнить недоспажки моихъ способностей, за нужное считая прочесть при семъ первомъ нашемъ засѣданіи первоначальныя начертанія, кои я имѣла щастіе представить Ея Императорскому Величеству, съ тѣмъ, чтобы вы, Господа, могли сдѣлать свои примѣчанія, и дополнили основанія нашего устанвленія. Опъ вашей прозорливости конечно не скроется, что докладъ мой былъ весьма несовершенъ. Я въ извиненіе себѣ вамъ представляю: не что привыкла съ поolikoю же довѣренностію,

---

(*) Замѣчено, что Екашерина при всякомъ отношеніи къ Ея Особѣ, пронушая до глубины сердца, съ видомъ пріязненной укоризны бросала взглядъ на Оратора. М.

какъ и благоговѣніемъ, безпримѣрной нашей Монархинѣ; коея душа сколь оплична, споль и снисходительна, повергашъ хошя несовершенно, но чистыя намѣренія свои. 2е Чпо я не имѣла въ виду, не надѣялась на себя и не льспилась такое полезное и славное учрежденіе бышь въ состояніи основашъ; въ помощи же вашей надежду свою полагая, шѣмъ самимъ желаю искреннее свое къ вамъ почшеніе засвидѣтельствовать.“

„Для иноспранныхъ посѣщителей сія Рѣчь была переведена на Французскій, Нѣмецкій и Латинскій языки, и не было слушапеля, копорый не былъ бы очарованъ симъ поржеспвомъ!“

Изъ шушливыхъ стихопвореній Княгини Дашковой весьма извѣсна была въ свое время слѣдующая эпиграмма :

Доволенъ жизнью я моею, —
А ушверждаешъ въ ней блаженство шо :
Когда *того* я не имѣю,
Я *то* счишаю за ничшо.

Извѣстный Поэшь, Н. П. Николевъ, Авторъ *Сорены* и другихъ многихъ сочиненій, въ своемъ *Дактилѣ* (стихахъ, помѣщенныхъ во 2й части Друга Просвѣщенія 1805 года), говоритъ о Княгинѣ Дашковой, что она

. . . Званьемъ, пишуломъ Княгиня,
Правиломъ споикъ, душой героиня! . . .

Нѣсколько словъ о госпожѣ Зонтагъ.

Генріэтта Зонтагъ, знаменишая Нѣмецкая пѣвица, родилась въ Кобленцѣ 1806 года. — Родители ея, будучи сами актерами, воспитывали ее для сцены. Зонтагъ еще пятаи лѣтъ явилась на Франкфуртскомъ театрѣ въ оперѣ: *Ду-*

найская Русалка (das Donauweibchen), маленькую Саломою, а 8 лѣтъ голосъ ея уже значительно образовался. Лишившись на 9 году отца, она играла, вмѣстѣ съ матерью своею, весьма искусною актрисою, на многихъ Нѣмецкихъ театрахъ, особенно въ Дармшпادتѣ; отсюда отправилась въ Прагу, гдѣ и получила отличное образованіе въ музыкѣ. Здѣсь она явилась на сценѣ 10 лѣтъ, и превзошла всѣ ожиданія; вскорѣ попомъ отправилась въ Вѣну, гдѣ театральною Дирекціею была принята для Нѣмецкой Оперы, но съ отличнымъ искусствомъ играла и въ Итальянской Оперѣ. Г-жа Фодоръ Менъвель служила ей образцомъ въ пѣніи. Когда не спало въ Вѣнѣ Оперы (1824), по юная Зоншагъ посѣдила Лейпцигъ, гдѣ играя въ нѣкоторыхъ піесахъ, была принята съ неописаннымъ воспоргомъ. Дирекція новаго Королевскаго театра въ Берлинѣ опредѣлила ее къ оному, вмѣстѣ съ ея матерью и младшею сестрою. Здѣсь она играла съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Быстро возрасшавшая слава ея привлекла въ столицу всѣхъ любителей изящности. Таланты дѣвицы Зоншагъ подали поводъ къ сочиненію романа: „*Генріэтта, прекрасная пѣвица* (Henriette die schöne Sängerin), и возбудили продолжительныя пренія между журналистами; но она оставалась любимицею публики. Дворъ неменѣе оказывалъ ей благоволеніе и наименовалъ ее Королевскою Придворною пѣвицею. Она воспользовалась даннымъ ей отпускомъ и отправилась 1826 въ Парижъ, гдѣ была принята съ безпредѣльнымъ энтузіазмомъ; попомъ возвратилась чрезъ Франкфуртъ и Веймаръ въ Берлинъ, гдѣ извѣстіе, что она опредѣлилась на два года къ Итальянской оперѣ въ Парижъ, споль достойно умѣющимъ чувство-

вашь и цѣнишь превосходныя дарованія, всѣхъ чрезвычайно огорчило. Въ 1827 она дѣйстви-тельно оставила Берлинъ и пѣла въ Италіанской Оперѣ Лондона.

Еще въ самой юности голосъ сей удивительной пѣвицы опличался необыкновеннымъ объемомъ, и механизмъ его она умѣла присвоить себѣ съ невѣроятною легкостію; но въ Прагѣ и Вѣнѣ она совершенно образовала себя. Чистота, пріятность и гибкость суть преимущества ея голоса; она очаровываетъ слушателя пассажирами, которые кажутся звуками флейшы и которые она передаетъ въ полголоса и съ совершенно чистымъ и внятнымъ произношеніемъ словъ; она восхищаетъ знаюка и въ простомъ пѣніи, но болѣе всего способна къ Италіанскому, къ сенсименьшальному, комическому и пріятному. Тутъ она соперничествуетъ съ величайшими Италіанскими пѣвицами — какъ въ пассажахъ, такъ и въ гибкости голоса. Вразсужденіи вкуса и изобрѣженія она превосходитъ большую часть пѣвицъ, и пѣвнипательною игрою увеличиваетъ въ глазахъ зрителя свои превосходныя дарованія. Главныя роли ея суть: *Дѣвица* въ оперѣ: *Снѣгъ*; *Розина* въ Россиніевомъ *Цырульникѣ*; *Италіанка въ Алжирѣ*, *Елена* въ *Donna del lago*; *Донна Анна* въ Моцартовомъ *Донъ-Жуанѣ*; *Принцесса Наварская* въ оперѣ *Жанъ Парижскій*; *Агата* въ *Фрейшицѣ*; *Каролина* въ *Matrimonis segreto*; *Софья въ Sargin*.

Вотъ крапкая біографія сей единственной, несравненной пѣвицы, слава которой гремитъ во всѣхъ концахъ Европы! **Ф. К.**

Овасская Царица въ Мадагаскаръ.

Сія Государыня придцаши двухъ лѣтъ. Высокій ростъ ея исполненъ благородства, а лице было бы прекраснымъ даже для глазъ Европейца, если бы не расплющенный носъ: что рѣдко можно видѣть въ Мадагаскарѣ. Г-нъ Ламъ (Lamb) говоритъ, что ея домашнія привычки извѣстны немногимъ. Она выѣзжаетъ изъ дворца своего только на охоту, вооруженная лукомъ, копорымъ владѣетъ чрезвычайно ловко, или маленькими копьями, копорыя бросаетъ съ большимъ искусствомъ. Костюмъ Царицы — смѣсь Европейскихъ бездѣлушекъ и Мадагаскарскихъ модъ; родъ діадемы со спроусовымъ перомъ составляетъ обыкновенный головной уборъ ея; прекрасная шаль изгибается на плечахъ; плашье изъ Индійской кисеи, вышканной золомомъ съ Турецкими узорами, достаетъ только до колѣнъ; босыя ноги переплешены лентами, идущими вверхъ отъ красныхъ сафьянныхъ полусапожковъ.

Г-нъ Ламъ говоритъ, что онъ слышалъ отъ одного изъ чиновниковъ Царицы о любви ея къ Французскимъ модамъ, копорую она спарается скрыть отъ публики по національному духу, но не боится обнаруживать сію любовь передъ своими приверженцами. Когда былъ живъ Радама, супругъ Царицы; то онъ любилъ видѣть свою Ранавало (имя Царицы) въ придворной одеждѣ, для копорой гравированное изображение Марии-Луизы во весь ростъ служило моделью. По смерти Радама въ какомъ бы костюмѣ ни являлась Ранавало, она всегда носить за поясомъ кинжалъ, копорый врученъ ей умирающимъ супру-

гомъ. Сей кинжалъ осыпанъ изумрудами и бриллианшами удивительной величины. Симъ оружіемъ, которое, какъ говорящъ, напоено ядомъ, Радама, въ молодости своей, убилъ двухъ братьевъ, желавшихъ сопрошивляться его завоеваніямъ.

Ранавало была чрезвычайно привязана къ мужу: погребальныя почести, ею возданныя памяти его, стоили около двухъ милліоновъ франковъ.

Съ Франц.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П л с н я.

Зачѣмъ ты, жаворонокъ, вьешься
И грустно пѣснь свою поешь?
Ты съ нивъ быстро понесешься —
И новую весну найдешь!

*

Зачѣмъ щебечешь шакъ уныло,
О вѣстникъ радостный весны?
Собрался ли съ семьею милой
Искать себѣ другой страны?

*

Но ты найдешь въ странѣ пріятной
Покойный сонъ, покойный кровь;
А тамъ съ весною благодатной
Узнаешь новую любовь!

*

Но край родимый покидая,
Гдѣ я найду себѣ покой?
Друзей безцѣнныхъ оставляя,
Искашь ли ихъ въ странѣ чужой?

А. З — въ.

КЪ ЛЮБЕЗНОЙ ДАМЪ,
приславшей автору яблоки.

Не уже-ль находить мнѣ въ Гесперидскомъ дарѣ
 Изъ рукъ прекраснѣйшихъ твоихъ
 И мысль о радостномъ на зло себѣ Икарѣ,
 И мысль о тѣхъ плодахъ, жестокихъ, роковыхъ,
 Которые въ пути *бѣгущей* Апалантѣ
 Достигнуть цѣли помогли? . . .
 Нѣтъ! нѣтъ! мечты мои щастливѣе продли!
 Источникъ ихъ — въ твоемъ шалантѣ
 Обворожать сердца, не думая о томъ;
 Плѣнять умы своимъ умомъ!
 И . . . . посуди сама: поэту ли свободнымъ
 Отъ милыхъ сердцу узъ остаться близъ тебя?
 Поэту ли съ тобой въ душѣ пребыть холоднымъ?
 Ахъ, нѣтъ! скорѣе онъ . . . . забудешь самъ себя! . . .

ИЗВѢСТІЯ.

Новая книга.

Когда, какъ вся наша Литтература заключается, можно сказать, единственно въ Журналахъ, и когда сіи послѣдніе не перестаютъ въ продолженіе многихъ лѣтъ болѣе и болѣе укорять другъ друга не только преступленіями противъ Грамматики, Логики, вкуса и проч., и проч., но и противъ нравственности, и противъ давно принятыхъ всѣми образованными людьми необ-

ходимыхъ правилъ Европейскаго общежитія, нещадно унижая взаимное достоинство (*); явленіе книги *полезной и пріятной* естъ конечно такое сокровище Липшерашуры, для котораго она сбрасываетъ, кажется, печальную одежду свою и котораго украшаетъ просіявшее чело свое.

Такова недавно вышедшая книга подъ заглавіемъ: *Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели*. Съ эпиграфомъ изъ Державина:

Лишь истина вовѣкъ сіяетъ;
Она едина составляетъ
Всѣхъ добродѣтелей зерно.

Мы въ особенностіи рекомендуемъ сію книгу Чинапельницамъ своимъ. Содержаніе спашей и красота слога вполне оправдываютъ мнѣніе наше объ оной. Слѣдуя *истинѣ* и уважая *добродѣтель*, мы смѣло скажемъ, что рекомендуемая нами книга и занимательна, и поучительна. Она посвящена Его Сіяшельству, Господину Попечителю Московскаго Университета, Князю Сергію Михайловичу Голицыну.

Самое посвященіе ручается за достоинство книги.

О П Е Ч А Т К А.

Въ предыдущемъ Но, на первой стран. должно гитать: Юрія, вл. Юлія.

(*) Оно не страждетъ только тогда, когда благородное негодованіе вынуждаетъ подобныя укоризны.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Кромѣ плашьевъ гроденаплевыхъ или шалевыхъ (chalis), уже означающихъ осеннія моды, нѣтъ ничего такого, что бы не походило на туалеты нынѣшняго лѣта. Должно подождать нѣсколько дней для наблюдений, которыя бы не были повтореніемъ одного и того же. Но по оригинальности туалета и по хорошему вкусу всегда узнаешь женщину, умѣющую одѣваться. Такимъ образомъ мы замѣтили на этой недѣли многихъ молодыхъ дамъ, которыя шляпки изъ Испальянской соломы были убраны букетомъ пяти маленькихъ голубыхъ перьевъ, приколаныхъ на одной сторонѣ тульи. Сіи шляпки соотвѣтствовали, какъ не лзя лучше, Флорансовымъ гриделеновымъ реденготамъ.

— Матерчатые цвѣтные реденготы, гроденаплевые капоты (шляпки), обшитые блондою, шаль на плечахъ и шелковые черныя ботинки составляютъ упреннй костюмъ.

— Почти всѣ прически молодыхъ дѣвушекъ на Кипайскій манеръ, à la Chinoise; а молодыя дамы убираютъ волосы такъ, чтобы они представляли повязку на чель (en bandeau sur le front). На верхушкѣ головы коса вѣнкомъ, или двѣ большія букли (coques) поддерживаются высокою черепаховою гребенкою.

— Серги чрезвычайно большія, золошья или изъ каменьева; однѣ въ образѣ виноградныхъ кистей, другія дѣлаются жирандолями.

Изъясненіе картинки при семъ №.

Шляпка - капотъ креповая. Плашье изъ вышитой Индійской кисеи.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,

съ тѣмъ чтобы, по опечачаніи, представлены были въ Ценсурный Комиссiя при экземпляр. Москва, Сентября 20 го дня, 1850г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

